

СМЕНА

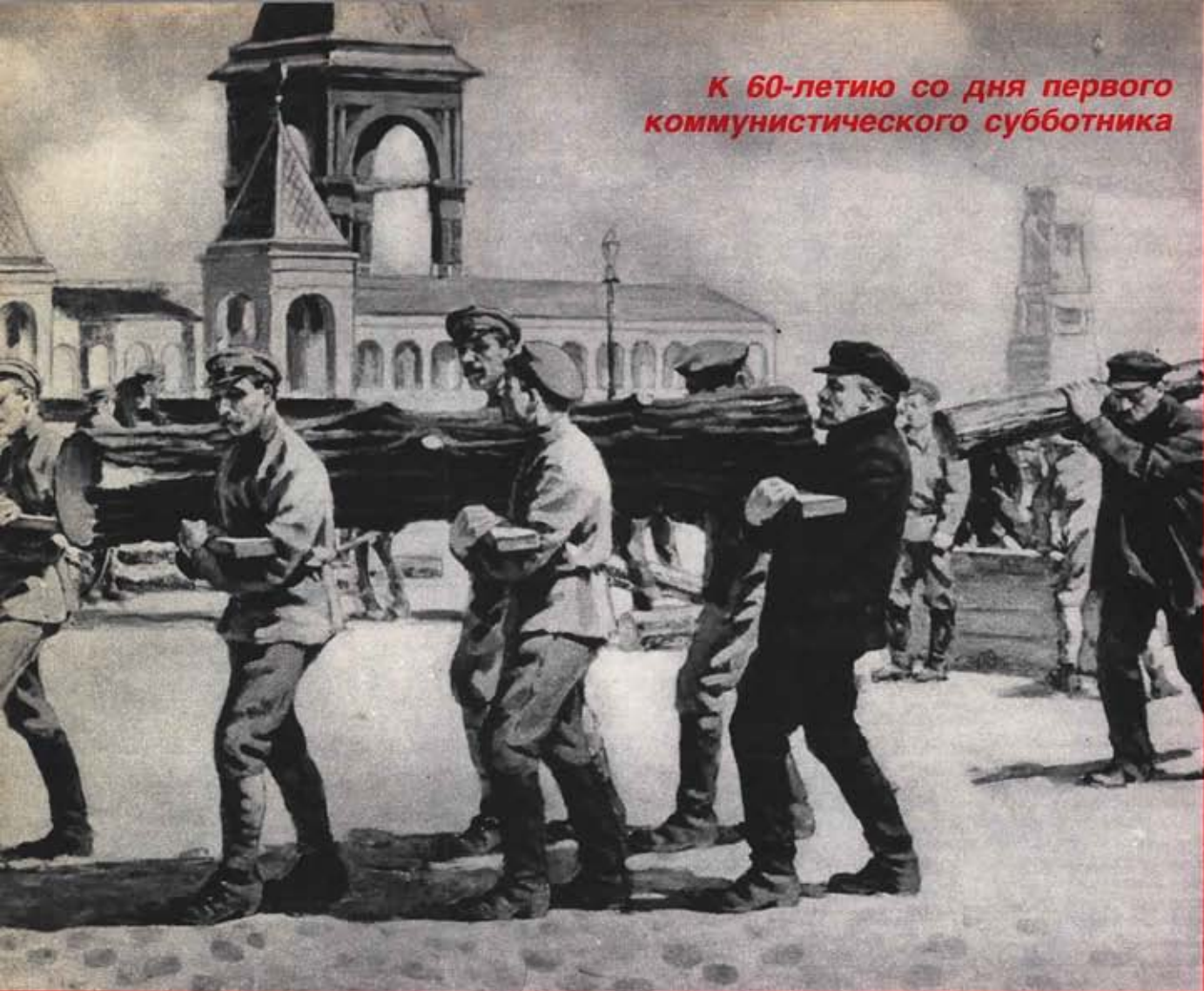
№ 7 АПРЕЛЬ 1979

НА КРАЮ КЫЗЫЛКУМОВ

К 60-летию со дня первого коммунистического субботника

**М. СОКОЛОВ.
«В. И. ЛЕНИН
НА ВСЕРОССИЙСКОМ
СУББОТНИКЕ В КРЕМЛЕ
1 МАЯ 1920 года».**

Красная суббота...
Праздник труда...
День наивысшей производительности труда...

Эти понятия вошли в жизнь Советской страны, они — на устах многомиллионного народа.

Великим почином назвал Владимир Ильич Ленин явление, выросшее из малозаметного, казалось, факта народной жизни. Однако на самом деле значение этого факта было трудно переоценить. Когда молодой Советской республике, находившейся в тисках войны и лишений, приходилось особенно тяжело, рабочие люди безвозмездным, бесплатным трудом оказали поддержку Отечеству. Было так: в ночь на субботу 12 апреля 1919 года пятнадцать коммунистов депо Москва-Сортировочная сами, добровольно, не помышляя о вознаграждении, вышли на рабочие места и за десять часов отремонтировали три паровоза. 10 мая там же состоялся массовый коммунистический субботник.

В субботниках Ильич увидел проявление у свободного человека свободной страны коммунистического отношения к труду. И все последующие шестьдесят лет последовательно подтверждали это. Дух ударничества, социалистического соревнования всегда, во все времена царил на субботниках. Менялись лишь масштабы дел и свершений... Вот красноречивая цифра: во Всесоюзном коммунистическом субботнике, посвященном 50-летию великого почина, приняло участие почти все трудоспособное население страны, было выработано только промышленной продукции на 600 миллионов рублей.

Забота каждого о всех, о социалистическом государстве... В этот весенний день на шахтах и на полях, в цехах и на улицах городов и сел безвозмездно работают миллионы людей, часто на сэкономленном сырье и электроэнергии, работают с охотой, с удовольствием, делом утверждая свою заботу о Родине.

Она же, социалистическая наша Родина, государство, Коммунистическая партия отвечают тем же — заботой и вниманием к нуждам своих граждан.

Недавно «Известия» сообщили о рассмотрении Советом Министров СССР вопроса об использовании средств, полученных в результате проведения Всесоюзного коммунистического субботника 22 апреля 1978 года.

Куда же направляются средства? Вот этот перечень:

109,2 млн. рублей — на строительство в 1979—1982 годах больниц, госпиталей для инвалидов Великой Отечественной войны и родильных домов на 6,82 тыс. коек, домов ребенка на 2,38 тыс. мест, амбулаторно-поликлинических учреждений на 5,32 тыс. посещений в смену и других объектов здравоохранения.

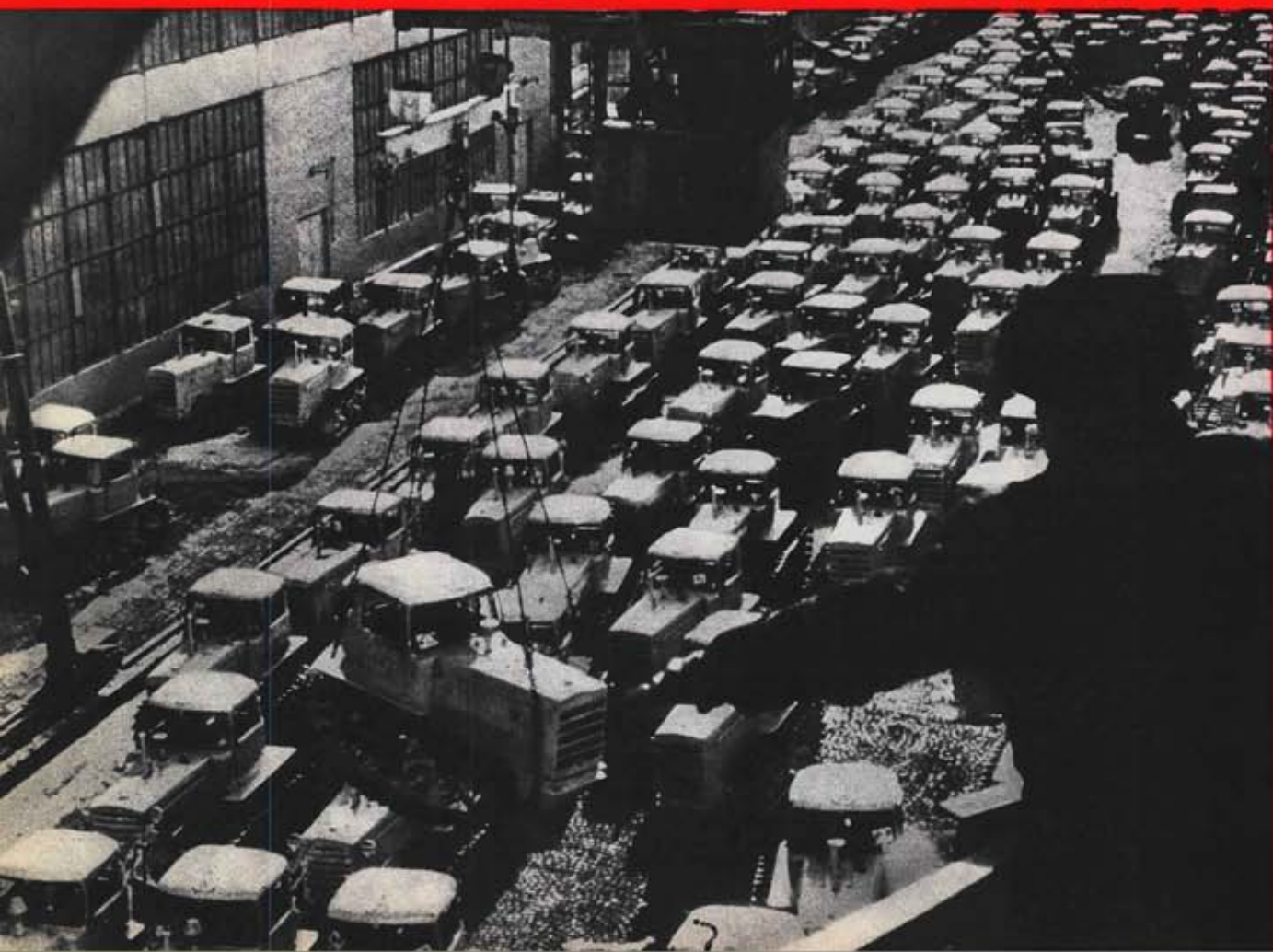
110,4 млн. рублей — на строительство в 1979—1981 годах детских дошкольных учреждений на 50 тыс. мест и сельских общеобразовательных школ на 18,6 тыс. мест.

14,3 млн. рублей — на строительство в 1980—1981 годах в Краснодарском крае первой очереди Всесоюзного трудового оздоровительного лагеря учащихся профтехобразования на 2,5 тыс. мест...

Красная суббота! Праздник труда! День наивысшей производительности труда!

Такова диалектика жизни, логика коммунизма: забота каждого об общем благе оборачивается заботой о каждом. Экономические достижения влекут замечательные социальные преобразования. Живут, развиваются, крепнут традиции великого почина.

ВЕРНОСТЬ ТРАДИЦИЯМ ВЕЛИКОГО ПОЧИНА

**КРАСНАЯ СУББОТА —
ИДЕТ СВЕРХПЛАНОВАЯ
ПРОДУКЦИЯ.**

САМОТЛОР — ШКОЛА РАБОТЫ — ШКОЛА ЖИЗНИ

Геннадий ЛЕВИН,
буровой мастер, заместитель
Председателя Верховного Со-
вета РСФСР, Герой Социали-
стического Труда

Когда-то писатель Александр Фадеев утверждал, что больше всего гордятся своими профессиями моряки и шахтеры. При всем моем давнем уважении к людям этих замечательных специальностей скажу: я не представляю себе в наши дни дела лучше, привлекательней, чем работа буровика, и считаю себя счастливым человеком, потому что выпало мне в жизни стать буровиком. Всегда, при любых обстоятельствах, и прежде всего при встречах с молодежью, буду утверждать: хотите узнать пот и радость труда, идите в буровики! Нет, я не хочу этим принизить ни одну рабочую профессию, но всем сердцем желаю поднять свою, которой бесконечно многим в жизни обязан.

Наверно, меня легче будет понять, если приведу такой факт.

Десять лет назад первая эксплуатационная скважина Самотлора дала стране первую тонну нефти. Она была добыта буровиками Степана Ананьевича Повха. Кстати, его сын Владимир сейчас работает технологом в нашей бригаде. Так что не мы добыли ту первую тонну, но мы вскоре встали рядом с повохами и уже десять лет разбуриваем Самотлорское месторождение. Наша бригада за эти годы пробурила 400 скважин, из которых на сегодняшний день добыто 100 миллионов тонн нефти.

Прославленные тюменские буровики-нефтяники, такие, как А. Д. Шакин, Г. К. Петров, С. Ф. Ягофаров, В. Т. Громов, и многие, многие другие гордятся тем, что Западная Сибирь, Тюменская область стали родиной замечательных рекордов проходчиков недр, благодатной почвой для всестороннего раскрытия сил и способностей рабочего человека, мужания молодежи, для развития технического прогресса в бурении. Признаюсь и я читателям: моя самая заветная мечта — дойти до того дня и часа (видимо, это произойдет в конце нынешней пятилетки или в самом начале следующей, одиннадцатой), когда наша буровая бригада даст миллионный метр проходки на Самотлоре.

Ну, а как я сам стал буровиком? Вся моя жизнь, с самого детства, связана с нефтью: родился в нефтяном Баку, отец Михаил Николаевич работал по ремонту бурового оборудования, потом семья переехала в Поволжье, тоже нефтяной район, и я мальчишкой много раз бывал на промыслах и буровых, видел деревянные тогда вышки, паровые машины, слышал забываемые слова: раствор, прихваты, девон, пластовое давление... Даже если бы у меня был неограниченный выбор профессий, я бы все равно стал нефтяником. В 1953 году поступил в Сызранский нефтяной техникум, через четыре года окончил его и начал работать помощником буровика в Отрадном, Куйбышевской области.

Так обстояло дело, если говорить о профессии. Но если подумать и поразмышлять всерьез, то профессия — ведь это почти все в жизни, в ней прежде всего и реализуется человек. И я так скажу: если ты сизмальства приучен к труду, если воспитан в себе чувство дисциплины и ответственности, то лучшей должности, чем буровик, не ищи. Конечно, такие качества нужны в любой

работе, но только в нашем деле без них нельзя. А если эти качества показные, если человек только маскирует ими иные свои устремления, то в условиях нашей работы долго на этом не продержится: любая неискренность, фальшь обязательно проявятся, ибо работа на вахте требует напряжения всех твоих сил — и не только физических или даже профессиональных, но и душевных. Ни разгильдяю, ни себялюбцу в бурении места нет — это не раз доказывала жизнь и в Поволжье и особенно на Самотлоре. От того, как болеешь за дело, за коллектив, за своих товарищей — с твоей ли вахты, с соседней ли, из твоей ли бригады, из другой ли, — зависит все...

Почему я задерживаю внимание читателя именно на человеческих качествах буровика? Объяснение простое. Никакое профессиональное мастерство, никакая зарплата и моральные поощрения не смогли бы раскрыть до конца причину многолетних рекордов на Самотлоре, если бы наши люди сами по себе не были бы настоящими людьми, работниками с большой буквы в том понимании этого слова, как понимал его Максим Горький.

Тюменские нефтяники не обойдены заботой и вниманием общественности — это всем известно. Много о нас пишут и в печати. И тот же журнал «Смена», который написал о нашей бригаде чуть ли не первым в центральной прессе, и этот номер (№ 18 за 1969 год) я храню, да и не я один... Так вот, там, как мне кажется, и было написано очень верно об этих чисто человеческих качествах рабочего человека тюменского Севера, буровика. Привожу дословно:

«Режим буровой непрерывный. Прервешь работу, прилипнет инструмент или чего доброго обвалится стенка скважины. И вот беда: нет еще готовых дорог на Самотлор, кроме вертолетной. Случилось, был обложной дождь, стоял низкий густой туман — вертолет не мог доставить сменщиков.

Или скважину спасай или себя жалея...

Вахта Валентина Васильева отстояла подряд... 32 часа!

Когда вертолет опустился, летчики не могли оторвать взгляда от буровиков — залепанные глинистым раствором, с воспаленными глазами, те медленно и молча влезали в кабину».

Это было в 69-м...

От себя добавлю: буровик Валентин Васильев до сих пор бесшумно работает на Самотлоре, в нашей же бригаде возглавляет одну из лучших вахт...

Северу, бурению всегда были и будут нужны люди, которых коротко можно назвать так: надежные.

Конечно, сама наша работа воспитывает в человеке те качества, о которых ведется речь. Но нужно еще и призвание. Ведь призвание — это и знание дела, и интуиция, без которой в бурении невозможно работать, и, наконец, постоянная жажда работы, постоянный интерес к ней. Недавно одного моего знакомого буровика, отдавшего Самотлору десять лет жизни, в дружеской компании спросили: «Слушай, а вот признайся — ты не устал?» Тот немного даже растерялся: «Устал? Почему устал? Да нет... я не устал». И я его понимаю: о какой усталости может быть разговор, если ты живешь работой и она тебе интересна! Это те, кто томится на работе, устают. От пустого времяпрепровождения, а главное, из-за отсутствия интереса к делу.

Но буровик потому и остается буровиком, несмотря на любые трудности, что не мыслит себя без своей работы.

Скажу больше: в характере буровика идти туда, где потяжелее, где сложнее, где выше напряжение... Мне повезло на таких людей, их много меня окружает на Самотлоре. Да и само решение тогда, более десяти лет назад, ехать из Обжитого Отрадного в суровую Сибирь говорило о буровиках много.

После службы в армии я вернулся в Отрадное, снова работал в бригаде, в которой работаю и по сей день, и вскоре мне было оказано огромное доверие — меня поставили буровым мастером... Было мне тогда неполных 24 года. На первых порах сильно помогали опытные буровики, а потом втянулся... А уже шли разговоры о тюменской нефти — и не стало нам самим от себя покоя. Но особенно страсти накалились, когда пришло известие об отъезде в Тюменскую область нашего земляка В. М. Агафонова. Ребята говорили: «Видите, Герой Труда, а не побоялся оставить насижненное место. А мы что?!» Больше всех агитировал за Тюмень буровик-бурильщик Генният Сабиров, отчаянный парень: «Неужели вы не понимаете, что мы там позарез нужны, что дел там по горло!»

Не буду сейчас подробно излагать все перипетии, вспоминать все споры и сомнения... В феврале 1968 года наша бригада в количестве 25 человек приехала в Тюмень, а оттуда самолетом в Сургут. Снег блестел под ярким солнцем, на градуснике не более 12... «Вот! — ликовав Генният. — Я же вам говорил! Меньше бы слушали всяких нытиков!» Ожидая рейса на Нижневартовск, ночевали на аэродроме. Утром вышли из дома — ахнули: больше сорока градусов, дышать трудно. Тут уже Генният наш поутих, примолк...

Но я считаю, хорошо, что сибирская природа сразу же показала нам себя. Легче было привыкать.

Нижневартовск тогда только еще начинался, еще споры шли: мол, правильно или неправильно выбрали место для будущего города, и не было вокруг ни одного каменного здания. Разместились мы в красном уголке конторы бурения (тогда еще не было управлений буровых работ — конторы бурения были): сдвинули в один угол стулья, поставили койки. На второй день вышли на работу. Стали осваивать скважину № 507. А в марте получили буровую установку далеко от поселка и начали работать.

Что значит бурение в пятидесятиградусный мороз? Поднимаем из скважины очередную «свечу», по трубе течет раствор и тут же замерзает на желобах, под ногами. Площадка станка защищена, но ветер рвется в каждую щель. Одежда быстро покрывается ледяной коркой и ломается, как картонная. А работать надо побыстрее, а то наверху замерзнет элеватор и нужно будет снова свинчивать трубы, опускать их в скважину и отогревать элеватор паром. Но ведь и так приходится время от времени греть паром замерзающие стекла манометров. Потому самим-то людям надо торопиться. И так час за часом...

Условия бурения на Самотлоре резко отличались от всех предыдущих, в которых приходилось быть. Ведь это нефтегазовое месторождение — многопластовое. Здесь предъявляются дополнительные требования к качеству разобращения пластов, эксплуатационные колонны увеличенного диаметра, и надо их оборудовать специальными головками и так далее. Требуется много дополнительных усилий, а стало быть, и времени. И особенно все осложнялось тем,

что вокруг болота. А это значило, что разбуривать месторождение вертикальными скважинами невозможно. Вывод был такой: Самотлор надо разбуривать кустовым способом, наклонно-направленными скважинами. Что это значит, поймет любой специалист. Я же скажу только одно: от бурового мастера, от каждой вахты, от всей бригады требуются внимание и мастерство постоянно, и особенно в один из решающих моментов бурения, когда выходят на кривизну и набирают ее... Ныне, например, на Самотлоре с одной рабочей площадки, с к у с т а, бурится от двух до двадцати(!) скважин.

Понятно, что работа при такой сложной технологии требовала прежде всего дисциплины. И иной характер не выдерживал. Я вовсе не хочу винить тех немногих людей из нашей бригады, которые покинули Самотлор, но обязан подчеркнуть твердость и надежность всех тех, кто остался. Остался и завоевал прочный авторитет бригаде. Конечно, вышесказанное относится не только к нам, а ко всему могучему, жизнеспособному отряду буровиков, которые прославили Самотлор, а их сейчас более двух десятков — бригад. Есть и комсомольско-молодежные: В. Глебова и Ш. Давлетзянова.

Хочу подчеркнуть: технологический опыт проходки скважин на Самотлоре всегда был делом сложным, приходилось сталкиваться с разными неожиданностями. Приведу пример.

Мы бурили скважину № 9-бис.

...Закончено первое долбление под кондуктор — 405 метров. Спустили кондуктор, продолжили бурение. Все шло хорошо. Но... когда подняли инструмент, то увидели, что долото очень сильно сработалось. Более того, одна из трех насадок осталась на забое. Посоветовавшись, решили все-таки бурение продолжать. Снова спустили инструмент, но долото словно забуксовало — ни сантиметра проходки. Подняли инструмент и ахнули: долота-то практически не осталось: ни шарошек, ни насадок, ни лап. Думали, конец. И все же решили опять попробовать... Опять спустили инструмент и... все пошло как по маслу. До сих пор не знаю, как объяснить это явление: то ли предыдущее долото все перемололо на забое в пыль, то ли что другое произошло. Сейчас вспоминаю этот эпизод с улыбкой, но тогда нам, конечно, было не до шуток.

Дальше все шло хорошо. На бурение было затрачено в четыре с лишним раза меньше времени, чем полагалось по норме, причем экономия была на всех основных видах операций: и на спуско-подъемных, и на механическом бурении, и на подготовительно-вспомогательных работах; на проходку скважины бригада израсходовала 12 долот (по 178,7 метра на долото), что было отличным результатом.

Наш рекорд мы посвятили годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Технология, как видим, тесно связана с экономикой — об этом у нас часто заходит речь на занятиях в экономической школе, которые проводятся регулярно и не первый год. Ни одна крупица опыта не должна быть забыта. Все должно находиться на вооружении, ибо жизнь ставит перед нами новые требования.

Уже в предыдущей, девятой пятилетке Самотлор превратился в ядро главной нефтяной базы страны — Тюменской области, наша нефть — существенный вклад в экономику Родины. И я скажу, что, когда читаешь в газетах насчет энергетического кризиса за рубежом, обо всех хитростях, кото-

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 7 (1245) АПРЕЛЬ 1979

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРАВДА

Наша обложка:
МОЛОДОЙ ГОРОД
НАВОИ.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

(Фотоочерк «Входя сюда, стяхните пыль пустыни» на 12-й странице.)

- 1 К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ПЕРВОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СУББОТНИКА.
Геннадий ЛЕВИН.
«САМОТЛОР: ШКОЛА РАБОТЫ—ШКОЛА ЖИЗНИ».
- 3 Терентий МАЛЬЦЕВ, дважды Герой Социалистического Труда.
«ЭНЕРГИЯ ХЛЕБА».
- 4 К 50-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ.
Елена МИКУЛИНА. «НЕТЕРПЕНИЕ СЕРДЦА».
- 6 ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ.
Феликс ЧУЕВ. «КОНСТРУКТОР СТЕЧКИН».
- 8 Рассказ Льва УСПЕНСКОГО «В МЯНЯ ПЯТЬ СЫНОВ...»
- 12 Фотоочерк Ефима ЕФИМОВА и Сергея ПЕТРУХИНА «ВХОДЯ СЮДА, СТЯХНИТЕ ПЫЛЬ ПУСТЫНИ».
- 14 КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ «ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО».
- 15 СТИХИ РАИСЫ РОМАНОВОЙ.
- 18 ЧЕМПИОНЫ О СЕБЕ.
Владислав ТРЕТЬЯК, заслуженный мастер спорта.
«ХОККЕЙ БЕЗ КАНИКУЛ».
- 20 Альберт ЛИХАНОВ.
«ЗИМОЮ О ВЕСНЕ, ИЛИ ЖЕЛТЫЙ ШАРИК СУДЬБЫ».
- 23 МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ.
«УЛЫБНИТЕСЬ ДРУГ ДРУГУ». Очерк о клоуне Юрии Куклачеве.
- 25 Лена НИКИТИНА, Борис НИКИТИН.
«...И ДЕТИ ВОСПИТЫВАЮТ НАС».
- 28 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Рассказ Артура КОНАН-ДОЙЛЯ «МАСТЕР ИЗ КРОКСЛИ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ

Художник В. В. Вантросов, Технический редактор Л. И. Курлыкова.

рые ведут империалистические государства вокруг нефти, еще и еще раз понимаешь значение Тюмени... И сознание этого каждому буровику служит опорой в самые нелегкие минуты, если тебя постигает неудача, если случается авария—любая трудность.

Этого и не может не быть в условиях освоения, при отработке новой технологии бурения в условиях тюменских болот. Нужно постоянно, ежечасно экспериментировать, вести, как говорят газетчики, рабочий поиск.

Взять ту же организацию работ. Бурение велось четырьмя вахтами, пятью, семью, восемью... Искали наиболее эффективные формы работы, спорили, учились, думали... Сейчас утвердился четырехвахтовка.

Вот мы отмечаем 50-летие социалистического соревнования. Для нас оно всегда было стержнем всей работы. И внутри бригады и между бригадами. И никогда не было случаев проявления какого-либо эгоизма, никто не держал никаких «секретов» в труде, любой интересный опыт всегда был общим достоянием: в технологии, в организации работ, наконец, в работе с людьми. Везде, повсеместно ведется поиск внутренних резервов, учитывается все, что имеет хоть какое-то отношение к снижению затрат труда и качеству бурения. Мы, например, много внимания уделяем сведению к минимуму аварий и любого брака. Ничто так не выбивает из колеи, не портит настроения, как это. Мы поняли, что если заботиться о качестве глинистого раствора, затрачивать больше усилий на его обработку, а также на профилактику ствола скважин, то резко сократится непроизводительное время в бурении. Жизнь подтвердила наш расчет. И не было у нас такого, чтобы кто-то чурался «грязной» работы, «невыгодной». А кстати, сейчас вообще об этом не может быть речи, ибо буровики перешли на бригадный подряд, то есть за весь куст скважин несут полную рабочую ответственность. Так что юбилей социалистического соревнования мы встречаем работой по методу бригадного подряда.

Конечно, в таком деле нужен, как говорят, локоть друга. И мы бы никогда не добились успеха, если бы нам постоянно не помогали вышкомонтажники, строители, дорожники, вертолетчики и вообще транспортники и т. д.

Перед началом каждого нового трудового года все вахты бригады принимают социалистические обязательства, на собрании коллектива берутся общебригадные обязательства. Этому предшествует большая подготовительная работа, в которой нам существенную помощь оказывают экономисты.

Замечу, что обязательства бывают разные: одни коллективы стремятся к напряженным, трудным показателям, другие оставляют некий запас, избирают облегченный вариант. Мы придерживаемся первого принципа, и, надо сказать, это нас иногда подводит, потому что при подведении итогов соревнования один из главнейших показателей—процент выполнения обязательств, а он, как легко догадаться, выше у тех, кто принял обязательства полегче...

Однако принятие обязательств—это только начало дела. Главное—успешно их выполнить. Вот почему в бригаде ежедневно следят за ходом соцсоревнования, обеспечивая полную его гласность листовками-молниями, стенгазетой. У нас действует и неписаное правило—каждый день перед началом вахты проводить короткие собрания: анализируем работу предыдущей вахты, заносим на доску показателей результаты. Зачем это? Чтобы любой член бригады точно знал, как работают его товарищи. Кто сегодня впереди, а кто поотстал...

Скажу, что серьезным стимулом в работе стало присуждение классности членам вахт: буровишкам, помбурам... Победителям соревнования в День нефтяника в торжественной обстановке вручаются нагрудные знаки «Буриль-

щик 1-го класса», «Бурильщик 2-го класса», «Помощник буровишка 1-го класса», удостоверения и премии. Почему преднамеренно останавливаюсь на этом факте? Он способствует выявлению индивидуальных способностей каждого буровика.

Иной раз оглянешься вокруг и задумаешься: неужели все, что сделано, сотворено за какие-то считанные годы?! Ведь чуть больше двух пятилеток прошло, а «мертвое озеро» стало знаменитым Самотлором, в глухих и пустынных местах Среднего Приобья вырос город—наш Нижневартовск, а по мощным трубопроводам идет горячая нефть Сибири...

И здесь надо сказать спасибо всем тем, кто помогает нам работать и жить,—рабочим, инженерам, выполняющим заказы Тюмени, ученым, работникам культуры—за успехами Самотлора стоит вся страна.

Как депутату Верховного Совета Российской Федерации, мне приходится заниматься немалым кругом вопросов, но главные из них—проблемы строительства, забота о том, чтобы сооружение жилых домов, больниц, школ, магазинов, учреждений службы быта не отставало от темпов роста населения города. Решать эти проблемы, как и другие, например, связанные с организацией досуга нефтяников, непросто. И все-таки я должен подчеркнуть то внимание и деловой подход, с которыми на мои просьбы отзываются должностные лица вплоть до министров республики, и в этом я вижу прежде всего уважение к нашему труду, заботу о людях, живущих в условиях сурового Севера. Сооруженная «десятиэтажка» для семей летчиков, действующий кинотеатр, вступившая в строй школа в поселке Ларьяк и другие объекты свидетельствуют, что в наших местах организуется нормальная, полноценная жизнь, где человеку хорошо работается.

Конечно, можно привести разные цифры показателей, но я хочу сказать вот о чем: приобретенный трудовой опыт, нажитые традиции должны действовать, должны быть устремлены в завтрашний день. Это—самое главное. Например, мой друг и товарищ Генният Сабиров, опытнейший буровишка, перешел в соседнюю бригаду—сменным мастером работает, несет свой опыт другим. Вся бригада—многолетний шеф над школьниками. А сейчас мы ждем бригаду недавнего десятиклассника Андрея Шенаурина (он еще окончил техникум в Саратове) и других ребят—это нами же выращенное рабочее пополнение.

Я еще за то, чтобы возросло число комсомольско-молодежных буровых бригад на Самотлоре. Кадры рабочих есть, кадры будут, но иной раз приходится слышать, что нужны, мол, молодые бурмастера. Так надо их смелее выдвигать! Я с полной ответственностью рекомендую буровыми мастерами в комсомольско-молодежные коллективы таких молодых знающих специалистов, хороших организаторов, как Степан Осадец, Владимир Татаренко, уже упомянутый Владимир Повх. Со своей стороны, наша бригада окажет такому коллективу содействие, да и есть уже такие факты: например, опытная буровая бригада А. Д. Шахшина яромогает молодым буровикам В. Глебова...

Вручая Ленинскому комсомолу в честь его 60-летия памятное знамя ЦК КПСС, товарищ Л. И. Брежнев говорил:

«За каждый день мы теперь проходим дистанцию, которая прежде требовала недель, а может быть, и месяцев. Это подчеркивает вес, значение всего, что мы с вами делаем, и ответственность, которую мы добровольно, по убеждению, как коммунисты и комсомольцы, приняли на себя».

Ясно осознаешь, что Самотлор прочно вошел в жизнь молодых рабочих всех специальностей и, конечно же, молодых буровиков, и дело за тем—говорю это без чувства ревности!—чтобы они, работая в полную силу, обгоняли нас, вчерашних молодых.

ЭНЕРГИЯ ХЛЕБА

Мы предлагаем вниманию читателей статью почетного академика ВАСХНИЛ, дважды Героя Социалистического Труда **Т. С. Мальцева**, полевода колхоза «Заветы Ленина», Шадринского района, Курганской области. В основу ее положено выступление выдающегося хлебороба на II Пленуме ЦК ВЛКСМ, обсуждавшем вопрос «Об итогах июльского (1978 г.) Пленума ЦК КПСС и задачах комсомольских организаций, вытекающих из постановления Пленума ЦК КПСС и доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева «О дальнейшем развитии сельского хозяйства СССР».

Хотя моему возрасту более свойственно подводить итоги прожитому, но производство хлеба, повышение культуры земледелия волновали меня на протяжении всей моей жизни, они волнуют и будут воодушевлять меня на дальнейшие поиски нового и теперь.

Мартовский (1965 г.) Пленум ЦК, как известно, заложил основы нынешней аграрной политики КПСС. На нем были рассмотрены и реалистически раскрыты назревшие проблемы сельского хозяйства. Подчеркнуто его значение и в общем деле коммунистического строительства.

И вот июльский (1978 г.) Пленум ЦК нашей партии. С глубоким волнением слушал я по радио и телевидению, читал в газетах доклад Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева.

Современная аграрная политика партии—это целая комплексная программа дальнейшего подъема сельского хозяйства. Она включает в себя создание устойчивых экономических условий, обеспечивающих расширенное воспроизводство в колхозах и совхозах, укрепление материально-технической базы сельского хозяйства, сочетание общенародных, коллективных и личных интересов.

Это и решение крупных социальных проблем развития села: создание необходимых условий для высокопроизводительного труда на полях и фермах, здорового и культурного отдыха людей, повышение их образования, повышение уровня нравственности и профессиональной подготовки, закрепление кадров. Партия исходит из того, что улучшение условий труда и быта сельских тружеников, внимание к людям имеют самое непосредственное отношение к быстрому подъему сельскохозяйственного производства и повышению его эффективности. Поэтому очень важно всем нам осознать, понять и руководствоваться мыслями доклада Леонида Ильича Брежнева на июльском Пленуме.

Вся моя жизнь связана с полем. Считаю, что хлеб—это самый важный продукт и такой вид энергии, без которого ни одна шестеренка не завертится. И вряд ли придет такое время, когда можно будет сказать: вот теперь у нас хлеба много и больше его не надо. Такого времени не будет.

Каждому из нас понятно, что чем больше мы вырастим хлеба, тем богаче и сильнее будет наша Родина, тем обильнее будет стол у советского человека, а промышленность получит больше сырья.

Нередко приходится слышать и читать, что якобы можно получать высокие урожаи независимо от погодных условий. Но куда же девать погодные условия, которые могут быть и благоприятными и неблагоприятными? Мы считаем главным вопросом агрономической науки и практики уметь получать хорошие урожаи в любых погодных условиях, но не в зависимости от таковых, так как изолировать урожай от погодных условий невозможно. Слово «высокий», сказанное об урожае, будет относиться к тем погодным условиям, какие будут в тот или иной год: при отсутствии осадков за весь вегетационный период урожай будет высоким и в 10—15 центнеров с гектара, а при условиях благоприятных будет низким и в 20 и 25 центнеров с гектара. Сельское хозяйство сейчас оснащено современной техникой, совершенствуется управление производ-

ством, шире стали применяться удобрения, внедряются новые интенсивные культуры и сорта. Это и плюс умелое приспособление к погодным условиям позволяют и неблагоприятное использовать как благоприятное. Нам надо больше проявлять инициативы, и я бы сказал—самоотдачи, действительности, разумного, творческого, а не шаблонного подхода.

Поле—моя радость и моя печаль. Хлеб растет—радуюсь, нет—печалюсь. Радуюсь я и тому, что хозяйничают сейчас на земле люди молодые, грамотные. Постоянно растет техническая оснащенность, происходят коренные изменения и в характере традиционного сельского труда. Все больше появляется профессий индустриального типа, увеличивается число механизаторов. В стране насчитывается пять миллионов механизаторов. Как тут не вспомнить наших первых трактористов! А уж как сеяли из лукошка, жали серпами—это немногие теперь помнят.

Основными на селе становятся профессии механизатора широкого профиля, животновод-оператора, строителя. Все больше выпускников средних школ овладевают механизаторскими специальностями, и все больше приходит на работу в село специалистов. В 1913 году во всем Зауралье был один-единственный агроном, а сегодня в колхозах и совхозах трудятся их тысячи.

Когда мой отец не пускал меня в школу, боясь, что я, получив грамоту, уйду от земли, польщуясь более легкой, чем у крестьянства, городской работой и жизнью, тогда он был прав по-своему. Но сейчас, в наше время, безграмотному нечего делать ни в поле, ни на ферме. Есть где приложить свои силы и знания юношам и девушкам. Создание на селе разного рода удобств, возрастание уровня культуры, обеспечение круглогодичной занятости—основа для того, чтобы молодежь после школы, училищ, техникумов, институтов оставалась работать и жить в селе.

Меня часто спрашивают, даже просят научить молодежь любить землю, любить сельский труд.

Но как же, говорю, можно научить любить землю, труд без занятия трудом на земле? Это будет равносильно тому, чтобы научить людей плавать без воды. Тревожит меня и всех нас, пожилых людей, то, что молодое поколение, даже сельское, не видит поля. Закончится учебный год, и поехали ребята в пионерские лагеря, в турпоездки по городам и примечательным местам. Хорошее дело—школьные производственные бригады, лагеря труда и отдыха, но, на мой взгляд, они в полной мере не решают все проблемы трудового воспитания. Здесь более заметна парадность. Нужно, чтобы обучение труду было частью обязательных школьных программ, так же как усвоение математики, литературы, истории, биологии. Думаю, что в этих целях было бы разумнее начинать на селе учебный год позже, а заканчивать раньше с тем, чтобы дать возможность детям вносить посильный труд в весеннюю и осеннюю страду рядом со взрослыми.

Не один я думаю, что главнейшее дело комсомола сейчас—нравственное воспитание. Известно, что, когда молодежь была неграмотной, работать с ней было куда легче. А теперь грамотного человека и воспитывать надо более грамотно. Сейчас дело стало куда сложнее. Как было бы не радоваться тому, что сегодня каждый второй сельский труженик имеет среднее или высшее, полное или неполное образование. Но если бы нравственная сторона в полной мере следовала за грамотой!

На фоне нашего советского образа жизни, на фоне прекрасной молодежи особенно заметны и нетерпимы проявления антикоммунистической морали, пьянства, хулиганства, мещанства. Когда я вижу парня или девушку выпивших, крикливо, безобразно, безвкусно одетых, ленивого или грубияна, в первую очередь винить надо не их, а самих себя. Мы их не удержали вовремя.

Хотя молодой человек в 16 лет получает паспорт, становится гражданином и должен знать, что такое хорошо и что такое плохо, все-таки я обращаюсь к взрослым, родителям, учителям, наставникам на производстве. К нам, взрослым, надо предъявлять требования в первую очередь, потому что если учитель говорит: «Курить вредно»,—а сам курит, он вредит воспитанию. Если старший учит: «Не пейте»,—а сам прикладывает к спиртному, пользы от такого урока нет и не будет. Невольно напрашивается вывод: комсомолу заботиться о том, кто идет на учебу в педагогический институт, в институты культуры. Посылать туда надо одаренных, талантливых людей, активных общественников. И таких людей надо примечать еще за партой средних школ.

Мне памятен такой случай, хотя и давний. В 1935 году ехали мы с делегацией из Челябинской области на съезд колхозников-ударников. Был с нами массовик. И паренек вроде незаметный, а такой, знаете ли, организатор, гармонист, что он нас быстро всех сдружил, породнил чуть ли не в один день. Весело нам было и хорошо. А когда вернулись со съезда в Челябинск, нам устроили прием, прием с поднесением. После банкета нас без памяти по гостиницам развозили. Так мы и разъехались, не попрощавшись друг с другом. Массовик-комсомолец нас объединил. А вот банкет-то нас разъединил. Думаю, что в этом плане много неправильного допускают наши кинематографисты, художники, работники телевидения, когда на экране девушки, не говоря уже о юношах, курят, пьют, волюно себя ведут. Это дурной, заразительный пример для молодых людей с неустоявшимися убеждениями.

Обидно мне, что мы подчас слепо подражаем идущему с Запада искусству и разным вредным влияниям. Нам нужна своя, советская мода. Мода у нас должна быть красивая, приличная, потому что советский народ есть знаменосец прогресса и всего самого лучшего, передового.

Ведь наша молодежь красивая, потому и одеть ее надо красиво, а не по-дикому, как иногда бывает.

Обращаюсь к молодежи и с такой великой просьбой: взять под свою охрану и защиту нашу природу. Пришло, товарищи, время решительно за это дело браться, а то будущим потомкам нам нечего будет передать. Причин оскудения природы у нас много. Первая—неограниченное и неумелое пользование ядохимикатами в сельском хозяйстве для борьбы с вредителями и сорняками. Потом—охотники. То, что из животного мира наших полей и лесов остается живым, на наших глазах беспощадно уничтожается охотниками, которых развеюсь видимо-невидимо. И как они все вооружены!

Чтобы спасти ценности, спасти красоту нашей природы, то есть Родины нашей, мне кажется, возникла крайняя необходимость просить правительство взять природу под свою строгую защиту, создав для этого Государственный комитет с целой системой на периферии. Если с этим делом не поспешить, то и охранять, дорогие товарищи, нам будет нечего, так как быстро все исчезает. У нас есть полная возможность не губить красоту, бесценность нашей природы, а приумножать такую, чтобы ко времени коммунизма она у нас была богатой и прекрасной.

Осуществленную ленинскую формулу «учиться коммунизму» я вижу в способности молодого поколения реализовать государственные задачи. Дерзайте, молодые товарищи, идите вперед к новым целям и высотам не равнодушно—активно, напористо, по-молодецки.

От души пожелаю вам, дорогие товарищи, больших успехов в выполнении решений Пленума ЦК КПСС и наказов Леонида Ильича Брежнева, данных им в своем докладе Пленуму.

Немерен

20 января 1929 года, раскрыв «Правду» и увидев статью Владимира Ильича Ленина «Как организовать соревнование», я прочла ее залпом. Теперь мне было понятно в ней каждое слово. Я подчеркиваю — теперь, потому что к тому времени я уже почти год работала внештатным корреспондентом журнала «Работница» и каждый день бывала на фабриках и заводах. Я уже научилась волноваться вместе с ткачихами, когда они жаловались на плохую настройку станков, я готова была воевать с начальниками цехов, чтобы усилить освещение на рабочих местах разборщиц слюды электротехнического завода... Понятия «норма», «выработка», «уплотнение» как бы касались меня лично.

Принюся в «Работницу» свои заметки, я сначала просила, а потом стала требовать их публикации. Мне хотелось печатным словом действовать так же весомо, ощутило, как делали это мои сверстницы на фабриках и заводах, вытаскивая детали, выбивая на тканях рисунки, укладывая кирпичи в стены новых зданий. Но хотя в те дни «Работница» выходила четыре раза в месяц, места для моих репортажей и информации всегда было мало.

Теперь-то я понимаю, почему так часто оставались в папках отдела заметки Елены Микулиной. Они были мелковаты. Рассказывая о том или ином факте, я не умела сделать из него вывод. Заметки никого никуда не звали. Я огорчалась, плакала, но уже никакими силами нельзя было оторвать меня от редакции. И напрасно я каждый вечер давала себе клятву «никогда никуда не ехать» — наутро я снова оказывалась в трамвае, со звоном мчавшемся на окраину Москвы...

Итак, 20 января я в волнении вчитывалась в ленинские строки: «...Буржуазные писатели исписали и исписывают горы бумаги, воспевая конкуренцию, частную предприимчивость и прочие великолепные доблести и прелести капиталистов и капиталистического порядка...» — писал Ленин. А передо мной возникла подвальная прачечная, пар, простиранные, изъеденные целлоком руки тети Шуры — прачки, у которой моя мать, бежав из ссылки, живя на нелегальном положении, снимала угол. Мать работала в типографии ночами, и, когда приходила на рассвете домой, так называемая «владелица частной прачечной» Шура, уже растопив плиту, поднимала пудовые баки с мокрым бельем. Нет, там, в этом подвале, никакая частная инициатива не могла помочь людям жить хотя бы чуточку лучше.

С раскрытой газетой я ворвалась в тот день в кабинет редактора Подсоцкой:

— Читали? Читали?

Подсоцкая улыбнулась и протянула мне такой же номер «Правды», где статья Владимира Ильича была густо подчеркнута красным карандашом. — Сегодня же поезжай на «Трехгорку». Послушай, что говорят рабочие.

«Трехгорка» в тот день буквально гудела.

Как проводить соревнование? Как его организовать? С чего начинать? Эти вопросы волновали всех. Но уже через шесть дней, 26 января 1929 года, «Комсомольская правда», призывая комсомол и молодежь страны организовать всенародное социалистическое соревнование, перечисляла всевозможные формы: производственную переключку предприятий, межзаводские соревнования... А 11 февраля вышло постановление Центрального Комитета партии, предлагающее настойчиво выявлять и поощрять развитие таких форм добровольчества, как ударные бригады, производственные смотры, конкурсы, переключки, рационализаторские группы, кружки повышения квалификации.

Дни мои наполнились новым содержанием. На каждом предприятии я сталкивалась с необычным.

Директор Люберецкого завода сельскохозяйственных машин товарищ Беликов, протягивая помятый листок — заявление одного из рабочих, недоуменно говорил:

— Прочтите!

«...Прошу снизить расценки с гаек М-152, так как на них установлена расценка очень большая — 15 копеек за 100 штук, — читала я. — Прошу поставить за них 9 копеек, так как при работе они нарезаются легче других. Зеленев, рабочий номер 3406».

Где сейчас товарищ Зеленев? Жив ли он?

Впрочем, таких энтузиастов в те далекие дни было множество.

Недавно я выступала по Всесоюзному радио вместе с Варварой Ефимовной Федоровой, ткачихой «Трехгорной мануфактуры». Это она весной 1929 года поставила свою подпись под первым договором на соревнование ткацкой фабрики с Каменской бумажной.

Вот что было написано в том договоре:

«Мы — рабочие ткацкой фабрики Трехгорной мануфактуры — познакомились с вашими достижениями и заявляем, что в своей работе по снижению себестоимости будем следовать вашему примеру. К Первому мая мы снизим брак и угары в два раза против теперешнего».

Вместе с Варварой Ефимовной, как я помню, договор с каменцами подписали ткачихи Никандрова, Келокатова, присучальщик Дьячков и подмастерье Матвеев.

Варвара Ефимовна рассказала о том, что этот документ был подписан после того, как «Трехгорка» 8 апреля заключила договор с девятью другими текстильными фабриками страны, который потом вошел в историю как Договор тысяч.

В эти волнующие дни и возникло у меня желание написать книжку «Соревнование масс». И так было велико нетерпение сердца, что я не думала ни о форме, ни о стиле, а просто записывала имена, фамилии, даты, названия заводов. И, вероятно, это было правильно, потому что теперь, пятьдесят лет спустя, я могу назвать эти имена, вызвать из прошлого славу плетью первых ударников нашей великой страны, зачинателей могучего движения современности.

Каким жалким лепетом кажутся сейчас слова тех, кто не верил в это движение, считал его временной мерой, явлением преходящим, навязанным сверху! Бедные, близорукие люди! Им было неизвестно, что социалистическое соревнование, с каждым годом меняя свои формы, обогащаясь, набираясь сил, станет могучим рычагом нашего прогресса во всех областях.

Я счастлива, что стояла у истоков этого движения, что все минувшие пятьдесят лет по мере своих сил и способностей старалась не отставать от него, взбираться вместе с героями своих книг на хребты пятилеток, учиться у них жить, не щадя сил, ставя перед собой все новые, более трудные задачи.

1929 год вдохновил меня на всю жизнь. Ах, какой это был волнующий год! Первый год ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ, о которой на апрельской партийной конференции 1929 года было сказано: **СОРЕВНОВАНИЕ И ПЯТИЛЕТКА НЕОТДЕЛИМЫ.**

В тот год закладывались первенцы нашей индустрии, в тот год Советское правительство собрало в Колонном зале Москвы первый Всесоюзный съезд ударных бригад. Такого еще не бывало нигде и никогда. Съезд начал работу 5 декабря 1929 года. Уже за несколько дней до его открытия в Доме союзов были установлены телефонные будки для передач во все концы мира. Интерес к съезду за рубежом был огромен, на открытии присутствовали все аккредитованные в Москве корреспонденты.

Я тогда уже работала в газете «Труд», и предложение главного редактора освещать этот съезд сочла большой честью.

В мандатной комиссии толпились иностранные

корреспонденты. Они рассматривали анкеты делегатов съезда. В них был только один вопрос: «Какие мотивы побудили вас принять участие в социалистическом соревновании?»

Ответы не были однозначны:

— Подтянуть товарищей.

— Создать новый коллектив.

— Выполнить пятилетку.

Но были и такие:

— Энергии много, сила прет изнутри!

С жадным интересом вглядывались иностранные корреспонденты в делегатов. Видели сапоги, косоворотки, старенькие пиджаки на мужчинах, красные косынки и стиранные платья женщин. Кто эти люди? Чем заслужили они право на почет? Никто из иностранцев, конечно, не задавал этот вопрос прямо, но он читался в их глазах, слышался в коротких репликах, виделся в иронических улыбках, которыми они обменивались.

Рядом со мной, в партере, оказался Николай Погодин. Тогда он еще был корреспондентом «Правды». Положив мне на плечо свою ладонь, он прошептал:

— Справа сидит американский журналист. Он не верит, что здесь собрались рабочие. Подтверди это.

Я отрицательно покачала головой.

— А он не может уйти отсюда? Учти, Николай, на съезде будет немало жалоб ударников, которые мешают соревноваться.

— Мешают? Кто? Что ты говоришь?

Да, к сожалению, я уже столкнулась с такими фактами. Ударникам противодействовали некоторые начальники цехов, которым не хотелось брать на себя лишние хлопоты, часть профсоюзных работников, не желавшая обременять себя организацией ударных бригад, учета и гласности соревнования. И, как это ни парадоксально, главной помехой социалистическому соревнованию становилась всевозрастающая активность соревнующихся. Ленинские слова о том, что соревнование создает возможность «...втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатый родник...», воплощаясь в жизнь, взламывали рутину, застой. Это подтверждалось тысячами примеров.

На Московском электротехническом заводе, где официально соревнование началось лишь с 1 апреля 1929 года, уже в январе, феврале и марте выросла армия ударников. И в цехах, где вырабатывали автотракторное оборудование, и в ламповых цехах, и в трансформаторном — всюду бурлила, кипела рабочая инициатива. Так же, как и на Люберецком заводе, я читала здесь заявления рабочих с просьбами снизить расценки, увеличить нормы выработки, ввести технические новшества. Некоторые мастера разводили в удивлении руками:

— Что делается, что делается! Женщины наши только недавно ликбез закончили, а туда же, заявления пишут, в производство вмешиваются. Требуют создания бригад, новых методов труда.

И чем больше развивалось соревнование, тем глубже оно захватывало участников, оказывало на них свое нравственное влияние. Да иначе и быть не могло. Ведь, добиваясь успеха, получая признание коллектива, человек не только вырастал в своих собственных глазах, он становился смелее, гражданственнее, он чувствовал себя причастным к жизни всей страны, ответственным не только за себя, но и за тех, кто работал и жил с ним рядом. Вот почему я так тревожно поглядывала на первом Всесоюзном съезде ударников на зарубежных журналистов. Скажу откровенно, я боялась критических выступлений рабочих. Но руководители беспримерного съезда этого не боялись. В своем заключительном слове В. В. Куйбышев сказал:

— Ударник не должен смущаться трудностями, ударник должен быть уверен в том, что Коммуни-

ШЕ СЕРГЕЦА

стическая партия, профдвижение, все организации, руководящие хозяйственной жизнью, все они придут на помощь этим героическим ударным бригадам, творящим чудеса героизма на производстве.

Разбирая старые блокноты, я нашла фамилии выступавших ударников: Рябова с Надеждинского металлургического, инженера Кио и рабочего Комарченко из Ленинграда, Белова с бакинских нефтепромыслов, Калинина с Харьковского паровозного завода и многих других. К сожалению, мне не довелось больше встречаться с ними. На съезде я все время искала среди делегатов Зинаиду Булкину — бригадира ударной бригады ленинградского завода «Красный треугольник», которая подписывала первый договор на соревнование с московским «Красным богатырем». Но Зина не приехала на съезд. Не было на этом съезде и тех знаменитых мастеров своего дела, которыми через несколько лет стала гордиться страна: Александра Бусыгина, Маруси и Дуси Виноградовых, Алексея Стаханова, Василия Дубины, Марию Брынцеву и Паши Ангелиной. С ними я познакомилась несколько лет спустя, когда социалистическое соревнование породило новое слово — СТАХАНОВЕЦ.

В тот 1929 год эти «звезды» еще не были открыты. Будущие герои моих книг в этот год еще только начинали свой трудовой путь.

В 1929 году Александр Бусыгин, крестьянский сын с Ветлуги, только еще собирался после раздела с братьями покинуть свое никудышное хозяйство и отправиться на заработки. Осенью тридцатого года, проделав весь путь пешком, он прибыл на стройку в Горький и был зачислен в плотницкую бригаду. В ту ночь он впервые в жизни заснул на белой простыне в рабочем общежитии будущего автозавода. Так Бусыгин стал рабочим. Что такое коллектив и что такое соревнование, Александр понял лишь тогда, когда на их отстояющийся участок с шумом и смехом притащили рогожное знамя. Много лет спустя Бусыгин, уже известный на всю страну человек, говорил мне:

— В тот момент сердце у меня словно клещами сжало. Позор какой! У других бригад красные флажки горят, а у нас рогожа на ветру полощется! Будто в лицо мне плюнули, и, сколько ни вытирай, плевать не стереть.

С того дня и начался внутренний рост Александра, Сашки Бусыгина. С того дня он понял, что не только заработок нужен рабочему человеку, но и честь его рабочая.

В 1930 году в маленьком городке Вичуге только начинали на фабрике Ногина свой трудовой путь Маруся и Дуся Виноградовы. С хорошей завистью смотрели эти молоденькие девушки на то, как добиваются в соревновании успеха их старшие подруги. Ах, как хотелось им быть такими же умными, как, скажем, ткачиха Настя Болдырева, которая уже с 1929 года перешла на первое уплотнение.

Я не знаю, о чем в тот год думал ставший потом всемирно известным машинист Петр Кривонос, но к чему в тот 1929 год стремился шестнадцатилетний паренек из Дебальцева Василий Дубина, сын ремонтного мастера и внук обходчика, я знаю хорошо. Тогда он был учеником слесаря в депо Дебальцево. И виделось пареньку, как станет он машинистом и поведет свой паровоз по дальним прямым маршрутам, порушив привычный короткий путь машинистов от одного перегона до другого. Об этом по вечерам он мечтательно говорил младшему братишке, а тот, раскрыв рот, испуганно спрашивал:

— Прямо до Москвы, Вася? Из Дебальцева?

— И до Ленинграда можно, — говорил Василий. — Вот вырасту...

А Мария Александровна Брынцева, дважды Герой Социалистического Труда, в тот 1929 год, работая вместе с мужем на крымских виноградниках Товарищества по совместной обработке земли, не подозревая о своей будущей трудовой

славе, попросту была счастлива. И своим трудом и своей семьей. И мечтала тогда Марийка, что всегда она будет вот так работать с мужем на виноградниках, а потом, когда вырастут ее дети, вместе с ними образует свою бригаду.

И так же, как Мария Брынцева, как Виноградовы, только прислушивалась к своим робким мечтам Паша Ангелина в Старобешевской станице, Мария Демченко на Украине, Варвара Бахолдина на Алтае, Эльмина Отсман под Ленинградом и многие-многие другие парни и девушки, которым социалистическое соревнование затем открыло дорогу к великим завоеваниям в труде.

На весь мир прогремели трудовые рекорды стахановцев. Затем было знаменитое совещание стахановцев в Кремле, широко освещавшееся в газетах.

О том, как шли эти молодые люди к славе, я рассказываю в своей новой книге «Будет вечно молодым», посвященной 50-летию массового социалистического соревнования. Сейчас же я хочу поделиться воспоминаниями о встрече этих знаменитых людей с иностранными делегациями, прибывшими в 1935 году в Москву на празднование Октября.

В зале слышалась речь на всех языках. Были тут англичане, французы, чехи, бельгийцы, американцы, испанцы... Старые и молодые, мужчины и женщины, представители разных профессий. И, конечно, множество журналистов. Я уже говорила, что еще в 1929 году на первом съезде ударных бригад иностранцев взволновало начавшееся в нашей стране движение. Но тогда многие из них считали это движение порывом, который угаснет так же внезапно, как и возник.

Однако, к удивлению Запада, шли годы, а социалистическое соревнование не только не угасало, но набирало новую силу, вызывая к жизни неслыханные трудовые рекорды. Капиталистическая печать упорно распускала слухи, что стахановцы дают такую высокую производительность труда только за счет физического напряжения. Что падают они с ног, работая по прямому принуждению начальства. Мы дали возможность иностранным гостям познакомиться лично со знаменитыми стахановцами и услышать их мнение по этому поводу. Для этого и состоялась встреча.

Первым взял слово Алексей Стаханов. Красив он был тогда — румянец во всю щеку, спокойный, уверенный, голос громкий.

Встал Алексей, распрямил плечи, окинул веселым взглядом собравшихся и начал не спеша:

— Я вам вот что скажу, уважаемые. Дело не в физической силе. Хотя, — он поиграл плечами, — как видите, я силой не обижен. По-новому мы повели организацию труда, вот в чем секрет. А насчет затраты мускульной энергии, так могу вас заверить: я сейчас, выдавая намного больше угля за смену, устаю так же, как и раньше. Понятное дело, устаю, — повторил Алексей, заметив движение среди группы американцев. — А какой шахтер не устает? Уголь рубить — не цветы рвать, уважаемые!

В зале началось оживление, иностранные шахтеры замахали Стаханову руками, кое-кто нахмурился. Но я уже не могла разглядывать лица гостей, так как с места поднялся Александр Бусыгин. Сначала робел, а потом смело он сказал:

— У вас пишут, что из нас жили вытягивают. Так посмотрите на меня, все вроде в порядке. А может, у меня против вашего жил вдвое больше? — Бусыгин расхохотался. — Вздор все эти рассказы, — зарохотал он на весь зал, — вздор! Я вам сейчас расскажу...

И он стал объяснять новую организацию труда в бригаде.

Прекрасно выступали Маруся и Дуся Виноградовы, Петр Кривонос, Иван Гудов и многие другие. Но особое впечатление, как мне показалось тогда, произвело на иностранных гостей выступление донецкого забойщика Мурашко.

— Нам понятно, — сказал он, — почему неистовствует буржуазия. Ей не по душе, что советский рабочий начинает догонять и перегонять самые высокие показатели зарубежных стран. Клеветать легко, но надо, господа, смотреть в корень. Советский рабочий должен лучше работать! Должен! Он работает на себя, на свое государство! Успех соревнования в том, что мы, рабочие, взяли технику в свои руки и научились ею управлять.

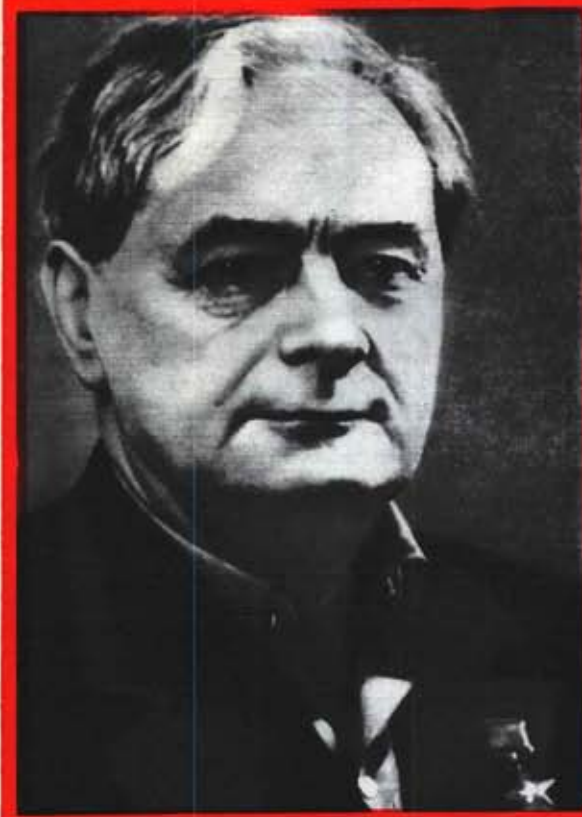
Нет, не случайно дала я название своей новой книге «Будет вечно молодым». Соревнование с каждым годом молодеет, потому что непрерывно пополняется новыми, молодыми силами. Новые поколения рабочих не только берут опыт отцов и старших братьев, они обогащают его своими выросшими знаниями, помноженными на энтузиазм.

Бригады коммунистического труда. Наставники... И вот уже на Московском электростанционном имени Куйбышева звучат новые имена, а на «Красном богатыре» и «Красном треугольнике» меряется мастерством четвертое поколение резинщиков, в цехах бывшего Путиловского завода молодежь образовала свои новые передовые бригады, в Донбассе ударная комсомольская бригада А. Полищука с шахты «Трудовская» телеграфирует в «Комсомольскую правду»: «На-гора выдан миллион тонн угля! Обязуемся завершить план четырех лет пятилетки к Дню шахтера 1979 года». А кто комментирует достижения этих молодых шахтеров? Да ведь это Герой Социалистического Труда Иван Иванович Стрельченко! Тот самый Стрельченко, про которого несколько лет назад на Всесоюзном совещании династий в Донецке пионеры сложили песню: «На Стрельченко держим равнение...» Теперь Иван Иванович — начальник участка на шахте.

— У нас прекрасные традиции, — говорит он. — Еще в 1960 году шахта стала предприятием коммунистического труда.

И в сборочном цехе завода имени Ленинского комсомола отличается молодежь в соревновании «Пятилетке эффективности и качества — энтузиазм и творчество молодых!». Только за десять месяцев 78-го года сборочный цех № 1 сверх плана собрал более тысячи автомобилей. Это сделали молодые сборщики Таня Рыжова, Валерий Рыбаков, Светлана Варквасова, Тарас Медведь, Вера Марковина... Разве перечтешь всех молодых, которые не дают стареть соревнованию! Не раз и не два выступала я на этом заводе с рассказом о героях первых пятилеток — героях своих книг. Остались в памяти напряженные лица молодых слушателей, глаза, словно бы вглядывающиеся в прошлое и примеряющие его к себе, к своим силам. «Если мог Бусыгин, то почему не сможем мы?» — читала я в этих глазах. И могу! Так же, как может догнать свою наставницу знаменитую Марию Сергеевну Иванникову с фабрики имени Фрунзе молоденькая ткачиха Алевтина Воронцова, как догнала Марию и Дусю Виноградовых ныне Герой Социалистического Труда Алла Мелентьева из Вичуги, как догоняют и перегоняют их ивановские ткачихи, рапортующие сегодня о выполнении и перевыполнении заданий десятой пятилетки.

Возраст заставляет сбавлять шаг. Эстафету писателя должны принять молодые. Вглядываясь в настоящее, они почерпнут богатство, которое ничем не измерить. Повторю удивительные слова писателя Ильи Эренбурга из его письма к Дусе Виноградовой после рекорда вичугских ткачих: «Люди почему-то всегда думали, что есть труд высокий и низкий. Они думали, что вдохновение способно водить кистью, но не киркой... Пала глухая стена между художником и ткачихой, труд перестал быть библейским проклятием, музы не брезгают и шумными цехами фабрик, а в духоте шахт люди добывают не только тонны угля, но и всякое удовлетворение мастера. У нас с вами одни муки, одни радости. Назовем их прямо — это муки радости и творчества».

Феликс ЧУЕВ

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
АЮДЕЙ

КОНСТРУКТОР СТЕЧКИН

Поле, просторное и ровное... Ему сполна достаётся солнца, а в ненастье ветер ревет над ним, как в большой аэродинамической трубе, где испытывают самолеты. Здесь человек общается с небом. В светло-сером летном костюме, в белом круглом гермошлеме человек идет по бетонке к большой металлической машине, по тонкой трубчатой стремлянке влезает в узкую кабину, оставаясь один на один с сотнями приборов, лампочек, переключателей. Пламя упруго ударяет в бетонку, самолет бежит вперед, и в нужный момент летчик плавно берет ручку управления на себя, чуть задерживает ее, и тогда рассчитанная сила отжимает машину от земли, и начинается разговор человека с небом. Пронесшись над полем, он, наверное, и не подумает, кому обязан этой строго вычисленной силой. Может, он даже не знает имени ученого, который когда-то на бумаге открыл возможность летать так быстро и высоко...

Он жил рядом с нами, был нашим современником, Борис Сергеевич Стечкин. Академик, лауреат Ленинской и Государственной премий, Герой Социалистического Труда. Основатель теории воздушно-реактивных двигателей, «главный моторист Советского Союза», как называли его наши авиаторы. Ученик Н. Е. Жуковского, он сам оставил немало последователей и не просто учеников с мировыми теперь именами — он создал свою школу.

«По существу, все авиационники, двигателисты, турбинисты и компрессорщики являются в той или иной степени учениками Бориса Сергеевича, и это есть его главный вклад в дело создания авиации и авиационной промышленности, ибо прогресс в этих областях решается в первую очередь кадрами», — говорил ученик Стечкина академик С. К. Туманский.

Борис Сергеевич начал свою деятельность на заре авиации с Жуковским, а закончил ее, создавая с Королевым космические корабли. Эра советского самолетостроения прошла перед его глазами. Прожил он почти 78 лет, но этого оказалось слишком мало и для него и для людей, потому что мысль ученого с каждым годом набирала скорость, как летательные аппараты, над которыми он работал.

Борис Сергеевич Стечкин родился 5 августа 1891 года. «Жизнеописание инженер-механика Б. С. Стечкина» — так любил называть он свои автобиографии. Одна из последних начинается так:

«Родился в русской дворянской семье. Отец, Сергей Яковлевич Стечкин, был литератором, газетным работником, писал под псевдонимом С. Солонин. Никакой земельной собственности семья не имела, и я жил с матерью Марией Егоровной, которая с отцом развелась и до 1914 года работала земской акушеркой-фельдшерницей. Отец умер около 1914 года, а мать убита немцами в 1942 году».

Мария Егоровна одна растила троих детей. Сына Борюшку ей удалось устроить на казенный счет в кадетский корпус в Орле, где он проучился семь лет. Вкуса к военной службе кадетство ему не привило, перспектива юнкерского училища не умиляла, зато увлекся физикой, математикой и по этим предме-

там получал все двенадцать баллов. Закончив учебу, он вышел в отставку и стал готовиться к поступлению в высшее учебное заведение.

Летом 1908 года семнадцатилетний Стечкин приезжает в Москву и не без робости идет в Мыльников переулок. Еще бы! Ему предстоит встреча с самим Жуковским, знаменитым ученым, и хоть знает, что Николай Егорович ему родственник, все равно волнуется... Жуковский тепло принял племянника и, отметив в нем удивительную страсть к точным наукам, посоветовал поступать в техническое училище, где сам читал лекции. Он и подготовил юношу к экзаменам, которые тот успешно выдержал и был принят на первый курс механического отделения. Стечкин слушает лекции Жуковского, вступает в его авиационный кружок. С этого момента авиация определила его жизнь, ей посвящается вся научная работа. Андрей Николаевич Туполев позже вспоминал: «В кружке Жуковского каждый имел свое прозвище. Так вот про Стечкина Николай Егорович говорил: «Это наша голова!»

В 1914 году, когда началась мировая война, Жуковский порекомендовал Стечкина для работы в военной лаборатории Н. Н. Лебедева. Руководитель этой лобопытной лаборатории был вовсе не капитаном, как о нем потом напишут, а самым что ни на есть штатским инженером и славился больше не способностями, а оборотистостью и ловкостью. В своей лаборатории он делал взрывчатое вещество «москвит», которое изобрел, а верней, «позаимствовал» у одного химика. Он показал сие вещество военным чинам, что-то с его помощью взорвал на полигоне, получил деньги на производство этого «москвита», но, видно, не очень-то веря в его перспективность, сразу же стал заниматься бомбосбрасывающим аппаратом для самолета «Илья Муромец». Декабрьским утром 1914 года Лебедев позвонил Стечкину:

— Борис Сергеевич, я вас срочно прошу приехать ко мне по неотложному делу.

Стечкин отправился на Садовое кольцо к дому князя Щербатова, где помещалась лаборатория. Дверь открыла очаровательная горничная в накрахмаленном кокошнике, за ней появился сам хозяин и пригласил Стечкина в свой кабинет. Тщательно, на два поворота ключа Лебедев запер дверь и задвинул перед ней бархатную темно-вишневого цвета тяжелую портьеру. Сел за стол и на листке бумаги написал:

«Обязуюсь ни в коем случае, никому и никогда не доверить секрета, который я сейчас услышу от Лебедева Николая Николаевича».

— Ставьте подпись!

Ничего еще толком не понимая, Стечкин расписался, и Лебедев кратко рассказал ему о своей лаборатории.

— Военное ведомство поручило мне сделать бомбосбрасывающий аппарат. Вас рекомендовал Николай Егорович...

Это была первая самостоятельная работа Стечкина для авиации. Закончив расчеты, он сказал Лебедеву:

— Теперь мне нужен конструктор.

— Где возьмем?

— У Жуковского. Микулин.

Микулин был двоюродным братом Стечкина. Лебедев не возражал, и вечером Стечкин сообщил брату:

— Микулин, я тебя устроил на работу. Будешь получать чудовищные деньги — 600 рублей в месяц!

Так, кроме главного теоретика, каким утвердили Стечкина, лаборатория обзавелась и главным конструктором. Вскоре с помощью Микулина Стечкин полностью сконструировал оригинальный бомбометатель своей системы.

А что же сбрасывать? Бомб-то еще не было.

Через Земский союз Жуковский объявил конкурс на зажигательную бомбу. Считали, что главной задачей авиации на лето должно стать уничтожение хлебных полей противника, чтобы заставить немцев голодать. И почти все ученики Жуковского стали изобретать бомбы.

Среди кружковцев неожиданно появился невысокий, плотный, черноволосый офицер, приехавший с фронта. До войны он был студентом инженерно-технического училища. И вот теперь он во дворе лаборатории рассказывал товарищам о своей идее: делать самолетные зажигательные стрелы. Рядом студент Микулин возился с пустым десятилитровым бидоном без дна. К нему припаивали двойное дно с порохом между стенками, наливали бензин, а в горлышко вставляли обыкновенный ружейный патрон, начиненный мелкой дробью. Бомбу эту придумал Микулин и патроны для нее тайком таскал у Жуковского. Сейчас он готовил очередную партию таких бомб для испытания. И в этот момент офицер, заинтересованно наблюдавший за его действиями, прервал свой рассказ и, обращаясь к Микулину, неожиданно произнес:

— Давайте знакомиться! — Он протянул руку. — Туполев Андрей.

1 января 1916 года, в 12 часов дня, Лебедев вызвал к себе Микулина и, проделав с ним ту же процедуру подписки: «Обязуюсь ни в коем случае, никому и никогда...», — спросил:

— Александр Александрович, что вы думаете о колесе диаметром в десять метров?

— Это трехэтажный дом.

— Верно. Может ли такой дом «перейти» через глубокую яму метровой ширины?

— Да он просто не почувствует ее, так же как пролетка, когда она переезжает небольшую канавку!

— Так вот, — продолжал Лебедев, — я придумал танк в виде трехколесного велосипеда, и два колеса у него будут диаметром по десять метров. Согласны ли вы взяться за разработку конструкции?

Микулин согласился, и вскоре они со Стечкиным сели за расчет и конструирование металлического чудовища, которое окрестили «Нетопырем».

По чертежам вырисовывалась огромная машина с башней, на двух больших колесах впереди и металлическом катке сзади, который должен был нести на себе треть веса конструкции. Танк строили в строгом секрете. Позже печать упоминала о боевой колеснице «капитана Н. Лебедева и инженера А. Микулина». Только почему-то не всегда называли имя Стечкина, без которого был бы невозможен

иронически, вышучивал, и тогда наиболее резкая форма отзыва звучала так: ну, что о нем говорить, ведь он же не знает механики!

Будучи уже в преклонном возрасте, он решал в уме сложнейшие задачи, постоянно стремясь к неизведанному. В конце 50-х годов он приступает к работе над плазменными и ионными ракетными двигателями.

Начиная эту работу буквально на пустом месте, Стечкин, уже тогда директор Института двигателей, сказал своим сотрудникам:

— Когда-то мы разрабатывали теорию поршневых моторов, потом занялись турбореактивными двигателями. Теперь я призываю вас заняться созданием электрических двигателей для космических летательных аппаратов. Это будет основным направлением нашей работы. Плазменные и ионные двигатели в космосе обеспечат скорость истечения газов в десятки раз большую, чем обычно применяемое термическое топливо.

Это была принципиально новая работа, требовавшая самых разнообразных знаний. Нужно было заново создать целую экспериментальную базу с десятками стендов. Требовались годы упорного труда и много средств.

...Стечкин с головой ушел в новое дело. Сергей Павлович Королев сам несколько раз звонил Стечкину:

— Борис Сергеевич, в любой день и час, когда вы захотите, для вас двери у меня всегда открыты! На любую должность, какая вам понравится! И кто нужен — берите с собой!

Так в 1963 году Стечкин стал научным руководителем и консультантом по перспективному космическому двигателям у Королева.

Надо особо рассказать о взаимоотношениях этих двух воистину выдающихся людей нашего Отечества.

Отношения у них были самые дружеские, полные взаимного уважения и любви. Королев с большим почтением говорил о нем, Стечкин тоже высоко отзывался о Сергее Павловиче: «Ученых у нас много, а Королев — один».

Когда Стечкин лечился в санатории «Узкое», Королев, узнав о его болезни, все бросил и приехал:

— Борис Сергеевич, никаких дел у меня к вам нет, я просто хочу вас повидать.

Беседы их касались не только научных вопросов. В «Узком» они говорили об охоте, вспоминали эпизоды прошедших лет, ГИРД, годы, проведенные в Казани.

К юбилею Королева Стечкин заказал его портрет на дереве. Долго искал хорошего художника, уговаривал сделать портрет по фотографии. Приняв подарок, Сергей Павлович сказал:

— Борис Сергеевич, давайте сделаем точно такой же и ваш портрет и поставим их рядом.

Еще при жизни он стал легендарным. Каждый, кто знал его, обязательно вспомнит что-то необыкновенное: то ли про мототонки и аэросанные проблемы, то ли о его изобретениях и участии в дискуссиях. Рассказывают о защищаемом докторанте, у которого Стечкин был оппонентом, положительно оценившим работу. Выступая на защите, он в пять минут вывел формулу, которая оказалась в десятки раз ценнее всей диссертации.

Его теоретические работы еще долго будут определять развитие науки и техники. Присущий ему инженерный подход к делу (а он был не только ученым, но и инженером высшего ранга) нашел тысячи последователей. Теория ВРД стала основополагающей на десятилетия, а может, и на века, ибо буквально каждый год появляются все новые и новые свидетельства реализации на практике принципов Стечкина — и не только в авиации. Это суда и автомобили на воздушной подушке, газовые турбины, новые компрессоры, безмашинные преобразователи энергии, средства защиты окружающей среды — трудно найти область, где бы не применялись его теоретические работы.

После Жуковского и Чаплыгина в области авиации Стечкин являлся старейшиной советского двигателестроения и с честью выполнял эту роль. «Пожалуй, лишь после смерти Бориса Сергеевича можно полностью оценить, насколько были важны подобные его функции», — пишет профессор Е. В. Урмин. — И сегодня страницы его жизни и многогранной творческой деятельности ждут своих исследователей».

У него были и взлеты, и мировое признание, и трудности. И все же в целом у него счастливая судьба. Его выдающиеся научные открытия, педагогическая работа всегда имели успех. Он любил создавать машины, и он их создавал. Жуковский и Королев — только этих двух имен людей, другом которых он был, достаточно, чтобы назвать его судьбу счастливой.

«Люди умирают, песни остаются», — сказал поэт.

После него осталась высокая, нескончаемая песня моторов.

Теплые отношения, творческое сотрудничество, заинтересованное взаимовнимание связывали наш журнал с большим писателем, старейшиной литературного цеха, радетелем языка русского Львом Васильевичем Успенским. Его рассказы «Федор Стукаленков в даче «Старик» и на Зверинской улице» и «Ночь в Калининчиках» удостаивались годовых премий «Смена».

Человек высочайшей культуры и эрудиции, Лев Успенский обращался со страниц «Смены» к молодежи со страстным гражданским словом, с проповедью высокой нравственности. Публицистическая статья Льва Васильевича «Зыбун» была признана лучшим публицистическим материалом 1978 года.

Вешним днем 59 лет назад я шел по Михайлову погосту.

Бог в тот день окончательно перешел на плагиаты у художников-передвижников. Желтые домишки у школы были точь-в-точь левитановский «Март», и лошаденка так же стояла. Посмотришь за церковь — саврасовские «Грачи прилетели!» Сама жиденькая голубизна раннеапрельского неба в прорывах быстро несущейся облачной кисейки как раз такая, какой в жизни никогда не бывает. Вот на картинах — пожалуйста.

Мне надо было купить железную лопату в сельпо. Но Иван Арсентьев, недавний купец 3-й гильдии, а теперь просто «продавец», навесив перед моим носом на двери огромный замок, хриплым от неприязни голосом сказал, что он «тоже человек». Я взглянул — нет, на какие там часы! — на солнце. Карманные часы в том году имелись «на ходу» у одного только гражданина деревни Жуково, который до семнадцатого года работал мастером у знаменитого Павла Буре. Так и прилипло к нему:

Т М Я Н Я П Я Т Ь

«Наш Буро, жуковский...» Мы, простые смертные, навострились определять время по солнышку и редко когда ошибались больше, чем на десять минут.

Солнце сказало мне, что сейчас и впрямь без нескольких минут полдень, а мне было ясно, что Иван Арсентьев не перестанет «быть человеком» раньше двух. Куда себя девать?

Лениво я перешел большак и поднялся «на бузгурину», к «дяпу». С его двери ослеплял взоры намалеванный пронзительно-красным и зеленым авиационный плакат-афиша. Он сообщал, что в воскресенье (был четверг) в помещении Михайловского пожарного депо «Трушпа любителей» покажет публический спектакль «Мнимый больной» (Мольер). «Трушпу любителей» организовал мой родной брат Всеволод, он же ставил «Больного» и играл «доктора». Я видел этот спектакль уже раз пять, да и ждать до воскресенья не входило в мои намерения...

Однако понижее и поправее афиши был кнопками приколот листок тетрадной бумаги в клетку. Поверх клеток на еле живой машинке было отстукано: «3-го апреля с. г. (четверг) в помещении Михайловского Пожарного депо состоится заседание Народного суда Мих. волости.

Слушанию подлежат дела:
1) По иску Медведовского лесничества к железному Локнянскому о незаконном перерубе дровяного леса на сумму 97872 р. 31 к.;

2) По иску гражданина д. Потехино Ивана Ивана Лавченкова к гражданину д. Потехино Ивану Иванову Лавченкову об утайке и подмене черной белоглазой овцы на белую черноглазую».

Вчитавшись в объявление, я призадумался. Переруб леса меня не взволновал... А вот детективная история о том, как Иван Лавченков сам у себя утаил овцу, как будто что-то такое обещала. Я сощурился еще раз на солнце — да, примерно 12! — и толкнул дверь «дяпа».

В зале народа было немного. Не представляло труда отличить железком от лесничества: железко-

Рассказ «В мяня пять сынов...», предлагаемый вниманию читателей, целиком находится в русле творчества мастера литературы. В нем бережно сохранены приметы ушедшего, но дорогого всем советским людям времени первых лет нашего государства, сочно, в мельчайших нюансах передана народная речь.

Лев Васильевич не увидит номера со своим рассказом. И больше уже ничего не напишет... Горько это сознавать. Но то, что искрилось слово писателя навсегда останется в литературе, навсегда останется любимым читателями, — в этом нет сомнения.

В этом бесценная память, оставленная Львом Успенским о себе, о прекрасном времени, в которое он жил и творил.

мовцы были в богатых долгопых шубах и валиньных сапогах выше колена, в то время как лесничество блистало благородной бедностью, но все носили кожаные фуражки со скрещенными серебряными веточками вместо кокард. Это «дело» меня не смущало: можно было думать, что оно не затянется, поскольку в момент моего появления железком бесшабашно признавал уже допущенную «ошибочку», а лесничество наседало на него с яростью тигра. Поэтому я стал шарить глазами по залу в поисках сторон по делу № 2.

Выбор был невелик. На передней скамейке тесно друг к другу восседали два близнеца, только таких, как будто родились они уже совершенно готовыми: в абсолютно одинаковых, отлично черных полушубках, в одинаковых — домотканого, сносу ему не будет, сукна — теплых штанах, заправленных в серые — с первого взгляда видно, по шесть фунтов, не по четыре, шерсти пошло на пару — валенки-первогодки. У обоих справа лежала на скамейке круглая «торговая» шапка, мерлушковая, с кожаным верхом. У обоих были, как отштампованные по

одной форме, шаровидные «босые» головы, блестящие в веселом свете из окон, как бильярдные шары, и круглые, лоснящиеся лица с маленькими хитрощами серыми глазками.

Судья Куренков Иван Николаевич, рабочий опытный и умелый, когда я открыл дверь, уже откладывал в сторону папку с законченным делом. «Лесные люди», не разделяясь на победивших и побежденных, с шумом повалили из зала: дожидаясь «дьялов», больше часу просидели без курева. Судья после выхода последнего развернул очередную папку.

«Слушается дело, — он запнулся на миг, взбросил очки на лоб и мгновенно опустил их на место, — слушается дело... по иску... гражданина деревни Потехино Лавченкова Ивана Ивановича к гражданину деревни Потехино Лавченкову Ивану Ивановичу об утайке и подмене последним его, Лавченкова Ивана Ивановича, ярки-сеголетки с черными глазами черной яркой-сеголеткой с белыми глазами...» Иван Николаевич остановился еще раз, снял совсем очки и, видимо, в чем-то усомнившись, взглянул на секретаря суда Селюгина.

— Костя?... Что-то я призабыл, вроде... Что, так оно и есть?

— Все, все так, Иван Николаевич, порядочек! — жизнерадостно и почтительно ответил Селюгин.

Куренков чуть пожал плечами и на всякий случай метнул все же глазом по скамьям публики. Публики было — только несколько потехинцев; но никто не смеялся, никто не выражал удивления... Видимо, и впрямь все в порядке.

— Ну, тем лучше! — проговорил судья. — Истец Лавченков Иван Иванович тут?

— А как же, друг ты мой любезный, товарищ народный судья, — высоким альтом, маленько, как жемчугом по блюдечку, рассыпался он. — Ты же мне повесточку, знаешь ли ты, что, да, посылаешь?! Ну так я, друг ты мой любезный, да, вот он я тут и появившись.

— Хорошо. Ответчик Лавченков... Иван... Иванович!

— Тута мы!—не двинувшись с места, точно из самого низкого медного оркестрового баса, ухнул второй близнец.

— Отвечая суду, положено вставать...—мягко заметил Куренков.—Вы что? Близнецы?

— Не порода мы один одному, друг ты мой любезный, дажныть и не своим. Так, получивши маленькая однофамилица...

— Истец, я не вам задал вопрос. Если хотите что-либо заявить, просите слово отдельно, я его вам дам. Да... Свидетель Терентий Зуев-Пятков здесь?

Ну, как же я сразу не определил его роли?! Двумя или тремя скамейками дальше от сцены, как бы не имея ни малейшего отношения ни к двум Лавченковым, ни уж тем более к их овцам, сидел, поставив между колен длиннющий, выше заячьей шапки, типичный пастушечий посох (можжевельного, а по нашему—вересового дерева), верней всего пастух, если только не так себе, деревенский пьяница. Он не снял с головы своей русачьей полубарнаулки с одним ухом, наполовину оторванным, и Иван Куренков, бросив на него взгляд, разглядев его из одних заплат состоящий полубубок, его лапти, «подвирающие» столь многократно, что их подошвы превратились уже в нечто вроде нынешних «стильных платформ», и тем не менее насквозь промокшие вместе с суконными онучами, не «взял» ему снимать шапки: может, она хоть маленько согрела старика.

— Видать, я свидетелем приведен: повестка мне была. Я яну Костянтину подал.

— Свидетель, вам предлагается выйти из зала заседания. Подожди, дедушка, на лестнице. Впрочем, подойдите прежде сюда... Вы предупреждаетесь, что за дачу неправильных показаний будете отвечать по суду. Понятно?

— Все понятно, товарищ праведный народный судья. Все до потельки понятно, ня у первый раз!

Лев УСПЕНСКИЙ

СЫНОВЬ...

Проложив по всей длине прохода между скамьями решетки своих плетеных следов, Терентий Зуев-Пятков удалился. Судья не без удивления качнул ему вслед головой: «Бывалый дедка! Ишь ты!»

— Товарищ секретарь, огласите искомое заявление.

Костя Селюгин любил, грешным делом, читать заявления с высоты сцены. Все слушают... Ты выше всех...

«Народному Судье Михайловской Волости Великолукского Уезда, той же волости деревни Потехино, Лавченкова Ивана Ивановича»

ЗАЯВЛЕНИЕ

Летом прошедшего, одна тысяща девять сот осьмнадцатого года, в ночь с пятого июля на шестое,—не очень бойко: не машинопись, писарская вязь—читал секретарь,—в мяня произведен отгон и подмена овцы соседом моим, Иванов Иваном же Лавченковым.

Не знаю, с какой целью, ну принадлежащая мне ярка-сеголетка, белой шерсти, с черным глазом, попала вечером вместо моего хлева у хлев Ивана Иванова Лавченкова, моего соседа, тогда как никакой евоной овцы в моем хлеву на утро не оказавши. Когда же я чуть свет послал к Лавченкову малолетнего сына моего Дениса, он, Лавченков, той моей белой, черноглазой овцы не возвратил, а грубо выгнал на придворок другую овцу, черной шерсти с белым глазом. И сколько я к нему, Ивану Лавченкову, впоследствии времени сам не ходил и жену мою Марию и малолетнего сына Дениса не посылавал, он той моей белой овцы не возвращает, а питает мяне свою черную белоглазку...

Просим Праведный Народный Суд Михайловской волости нашу овцу у преждедеченного Ивана Иванова Лавченкова изъять и воротить нам, а ево-

ную черную, которую я уже почти год как содержу и на каковую уже, считай, две с хаким кучи сена скормлена, от мяня принять и вмянить яму в обязанность.

К сему Лавченков Иван».

Дослушав до конца, судья протянул руку:

— А ну, дай-ко!

Он надел очки и, внимательно прочитав заявление, положил его «спинкой» вверх на красный кумач. Забавно—в этот миг руки истца внезапно слегка вздрогнули, точно до него дошло: «Кончено! Возврата нет...»

— Ответчик Лавченков Иван Иванович,—после короткой паузы проговорил судья.—У вас есть какие-либо замечания по поводу искового заявления?

— Есть!—ухнуло с того места, где стоял Лавченков-второй.

— Изложите их.

— Контузия это одна!

— Что?

— Контузия, говорю.

— Слышу. Но что это значит, контузия?

— Значит глупость! Не мянял я никаких овец. Которая ежели на мой двор лишня прибегла, ту я наутрие обратно выгнал.

Истец давно уже весь дрожал, как камертон.

— Товарищ народный судья... Эх, да ну... Да знаешь ты, друг ты мой любезный, да... Это ж бывает у человека совесть до того потеряна—такую преужаснейшую кривду на суде, перед твоим глазам, лепить?! Да ведь за это господь бог... Извините, товарищ народный судья, ну нет его, ланно! Ну, ведите Косте Сялюгину к отцу Дмитрию в церковь сбежать, сюды хоть евандэлье принести... Да за такие слова это ж прямо гром должен грывнуть, человека вбить на месте. Товарищ судья, друг ты мой любезный, да... извини за выражение...

— Таранта!—голосом выпли из болота выдохнул ответчик и повернулся к истцу не спиной, что было

невозможно, а, насколько позволяла геометрия скамьи, по диагонали.

— Гражданин истец,—сказал судья,—я уже разъяснял вам: без разрешения суда выступать сторонам не позволено. Вот теперь скажите вы, Лавченков-первый... Объясните мне... Что, ответчик взял себе вашу хорошую овцу, а вам вернул плохую? В чем вы видите разницу? Ваша жирнее? Шерсть у нее лучше?

— Да, друг ты мой любезный, да знаешь ты, что... Да рази в моем заявлении чего такого понаписано? Рази что, если Сялюгин Константин Митрич что свое вставил... Да, ясны его глаза, с моих-то слов писал... Шерсть в наших овцах водится шленская, что в яво, то и в моей. Тольки что моя белая, глаза черные, а ета целиком обратно: сама черная, глаза бялузговатье—смотреть неприятно! Вот такой глаз, как у Васиши Паховской, коли ты яну знаешь!..

— Та-ак!—судья вычеркнул что-то на листке бумаги перед собою.—А вы держите овец под масть? Вы белых, черноглазых; сосед—черных с белыми глазами?

— Опять неправда ваша, товарищ народный судья... у всех у нас разные есть овечки, друг ты мой любезный, да... И в мяня семь белых, черноглазок, а четыре черных, с белым глазом бегают, слава богу...

— А у вас?

— И в мяня и таких и сяких хватает!—себе в колени ответил Лавченков-второй, но таким голосом, что стакан перед судьей на стеклянном поддоне вдруг жалобно зазвенел.

— Это верно, истец?

— Да ведь, как тут говорить будешь, друг ты мой любезный, да... Оно, хошь, правда, а хошь—так и неправда... Так-то, как это говорится, праведно: разные ярочки-барашки встречаются. Вон у меня один—как раз пополам: перед белый, задница черная. Божья воля, тут не загадаешь...

— Верю, верю!—промолвил Куренков.—Пусть

ХАНОЙ — МОСКВА

Ввиду неясности обстоятельств дела, подвергнуть двух спорных овец ВЕТЕРИНАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ, для чего доставить их в Ветеринарно-животноводческий пункт, находящийся в погосте Луг, Новоржевского уезда Псковской губернии, и с заключением ветпункта о сравнительных достоинствах обеих предъявить Михайловскому Народному суду для окончательного решения дела. Доставку овец в погост Луг и обратно возложить на тяжущиеся стороны...»

В зале воцарилось глубокое и ошеломленное молчание. Потом—взрыв: клики, хохот, водопад перекрестных реплик.

Лавченков-истец несколько мгновений стоял, пошатываясь. Потом он не заговорил, а странно запищал, как пиццат лягушки, попадая под лезвие козы: «И-и-и-и!»

Второй Иван Иванович, ответчик, побагровел до самой макушки «босой» головы своей.

— Это кого? Это овцу? Куды? В Луг? За тридцать пять верст? Тьфу! Да пропади она пропадом—не повезу!

— Друг милый!—крикнул ему кто-то.— Сам не повезешь, судья милицию пришьет. Она свезет, а ты заплачишь.

Мало сказать, что в зале стоял шум. Зал походил теперь на картину старых мастеров, изображающую то ли мирской сход, то ли Новгородское вече. Особенно веселилась потехинская беднота.

— Байбак!—кричал худерящий, бородака клиншком, рыжий мужичишка, далеко не по «байбаковски» одетый.— Байбачок! Ты тую черноглазку ему взад не подавай! Ты ее народному суду в дар привези—за суд за праведный!

— Ах, лихо мае-ее-е!—в тон ему наскакивала на Лавченковых круглолицая и не попади ей на язык сорокалетняя бабочка.— Слышите, Иванычи! Как в тэй Луг поедете, мяня клинките поглядеть. Онну кобылу закладывайте с белым хвостом, другу—с черным.

— Да не, Маьн, брось! Оны не на конях, оны на тых же ярках и поедут...

— Ха-ха-ха-ха!
— Хо-хо-хо-хо!

— Повалили к выходу. Я тоже отправился бы вслед за остальными, но взгляд мой пал на того самого святого старичка, на Сергия Радонежского, который предвещал печальное поражение Ивану Куренкову.

Он сидел на скамье, не в силах встать с нее, и по-настоящему плакал, плакал от смеха. Я даже не сразу понял, с чего это он.

— Отец, что с тобой?
— Вох, святители вгодники!—задыхался старик.— Ой, ой, товарищ зямлямер! Ну и Иван Николаев, ну и молодца! Ведь, товарищ зямлямер, я же в тые яще времена три срока волостным судьей был... Я во всех законах вот как разбираюсь... Я ж видал, они его на чем поймают хотели... Ну а сетаки он им подножку поставил. Ну хитер! Ну голова!

— Интересно, повезут они овец в Луг?
Сергий Радонежский посмотрел на меня, как на малохольного.

— Ты что, Василич? Ты вот в тот четверг не поленись, зайти сюда, спроси у Костянтина у Селюгина, чим дело ихнее кончилось? Недели им хватит думать, тоды увидишь, повезли или нет. И куды!

Ну что ж? Я выполнил совет Нила Столбенского, зашел в четверг 16 апреля в депо. Судью мне не хотелось тревожить, и я на самом деле обратился к человеку молодому и хорошо мне знакомому—Косте Селюгину.

Костя по выражению моего лица понял, по какому я поводу зашел.

— Льву Василичу! Небось интересуетесь насчет овцы-белолазкой? Ну, как же, и верно интересно, такой Нат Пиркянтон получился! Вот, полюбопытствуйте.

Он протянул мне небольшой листок бумаги. Не знаю уж, кто составлял это второе заявление, но подписано оно было обоими Иванами и содержало в себе сообщение о добровольном примирении сторон и просьбу о прекращении дела.

— Ну и?—спросил я.
— Порядок!—ответил Костя.— На прошлое заседание стороны были вызваны, и суд на месте вынес решение: «Дело прекратить». И было им обим указано, что вторично такое дело к слушанию уже принято быть не может.

— Ай да Иван Николаевич!—сказал я.
Костя Селюгин закрыл глаза и поднял к потолку большой палец:

— Цены такому судье нету!

Земля Вьетнама... Многострадальная и героическая, далекая и близкая... Бригада журналистов «Смены» увидела ее солнечный лик, открытые улыбки ее детей, многотрудные заботы ее рисоводов, шахтеров, воинов прошлым сентябрем, когда по решению ЦК ВЛКСМ побывала в братской стране с творческим заданием. Даже в сложной, напряженной обстановке нельзя было не почувствовать того внимания, той теплоты и сердечности, с которыми встречают всех, кто приходит с добром во вьетнамский дом.

И вот в конце минувшего года читатели нашего журнала получили специальный номер «Смены» (№ 22, 1978 г.), который в ряду других номеров, посвященных братским союзам молодежи Болгарии, Кубы, Чехословакии, Монголии, рассказывал о Социалистической Республике Вьетнам, о Союзе коммунистической молодежи Хо Ши Мина.

Редакционная почта свидетельствует: читатели «Смены» встретили номер с интересом. В письмах, адресованных редакции, они пишут о чувствах глубокой симпатии, дружбы и солидарности с героическим, мужественным народом социалистического Вьетнама, его замечательной молодежью. Многие изъявляли желание переписываться с вьетнамскими сверстниками—школьниками, рабочими, студентами, бойцами отрядов ополчения, ударной молодежи, народной армии.

Разбойничье нападение китайских гегемонистов на мирную трудолюбивую страну потрясло всех честных людей планеты. Самоотверженная борьба вьетнамского народа и молодежи за свободу и независимость своей родины вызвала новую неохватную волну солидарности. В эти дни читатели нашего журнала с особым вниманием относятся к каждой весте с вьетнамской земли.

Недавно в «Смену» на имя главного редактора пришло письмо из Ханоя.

«Я был очень рад получить номер журнала «Смена», органа ЦК ВЛКСМ, полностью посвященный Социалистической Республике Вьетнам и Союзу коммунистической молодежи Хо Ши Мина. Выход специального номера вносит вклад в упрочение дружбы и сотрудничества между СРВ и СССР, между молодежью и народами наших стран.

По этому случаю передаю искреннюю благодарность и наилучшие пожелания Вам и всем работникам «Смены».

Желаю Вам здоровья, счастья и успехов в Вашей работе».

Ханой. НГУЕН ВАН КИНЬ,
председатель Общества Вьетнамо-советской дружбы.

БИБЛИОТЕКА «СМЕНИ» В УРЕНГОЕ

«Поскольку библиотека в Новом Уренгое набирает силу, значит, должны быть и библиотекари. У меня к вам просьба: пошлите меня заведовать этой библиотекой».— пишет Валентина Безгина из Челябинска. В хорошей библиотеке должны быть не только отличные книги; важно, чтобы читателя встретил человек, по-настоящему уважающий свое дело, близкий по духу, отзывчивый, разносторонне образованный.

В редакцию пришло несколько писем, в которых авторы просили, чтобы их рекомендовали для работы в уренгойской библиотеке.

«Я заведу детской библиотекой. Немного рисую. Сама оформляю стенды (учусь в Московском заочном народном университете искусств). Библиотека у меня—картинка. Но хочется начать все сначала. Из ничего сделать чудо.

Пропиталась я уже этими сказками, детскими рисунками. Сколько свеч зажгла, начиная сказку Шарля Перро. Сценарии я сама придумываю. Люблю этот мир, полный неизъяснимой прелести и обаяния.

Вы думаете, детский библиотекарь кто? Считайте: писатель, фантазер, педагог, художник, фотограф, затейник, эрудит, переплетчик, сказочник, конференсье... Детский библиотекарь—это огромный мир, который вмещает в себя так много, что даже удивительно, откуда силы и знания берутся на все ребячьи заботы, радости и печали». Такое письмо пришло нам из города Березовский Кемеровской области (автор просила не указывать ее фамилию).

Заочно мы познакомились с Татьяной Арефиной и Татьяной Беляковой из Саткинской центральной библиотеки Челябинской области, с Галиной Есеркеповой, библиотекарем областной детской библиотеки имени Н. К. Крупской Омска.

Среди желающих поехать работать на север Тюмени и Надежда Бендас. Она закончила Харьковский государственный институт культуры, работала в областных библиотеках Ивано-Франковска, Харькова и Тюмени. Ей и вручена комсомольская путевка на большое и интересное дело.

Сейчас у Нади много планов: она мечтает

сделать библиотеку центром культурной жизни молодого города, создать клуб интересных встреч, клуб любителей искусства, музей истории библиотеки. Нади будет нашим корреспондентом. Ее письма и письма ее будущих друзей помогут «Смене» вести коллективную летопись не только библиотеки, но и самой стройки. Пожелаем успехов в работе Надежде Бендас!

...По-прежнему в «Смену» идут бандероли, посылки, письма, раздаются телефонные звонки. Книга стала нашим посредником в общении с читателем.

Мы получили письмо от А. Олейникова, начальника уренгойского изыскательской партии института «ВНИИГаздобыча», из Саратова: «С Уренгоем я связан уже шесть лет. Там, где в 1973 году был вбит первый колышек, теперь стоят серебристые корпуса установки конечной переработки газа. Идет промышленный газ—газ Уренгоя, и в этом могучем потоке есть и труд моих товарищей: топографов, геологов, геофизиков, гидрологов. И очень здорово, что в поселке Новый Уренгой будет библиотека, созданная общими усилиями».

А вот письмо самого юного участника создания библиотеки Вовы Смехова, ученика 1-го класса 178-й школы Киева: «У меня и у ребят из нашей «звездочки» много книжек. У нас пятерки по чтению. В вашем журнале писали, что взрослые помогают строителям Уренгоя собирать библиотеку. А как же их дети? Им ведь тоже надо слушать сказки и учиться читать. И я придумал подарить те книжки, из которых я вырос. Об этом я скажу ребятам на сборе. А пока посылаю вам свои первые книжечки».

Редакция благодарит всех за присланные книги и за теплые письма!

Ждем новых поступлений.

ВХОДЯ СЮДА, СТЯЖИТЕ ПЫЛЬ ПУСТЫНИ

Ефим ЕФИМОВ
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

На ремонтно-механическом заводе в Навои, рядом с диковинными машинами для геологов и горняков, я встретил обыкновенного дракона. Ничего особенного—он был похож на фантастических зверей, которых лепят из глины мастера игрушек в древних селениях, затерянных посреди пустыни. Но те, глиняные драконы свободно умещаются на ладони, а этого, отлитого из чугуна, пришлось рассматривать, запрокинув голову.

Он был бы грозен, кызылкумский дракон, но скульптор придал ему чуть удивленное выражение. Словно пришельца из сказки изумили чудеса, каких и в сказке не бывает.

Что ж, есть чему удивиться в городе, возникшем на краю пустыни—с его великолепными архитектурными ансамблями и парками, с его заводами и стадионами. Или хотя бы самому появлению в Навои чугунного дракона: с этого диковинного зверя началась история художественного литья в среднеазиатских республиках.

Я видел и электрическую печь, в которой плавил чугун для дракона. Познакомился с мастером Алексеем Сурковым, способным сработать любую форму. Увидел и модель, вылепленную ленинградским скульптором Борисом Свиным в творческом содружестве с Хамро-биби Рахимовой, старой мастерицей из кишлака Уба.

Когда Борис встретился с ней впервые, Хамро-биби, лукаво улыбаясь, выставила целую отару драконов.

— Зачем их столько?—изумился гость.

— Чтобы всем ребятишкам хватало. И потом: ведь должен кто-то обитать в пустыне,—объяснила мастерица.

Да, и в самой жаркой пустыне кто-то должен обитать... И тысячи лет, пока заказан был туда путь людям, их фантазия населяла пустыню существами сказочными, олицетворявшими злые силы—песчаные бури, суровые, зной.

Смуглые пальцы Хамро-биби размяли красную глину, и на глазах гостей произошло маленькое чудо: из вязкого комка появилась головка дракона. Мастерица еще раз коснулась глины, и в глазах дракона мелькнул испуг.

— Вот,—рассмеялась она.—Скоро они только здесь, в Убе, и останутся.

Тогда и решил скульптор: дракон должен остаться и в городе, изгнавшем его из пустыни. Как напоминание о злых стихиях, обузданных человеком.

И вот вышел на заводской двор чугунный дракон. Городской архитектор Вадим Назаров похлопал его, словно коня, по шее.

— Мы ему и место и дело определим. Рядом стал другой дракон—под пару, их погрузили на трейлер, который обычно увозит отсюда тяжелые горные машины, и двинулись драконы в путь, не узнавая мест, где испокон веков перекачивались песчаные барханы.

Их везли, не торопясь, по голубоватому асфальту дороги-аллеи, и сквозь кроны деревьев проступали высокие—в четыре, в семь, в девять этажей—дома с широкими лоджиями, усыпанными любопытствующим людом;

мелькали витрины, в которых драконы могли бы увидеть свое отражение.

Разумеется, дракон, хотя бы и чугунный, не такая уж важная штука, чтобы уделять ему исключительное внимание. Но и он порою может стать знаменательной приметой, и не только потому, что его появление свидетельствует о солидной технической и творческой базе: ведь во многих других городах есть и литейщики и художники, имеются там и плавильные печи. Но первую страницу среднеазиатской истории искусства художественного литья открыл именно этот юный город на краю пустыни. И в этом, должно быть,—естественное проявление тех духовных богатств, которые обретают люди, сражающиеся с пустыней. Им мало было отвоевать землю Кызылкумов! Они решили украсить ее. И поэзия созидания зазвучала в самом имени города.

Как нарекают молодые города? Самый редкий способ—обратиться к прошлому. В Навои поступили именно так. И основатели города—комсомольцы и молодежь пятидесятых и шестидесятых годов—ощутили себя наследниками давней мечты, преемниками того далекого прошлого, которое само стремилось загнать в завтра.

...Доводилось ли вам пробираться Южными Кызылкумами к берегам Зеравшана? Пески, такыры и снова пески. Такою же, наверное, видел эту пустыню—на пути из Бухары в Самарканд—Алишер Навои. Вот так же, в такт поступи коня, колыхался горизонт, очерченный гребнями барханов. И, может быть, на этом же переходе между Бухарой и Самаркандом воображение поэта нарисовало—назло скулой пустыне!—те семь дворцов, семь планет, вослестых им в «Семи планетах».

Я навсегда запомнил это место в Кызылкумах. Там, где древнему путнику открывалась за пустыней другая пустыня, ныне свершилось преобразование, о котором мечтал поэт. Ветер взвихрил, сдернул пыльную завесу, и на краю пустыни встали дома-башни, сверкающие рядами синих и золотых—от неба и солнца—окон.

И если бы вошел Навои в город, названный его именем, он встретил бы здесь самого любимого из своих героев—Фархада. Вот он—встал во весь рост перед дворцом из розового туфа, напряглись его бронзовые мускулы, и ударила из расколотаго камня послушная вода.

У каждого поэта есть заветные страницы творчества, которые дают ему право сказать: «И долго буду тем любезен я народу...» Алишер Навои первым ввел в поэзию Востока образ героя, которого прославили не только меч, но и кирка. И стал народным героем рыцарь, прокладывающий воде путь на поля.

В старинном предании есть адрес этого подвига: излучина Сырдарьи, та самая, до которой доходило войско

Александра Македонского. Там и сегодня покажут вам следы кирки, дробившей скалу. Можно, разумеется, найти иные объяснения отметинам на камне—ветер, талые воды, время. Отбросьте сомнения, верьте преданию: слишком много надежд отразилось в нем.

И вот что знаменательно: в излучине у скал Фархада взяли начало оросившие Голодную степь искусственные реки, рожденные по декрету, подписанному Владимиром Ильичем Лениным в мае 1918 года.

А за Голодной степью, на запад, начинаются Кызылкумы, покорение которых продолжается в наше время.

Французские географы Жаклин Божё-Гарнье и Жорж Шабо в своих «Очерках истории городов» писали: «Город—плод усилий природы и человека». А потом сочли необходимым сделать особую оговорку: «Молодые города Советского Союза дают яркий пример торжества техники над природой».

Знаменательная оговорка! Но все же надо бы внести в нее поправку—речь идет не столько о торжестве техники над природой, сколько о союзе человека с природой. Лишь в таком союзе выгадывают обе стороны—и люди и среда, которая их окружает.

Как прозвучали бы сегодня слова: «Столица Сахары». Пожалуй, большинству из нас послышалась бы горькая ирония—что за столица может быть в пустыне! Разве что руины древнего города, занесенные песками величайшей африканской пустыни.

А вот у пустыни Кызылкумы, в Средней Азии, есть столица. И ее воздействие—экономическое и культурное—ощущается на тысячах и тысячах квадратных километров. Сопоставьте, год за годом, карты этой территории—геологические, почвенные, растительные, мелиоративные, промышленные, климатические, транспортные и

ТАМ, ГДЕ ДРЕВНЕМУ ПУТНИКУ ОТКРЫВАЛАСЬ ПУСТЫНЯ, НЫНЕ СВЕРШИЛОСЬ ПРЕОБРАЖЕНИЕ, О КОТОРОМ МЕЧТАЛ АЛИШЕР НАВОИ.

ГОРОД ОБРЕЛ НОВЫЕ ПРОФЕССИИ, НАЗНАЧЕННЫЕ ЕМУ ОБЩЕСОЮЗНЫМ РАЗДЕЛЕНИЕМ ТРУДА.

ЗДЕСЬ, В ПУСТЫНЕ, ВОДЫ И ЗЕЛЕНИ НА КАЖДОГО ЖИТЕЛЯ ПРИХОДИТСЯ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВО МНОГИХ ГОРОДАХ УМЕРЕННОГО КЛИМАТА.

ЛЮДИ, СМЫСЛ ЖИЗНИ КОТОРЫХ ВЕКАМИ СВОДИЛСЯ К ПОИСКУ КОРМА ДЛЯ ОВЕЦ И ВОДЫ В ПЕСКАХ, ПРИВЫКЛИ СЕГОДНЯ К РИТМАМ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА.

города, которому всего-то два десятка лет, появились спутники, но здесь, в разбуженной пустыне, свои представления о сроках и расстояниях. И никого не смущает то обстоятельство, что «орбиты» спутников — в сотнях километров от Навои. Такова стратегия освоения — каждый город-спутник становится новым плацдармом наступления на пустыню.

Еще раз об именах: в них тоже отразились черты биографии младших братьев города Навои. О происхождении одного из них говорит название Учкудук — «Три колодца». Воды в них хватило ненадолго, пришлось срочно бурить артезианские скважины. А на месте другого города-спутника и колодца-то не было. Зато нашли здесь залежи камня, напоминающего мрамор, но усыпанного рыжими веснушками, словно брызгами кызылкумского солнца. За эти-то «веснушки» на белом кварце город называли Зарафшан — «Золотоносный». А поскольку колодцев не было, проложили через пески и горы стальное русло, по которому течет — за сотни километров — вода Амударьи.

Так возникла первая в мировой практике пустынная городская агломерация, которую грех, конечно, называть пустынной. Хотя бы потому, что на каждого жителя здесь приходится больше воды и зелени, чем во многих вполне благополучных городах, расположенных в зоне умеренного климата.

Это своеобразный эталон комфорта для обитателей разбуженной пустыни, образец для пастушьих и земледельческих селений в гигантском треугольнике, на вершинах которого стоят Навои, Зарафшан, Учкудук.

Сотни лет смысл жизни чабана и его семьи сводился к тому, чтобы разыскать

прочие — и вы ощутите перемены, пришедшие в пустыню из города Навои.

Уходят отсюда в дальние маршруты геологи — и на карте появляются новые значки месторождений нефти, газа, графита, бирюзы, бентонита, соли и самого ценного ископаемого — воды. Проходит время, и рядом со значком подземной кладовой появляется решетчатый контур — вышка или силуэт завода...

Отсюда, из Навои, стартуют самолеты, рассыпающие над песками семена, которые прорастают травами новых пастбищ, деревьями новых лесов; и вот она, одна из многих черт, характеризующих силу союза с природой: на миллионе гектаров, взятых под опеку столицей Кызылкумов, появились не только отары каракульских овец, но и стада диких сайгаков.

Отсюда, как с плацдарма, все дальше уходят в глубь пустыни железная дорога, автострады, воздушные трассы, высоковольтные линии, газопроводы, радиорелейные магистрали.

И панелевозы с огромными деталями домов спешат в города-спутники. Да, у

СРЕДНИЙ ВОЗРАСТ ЖИТЕЛЕЙ НАВОИ — 26 ЛЕТ.

ОСНОВАТЕЛИ ГОРОДА СТАЛИ КАК БЫ ПРЕЕМНИКАМИ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО.

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Анатолий КНЯЗЕВ,
электрик,
Москва

Я ночь провел бессонно, беспокойно,
Над рифмой бился с самого утра.
И, локти положив на подоконник,
Смотрел устало в глубину двора.
Трудился сварщик в синеве пролета
Над яркой нитью сварочного шва,
А у меня—не ладилась работа,
А у меня—поэзия не шла.
Стальная башня поднималась прямо
С зеленою кабинкой на боку.
Вдруг блок певучий башенного крана
Продиктовал мне точную строку.
Поэзия таилась в непокое,
Не у реки, не в тихом шалаше...
И доброе соавторство такое,
Признаюсь вам, мне было по душе.

Алексей ШЛЫГИН,
художник-оформитель,
г. Владимир

Строка, оборванная пулей

Затишье выдалось под утро.
Плечом к березе прислонясь,
Солдат писал стихи—как будто
Тянул от сердца к сердцу связь...
Он вспоминал жену и дочку,
Цветущий луг и камыши...
Но пуля перебила строчку,
Что выходила из души.
Земля горела.
Дым клубами
Вставал над берегом реки...
А он мучительно губами
Искал конец второй строки...

Юрий МАРКОВ,
бурильщик,
Пермская область,
г. Березники

На буровую

Как будто военные думы,
Прносятся прочь облака.
Все дальше на север летим мы,
Под нами застыла река.
И снежное всюду распустье,
И ширь эта
требуется сил.
На белом деревни, как будто
Форпосты полярной Руси.
Недельная вахта. Работа.
Нас ждут откровенья Земли!
Нам вышки видны с вертолета
И газовый факел вдали.

Александр ЗЕМЦОВ,
рабочий типографии,
Волгоград

Сеятель

Я знаю, что такое хлеб.
И помню, кто нам землю дал.
На этой пашне рос и креп
Со всеми вместе, навсегда.

Светлеет с каждым днем село.
Все гуще зеленеет лес.
И стрепет машет мне крылом
С открытых солнечных небес.

Мой край степной, ты вновь цветешь!
И вот иду среди полей.
Я строю счастье, сею рожь
Для самых близких—для людей.

Михаил КИСЛОВ,
техник-электрик,
Арзамас

Мама

Наработалась за день, устала,
Отдохнуть на часок прилегла
На кровать, в тишине задремала—
Вся, как день уходящий, светла.
Я поправлю тихонько подушку,
Занавешу от солнца окно...
Мне запомнится мама старушкой,
Ведь за семьдесят маме давно.
Отдыхать бы ей надо... Да где там!
Словно не было бед и потерь,
Как тревожилась раньше о детях,
Так о внуках печется теперь.
То им теплые варежки свяжет,
То варенье пошлет своего,
Вам подробно о внуках расскажет,
Не сказав о себе ничего.
А они колесят по России,
Добротой и силой полны,
И веснушки ее золотые
На их лицах открытых видны.

Геннадий КОНЯХИН,
формовщик,
Оренбург

Продолжение полета

Ты не смотри на наши роботы—
Наряд рабочий неказист.
Зато душою каждый чист.
Работа—самой высшей пробы.
Не веришь, выйди за ворота.
Там в небо рвутся этажи—
Как продолжение полета
Добром наполненной души.

Юрий СЕМЕНОВ,
кандидат технических наук,
Москва

Землица

Задворки, скворечник, деревья,
Сырые овраги, поля...
Седой фронтовик из деревни
Проселком не шел—ковылял.
Его костыли увязали,
На глине—проколы-следы.
Он, к полю приблизившись, замер
Над свежим пластом борозды.
Потом наклонился над пашней,
Из рук уронив костыли.
Сухие и нервные пальцы
Сжимали щепотку земли.
И вот на ладони дрожащей
Подносит к лицу ее дед,—
Как будто бы запахов слаще,
Чем запах щепотки той, нет.
Что дома ему не сидится?
Снял шапку он ради чего?
Как ласково шепчут: «Землица»—
Бескровные губы его.

Евгений СЪЕДИН,
металлург,
г. Антрацит

Заветная пора

Я люблю заветною порою
(Ведь у всех должна такая быть!),
Взяв блокнот и карандаш с собою,
По уснувшим улицам бродить.
Светлячками звезды над домами,
Тишина окутала меня.
Шепчется лишь ветер с тополями,
Надо мной листвою шевеля.
Прислонясь к стволу, за строчкой строчку
Я пишу при свете фонаря.
И рассвет в блокноте ставит точку
Первой каплей теплого дождя.

в песках корм для овец и поспеть с отарой к колодцу—пусть бы в нем плескалась хоть соленая вода. И кто бы стал сажать дерево рядом с юртой, которую завтра придется навьючить на верблюда и перевезти на новое место! Что ж, без многого обходились. И очень многого даже не представляли. Но вот строительные отряды, снаряженные в Навои, Зарафшане, Учкудуке, помогли возвести на перекрестках чабанских троп селение с домами из кирпича и сборного железобетона, со школами, больницей, Дворцом культуры, парком и стадионом, с фермами, мастерскими и ветеринарной лечебницей. Провели сюда электричество, газ, воду, а на соседней горе поставили телевизионный ретранслятор, и семьи чабанов увидели Москву и Ташкент.

Что ж, к доброму люди привыкают быстро: все, без чего здесь испокон веков «обходились», стало нормой для жителей Тамды. И других селений, помельше, которые возникли на пастбищах, где находит сейчас обильный корм и воду миллион каракульских овец.

Уже одно это могло бы полностью оправдать усилия и затраты, которых потребовало создание плацдармов наступления на пустыню. Но замысел был и шире и смелее. По решениям съездов КПСС в этом крае были разбужены,

организованы, умножены производительные силы, превратившие Навои—вместе с прилегающей к нему зоной—в крупный экономический район. И скоро он стал достойным партнером в планах кооперирования и специализации народного хозяйства страны.

Если можно говорить о возмужании городов, то наступает оно в пору, когда город, который до того лишь рос под опекой своих старших собратьев, начинает и сам делиться плодами своего труда и творчества. И характерно, что сначала город Навои стал делиться своим опытом—опытом роста.

Так, первое авторское свидетельство на изобретение навоийцы получили на скоростной способ установки высотных конструкций. «У нас просто не было другого выхода,—объясняют потом авторы.—Еще не прибыли высотные краны...» И высотные конструкции стали собирать... на земле, плашмя, так, чтобы основание конструкции примыкало к готовому фундаменту. Потом закрепили стальные тросы на верхушке конструкции, приладили систему блоков, и за пару часов стальная громадина встала во весь свой стометровый рост. И ветер развернул заранее прилаженный флаг. Секретов здесь таить не стали, и когда понадобилось поднимать подобные конструкции в других городах—Алмалыке,

Бекабаде, Чирчике,—туда приехали навоийские монтажники.

Потом пришел черед делиться избытком того, что город срочно готовил для себя. Впрочем, этот избыток был заранее предусмотрен. Навоийская ГРЭС, мощность которой приблизилась к миллиону киловатт, включилась в единую энергетическую систему Средней Азии и стала светить своим древним соседям—Самарканду и Бухаре, стала вращать турбины насосов Каршинского каскада, который гонит из Амударьи, на 132 метра вверх, миллиарды кубов воды для Каршинской степи.

А с Навоийского домостроительного комбината двинулись наборы фундаментов, стен, перекрытий. Если сложить все, что построено навоийцами за пределами своего города, получится еще один такой же город. Есть навоийские кварталы и в Газли, и в Бухаре, и в Ташкенте—молодой город спешил на помощь братьям своим, понесшим урон от землетрясений.

Тем временем город обретал новые профессии, назначенные ему общесоюзным разделением труда. На пустоши, с подветренной стороны, заложили цементный завод.

В первый раз мы любовались им... в походном кабинете главного инженера стройки. Прямо на полу вагончика

стояли маленькие корпуса, башни, печи.

— Объемный чертеж,—объяснил инженер.—Проставлены все размеры.—И добавил:—Вообще-то мы обошлись бы и обычными чертежами. Но с этим уютнее, что ли... Наглядная мечта.

Да, с «наглядной мечтой» легче раскрыть двери вагончика и шагнуть в песчаную бурю или в дождь, когда степь становится непролазной и надо, бросив застрявший «вездеход», шагать от колышка к колышку—по следам, оставленным геодезистами.

— Здесь,—притопнул ногой мастер В. Осинцев. И хотя перед ним расстился белесый солончак, он ясно видел первый объект—компрессорную, точно в-точь как на объемном чертеже, только раз в сто выше.

Здесь и стали рыть котлован под первый фундамент приехавшие по комсомольским путевкам бульдозеристы и экскаваторщики. Потом пришли арматурщики и бетонщики. А когда сняли наконец опалубку, оказалось, что всем есть дело у первых фундаментов. Но, если говорить прямо—просто захотелось посмотреть на самое первое воплощение «наглядной мечты». И глядели они на массивные опоры, точно скульптор на только что законченное заветное творение свое.

Александр КОВАЛЕВ,
мастер турбинного цеха,
Ленинград

Мои товарищи

Мне нравится,
Когда рукопожатья
По-доброму крепки—
До хруста в пальцах.
Я узнаю их—это руки
Братьев—
Ижорцев,
Металлистов,
Арсенальцев.

Мне нравится,
И это не для фразы,
Когда трамвай битковый
В шесть пятнадцать
Мы на Бестужевской
Штурмуем разом—
Балтийцы,
Металлисты,
Пролетарцы.

Мне нравится,
Газету развернув,
Товарищей моих увидеть
Лица,
Чьи имена звучат
На всю страну—
Светлановцы,
Свердловцы,
Металлисты!

Евгений КАРАСЕВ,
строитель,
Омск

Город

Круто выгнулся мост,
Словно рыба в прыжке.
И кустарник пророс,
Как картошка в мешке.

За мостом, за рекой,
Как на полке тома,
В растянувшийся строй
Дружно встали дома.

Первой свежести снег
Все покрыл белизной.
Город—как человек
После смены дневной.

Николай НОВИКОВ,
слесарь,
Люберцы

Брусника

А мне то холодно, то жарко,
То будто снова я в бою.
Рвала бруснику санитарка,
Чтоб жажду утолить мою.
И этим силы пополняла.
Их взял осколок, смерть тая,—
Вот потому в бруснике алой
Мне стала донором земля.

Алексей ЯСНЫЙ,
учащийся,
Москва

Прозрачные ивы
Над старым прудом.
А пруд еще скован
Нестаявшим льдом.
А лед еще полон
Спокойного сна:
Еще где-то тихая
Бродит весна.
И спит подо льдом
Голубая вода.
Ей снится подруга—
Ночная звезда.

Анатолий МИСОЧКИН,
зоотехник,
Ставропольский край

Второе дыханье

Опять зеленые поляны,
Среди равнин бредут стада.
И степь, как зорька, молода
В своем движенье неустанном.

Поет и душу полнит силой,
Искрится солнцем по весне.
И голос матери России
Напевом теплится во мне.

И я иду, в себя вобрав
Степные радости, печали.
Тепло земли и запах трав
Моим вторым дыханьем стали.

Раиса РОМАНОВА

Зной

Пышноголовый, наполненный всклень,
Август. Он к лени нас манит.
Мчат по теченью умаялся день—
И у излучин табанит.

Заполоскала ракиты река.
Ветру б на волю им сдаться:
Слишком лениво текут облака,
Слишком в воде серебрятся!

Мерно стрекозы крылами стригут.
Им незнакома истома.
Чибисы зорко парят: стерегут
Сон поднебесного дома.

Степи вокруг от жары затекли,
Вспухли, взбурлились от жажды.
Праздность и зной тяжелы для земли:
Бурей взметнется однажды!

На Каме

Нас вскачь несли двенадцать лошадей.
И волны лбы дробили в злую пену.
Мой спутник стал от радости добрей,
От дерзости—храбрее постепенно.

Река легла, как море, широка,
И горизонт раздвинула мой узкий,
Свершая дело доброе, пока
Бравурно пела я: «Какой же русский...»

Мой славный век! Прими привет за то,
Что, вынося на гребень чувств и мысли,
Дал самолеты, корабли, авто
Для постиженья ширей, глубей, высей.

Движенье

Состав пронзительно несется.
Кружится далее карусель.
Звук то аукнет над колодцем,
То стихнет в лесополосе.

И смене кадров бесконечной
Ты, путник, как ребенок, рад:
Сотрет, как ластик, поезд встречный
Любой рисунок наугад.

Ты дерзость, легкость и веселье
Растил в груди не день, не год,
Чтоб, взгляда пристальность рассея,
Прослыть глотателем широт.

Ну, что ж, ты будешь им, доколе
Тебе, летучему, в укор
Зов вечеряющего поля
Не примагнитит беглый взор.

Чтобы воспроизвести модель-чертеж в натуре, понадобилась площадка в полсотни гектаров, и стали эти гектары самыми урожайными в мире—урожайными на цемент.

До сих пор, наращивая мощность цементных заводов, проектировщики увеличивали габариты оборудования. Уже под двести метров длина вращающихся печей... В Навои избрали другой путь—качественных перемен. Если не слишком вдаваться в тонкости технологии, то суть дела выглядит так. В сверхдлинных печах обжиг цементного полуфабриката—клинкера—начинается... не с обжига: на первых метрах сырье избавляется от влаги. Сушку вменили в обязанность подготовительным цехам, сырьевым мельницам. Да еще стали предварительно разогревать сырье—горячими газами, отходящими из печи. И теперь вращающаяся печь смогла заниматься своим прямым делом—обжигом. Оказалось: чтобы превратиться в клинкер, шихте, загруженной в печь, теперь надо пройти путь вдвое короче обычного.

Итак: путь—короче, движение—быстрее, расход тепла—вдвое меньше, выработка—выше. И еще один, самый отрядный выигрыш: навоийская технология гарантирует самое высокое в стране производство цемента на каждо-

го работника. Остается добавить, что навоийский завод дает больше «хлеба строительства», чем вся цементная промышленность царской России.

У каждого дела множество истоков. Из тысячи начал, определивших появление в Навои химической промышленности, мне хотелось бы выделить... бой у кишлака Калаичорбаг.

...С той поры прошло полвека. В полночь басмачи налетели на спящее селение, которому словно в насмешку дано было пышное название Калаичорбаг—«Крепость четырех садов». У кишлака, открытого всем ветрам, не было ни садов, ни оборонительных стен. И басмачи, примчавшиеся к маленькой площади, уже зажгли факелы, предвкушая дележ легкой добычи,—вот сейчас дехкане сами понесут сюда свой скарб. И тут грянул выстрел, и погас один из факелов—рухнул на землю басмач.

Пока банда разбиралась, откуда явился отпор, раздался выстрел с другой стороны площади, и еще один конь понесся, волоча стремнем всадника.

— Гаси факелы!—приказал главарь. Знал бы он, что на пути банды встал один человек... Короткими перебежками, меняя позиции, бил из своей винтовки Хамрай Оманов. При нем была всего одна запасная обойма, и надо было разить внаверняка. Но басмачей все рав-

но было больше, чем патронов у красноармейца, которого командир взвода, проходившего вчера через кишлак, отпустил на денек домой. Впрочем, имей солдат хоть один патрон, он послал бы его во врага. Правда, был у солдата и особый расчет: ведь односельчане люто ненавидели басмачей. И вот рядом с Хамраем прислонился к глиняному двалу старик с ружьем, бывшим в ходу, вероятно, лет сто назад. С одним зарядом... Старик целился долго, и солдат понял, что тут особые счеты. Ружье грохнуло, и покатило на землю главарь. Банда умчалась в пески.

На рассвете, когда в кишлак вернулся красноармейский взвод, боец Хамрай Оманов держал на площади речь перед земляками:

— Наш кишлак уже стал крепостью. Будут у нас и сады! Колхоз нам нужен!
— Верно,—сказал старик, который встал рядом с красноармейцем в ночном бою.

Сад поднимался трудно. Никли под сучьями тонкие деревца, разметалась пылью убогая почва. Однажды в колхоз привезли несколько мешков искристых белых зерен. «Удобрения»,—объявил районный агроном. Бережно, горстями засыпали аммиачную селитру в сотню лунок, где посадили яблони и чинары. Эти деревья принялись...

Но Хамрай Оманов так и не увидел плодоносящих садов на краю Кызылкумов, в селении по имени «Крепость четырех садов». Он пал в 1942-м под Сталинградом. Его сыну тогда шел второй год.

Рахмат Оманов унаследовал мечту о садах и запомнил рассказы о чудесном эликсире плодородия. Когда по соседству заложили город и начали строить химический комбинат, комсомолец из кишлака Калаичорбаг пришел наняться—на любую работу!

— Примем,—сказали ему в отделе кадров.—Инженером. Ждем тебя, парень.

Точно в назначенный срок Рахмат Хамраевич Оманов снова появился в отделе кадров—с дипломом Ташкентского политехнического института. И со свидетельством о стажировке на первом в Узбекистане химическом предприятии—Чирчикском производственном объединении «Электрохимпром». Да еще «увел» с Чирчикского объединения самого красивого электрослесаря, знатока контрольно-измерительных приборов и автоматических устройств—кареглазу Мархамат.

С тех пор биография семьи сплелась с летописью города, ставшего родным. Спросите их, когда в объединении «Навоизазот» пускали новую линию, и Мар-

хамат с ходу ответит: «Когда родился наш Алишер», — потом смущенно отсчитывает возраст их первенца и назовет год. Спросите, когда въезжали в новую квартиру на улице Ленина, и Рахмат, лукаво поглядывая на жену, скажет: «Когда команда Мархамат в последний раз стала чемпионом города по волейболу». Такова хроника Омановых: «Когда Рахмата приняли в партию... Когда пускали третью очередь... Когда родился Шухрат... Когда мы стали брать мальчишек в походы... Когда Мархамат затеяла гарантийные паспорта для измерительных приборов... Когда Мархамат избрали в горком партии... Когда линия вышла на проектную...» Счастливая хроника — не только семейным согласием, и не только интересной работой, и не только уважением товарищей. Счастливая тем, что все это слито воедино.

И еще тем, что Рахмату и Мархамат удалось приобщиться к воплощению отцовской мечты о садах. Их предприятие — одно из крупнейших в мире поставщиков минеральных удобрений, и азот, который производит комбинат, оборачивается миллионами тонн хлопка, риса, фруктов, винограда. Для этого и причастились Рахмат и Мархамат к чуду превращения двух «невидимок» — частиц природного газа и воздуха — в эликсир плодородия.

«Комбинируя» атомы этих частиц, здесь творят и другие волшебства. Так, в Навои пущена первая опытно-промышленная установка, синтезирующая препарат «К» — то самое вещество, о котором мечтали в кишлаке Калаинюрбаг, когда ветер развеивал почву в пыль. Капля препарата «К», падая на комочек пыли, превращает ее в зерна, напоминающие структуру плодородных почв, и земля может противостоять ветровой эрозии.

Так из природного газа и воздуха сотворили здесь два вещества в помощь природе. А третье вещество стало... соперником природы. Из тех же компонентов — природного газа и воздуха — здесь получают нитрон — синтетическую шерсть. Получают больше, чем можно настричь во всех отарах, пасущихся в пустынях Средней Азии.

А рядом уже поднялись корпуса еще одного гиганта — электрохимического комбината, где встретятся соль кзыл-кумских меторождений и газовый кон-

денсат с соседних промыслов, встретятся, чтобы стать продукцией, в которой нуждаются земледелец, врач, строитель и их союзник — природа.

И еще одна площадка зарезервирована рядом с группой химических производств. Она имеет прямое отношение и к химии и... к спорту.

Известно, что там, где имеется достаточное количество аммиака, можно вырабатывать холод. И вот однажды на собрании партийного актива в Ташкенте представителям Навои подсказали идею — обзавестись собственным катком. Хоккей и фигурное катание в Южных Кызылкумах! Такая перспектива не могла оставить равнодушными комсомольцев города, где физическая культура, спорт стали неперменной чертой образа жизни.

В древней Спарте полагали, что не умеющий плавать подобен неграмотному. Что ж, и с такой точки зрения Навои можно считать городом сплошной грамотности.

Я видел, как милиционер перекрыл движение на самой оживленной улице: шагал детский сад.

— Куда?

— В «Дельфин»!

Так назвали бассейн, который с полной нагрузкой работает восемнадцать часов в день, в любую пору года — зимой «Дельфину» дает частичку своего тепла электростанция.

Звучит сирена тренера-воспитателя, и бронзовые мальчишки и девчонки превращают голубое зеркало бассейна в кипящий водоворот. А тренер, дав испариться избытку ребячьей энергии, начинает урок басса. Потом — десять минут с мячом, и малыши уступают место школьникам. Потом явятся оздоровительные группы всех возрастов, снова школьники. График жесткий, все расписано до минуты: отведено время всем детским садам, школам, производственно-техническим училищам соседних микрорайонов. А ведь еще надо выкроить часы для пловцов, прыгунов с вышки и трамплина, ватерполистов высокого класса. А их в Навои немало: юноши и девушки, прошедшие школу «Дельфина», — неперменные участники сборных команд Узбекистана. Это закономерно, ведь спорт можно уподобить пирамиде: чем шире основание, тем выше вершина.

ИМЕНЕМ ЛЕГЕНДАРНОГО ФАРХАДА НАЗВАН ДВОРЕЦ С ТИХИМИ БИБЛИОТЕКАМИ, СВЕТЛЫМИ СТУДИЯМИ, УЮТНЫМИ ХОЛЛАМИ.

И В ЭТОЙ ТИПИЧНОЙ КАРТИНЕ — ПРОЯВЛЕНИЕ ДУХОВНЫХ БОГАТСТВ, КОТОРЫЕ ОБРЕТАЮТ ЛЮДИ, СРЖАЮЩИЕСЯ С ПУСТЫНЕЙ.

Сотни мастеров спорта воспитал этот город — альпинистов, боксеров, борцов, велосипедистов, легкоатлетов, мотоциклистов, пловцов, стрелков, туристов, футболистов... И это, пожалуй, тоже было запрограммировано: свой первый стадион навоийцы соорудили в ту пору, когда на его трибунах могло разместиться почти все население города. Так был привит вкус к спорту. И самыми массовыми стали субботники на строительстве искусственного озера, окольцованного пляжами и лодочными станциями. Вот такой теперь кзылкумский пейзаж: разлилась голубая вода, по которой скользят белые паруса. Глянешь с одного берега — отражаются башни домов, глянешь с другого — дрожат в голубом зеркале деревья молодого парка. И тут я не могу удержаться — непременно нужно привести цифру: семьдесят гектаров отвели городскому парку — под зелень гектаров пустыни не жаль!

По напряженности и полноте рабочего дня с бассейнами, стадионами, спортзалами соперничает и дворец «Фархад». Тот самый дворец, облицованный розо-

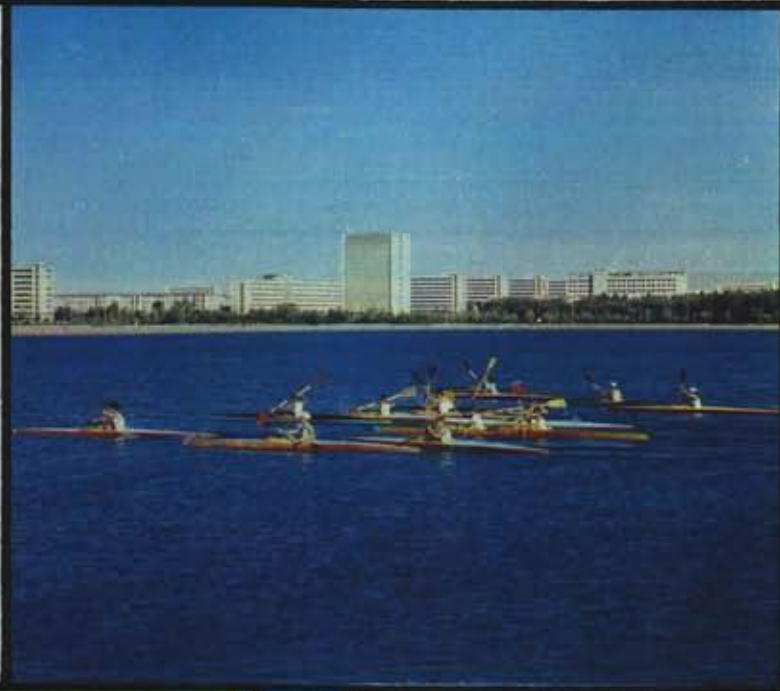

**ВОТ ОН—
СЕГОДНЯШНИЙ
КЫЗЫЛКУМСКИЙ
ПЕЙЗАЖ.**

**КАК НАПОМИНАНИЕ
О ЗЛЫХ СТИХИЯХ,
ОБУЗАННОМ
ЧЕЛОВЕКЕ,
ОБОСНОВАЛСЯ
В ГОРОДЕ ДРАКОН,
КОТОРОМУ
СКУЛЬПТОР ПРИДАЛ
ЧУТЬ УДИВЛЕННОЕ
ВЫРАЖЕНИЕ.**

**ТРУДНО ПОВЕРИТЬ, ЧТО
ЗА СПИНОЙ ОСТАЛИСЬ
НЕСТЕРПИМЫЙ ЗНОЙ
И КОЛЮЧИЙ ВЕТЕР.**

**ЛЮДИ ЛЮБЯТ
СВОЙ ГОРОД.
РУКА ХУДОЖНИКА
КОСНУЛАСЬ И ВИТРИН
МАГАЗИНОВ.**

корту, или детской площадке, где маленьких навоийцев терпеливо ждут кызылкумские сказки—любовно сработанные из бетона, дерева и дюрала верблюды, черепахи, сайгаки, олени и, разумеется, добродушные, прибавшиеся наконец к хорошему месту драконы.

Узкие аллеи, над которыми смыкаются виноградные лозы, выводят к детскому саду, к школе, поликлинике, кинотеатру, торговому центру. Все это непременно принадлежит каждому квартала. И, заметьте, ни одной забытой временки. Город строился без «черновиков», начисто, без скидок на сроки и трудности роста.

Хотя, конечно, были и в Навои палатки: ведь требовалось укрыться от зноя и ветра самым первым геодезистам, проектировщикам, строителям. Но здесь не

и он же взял на себя заботу об удовлетворении нужд всех «лайщиков»—в жилье, школах, больницах, клубах, магазинах. И, разумеется, каждый «пайщик» обрел больше, чем можно было бы получить в «своем» городке,—блага современного города. Это и развитая сеть коммуникаций, и парки, и стадионы—вплоть до великолепного центра, вплоть до замечательных произведений монументальной пропаганды.

Все эти потребности—в квадратных метрах, ученических местах и торговых точках, в хорошем микроклимате, отдыхе и эстетическом воспитании—отразил генеральный план. И все это учел план производства работ.

Собственно говоря; здесь мы наблюдаем органическую связь между замыслом и исполнением, между архитектурой и строительством: и генплан и план производства работ опираются на единые градостроительные принципы. Первым жителям Навои не пришлось дожидаться полного завершения генплана, чтобы ощутить блага современного города. Сказался метод застройки микрорайонами, предусмотренный и зодчими и строителями. И уже первый микрорайон обладал достаточно полным набором городских благ.

Значит, возвели все предусмотренные микрорайоны; и получился город? Не совсем так. Одновременно с застройкой ячеек, кварталов, микрорайонов велось—по графику—сооружение зданий, служб, коммуникаций и других объектов общегородского значения. Это был и количественный и качественный рост.

Если взглянуть на город с птичьего полета или хотя бы на его схему, эта особенность проступает особенно четко: микрорайоны—словно лепестки огромного цветка, примкнувшие к центральной площади, центральному парку и центральному спортивному комплексу.

Люди любят свой город. И город любит своих людей.

Об этой любви говорит и отделка каждого дома—резной орнамент, медная чеканка, полоска майолики или хотя бы фигурная кладка кирпичика. Об этой любви говорит и нарядная решетка жалюзи на окошке, и цветастый зонтичный навес на автобусной остановке, и «стоянка» для детских колясок рядом с магазином.

И достойными наградами градостроителям стали Государственная премия СССР, премия имени Патрика Аберкромби, присужденная Международным союзом архитекторов, золотая медаль Академии художеств СССР, премия Ленинского комсомола Узбекистана, многие другие премии и отличия, которыми отмечены в различных сочетаниях А. Коротков, И. Орлов, Н. Симонов, Г. Смородин, Б. Свинин, В. Назаров, Г. Гончаров, В. Панов, Т. Сафонова, Е. Федоров, А. Цилирицкий и многие другие зодчие, художники, инженеры.

К своему двадцатилетию город Навои завершил строительство, определенное своим первым генеральным планом. Город стал «стотысячником». Заселен последний, седьмой по счету, запроектированный микрорайон. Возведены все заводы, пуск которых намечался на этот период. Готова главная площадь—с великолепным общественным центром, кинотеатром, высотной гостиницей, с универсамом и универсамом. А над площадью, над городом вознесся—тридцать этажей!—сложенный из металла, бетона и стекла Дом Советов.

Город—в пути. Он исполнен замыслов, исполнен энергии. Ведь средний возраст его жителей—26 лет. И притом он молодеет! Ежегодно появляется две с половиной тысячи маленьких навоийцев...

И уже включили навоийцы в наказ своему депутату Верховного Совета СССР, бригадиру горно-металлургического комбината имени 50-летия СССР Владимиру Кривоносу такое пожелание—ускорить рассмотрение нового генерального плана города—до 2000 года.

стали чрезмерно романтизировать палатку, вагончик, барак. Потому что порой палатка или барак становятся не временной необходимостью, не предосторожностью, а дурной привычкой, обузой иного города. Обузой экономической, эстетической, нравственной. Ведь и временка может стать искушением, причем далеко не романтического свойства: вот стоит барак—есть квадратные метры жилья, нужда в которых не проходит. Как здохнешься на готовое здание? Давайте, скажет иной хозяин, эстетик, пока ставите новые дома рядом, а потом уж... И стоят, дожидаясь этого «потом», временки, словно бедные родичи, рядом с высотными домами. Обидно это, некрасиво и бесхозяйственно: сто раз помянут недоброе словом строители такую бережливость, когда решатся наконец снести барак и придется выгораживать посреди квартала новую строительную площадку.

Мало иметь превосходный генеральный план. Нужен единый хозяин и по возможности единый исполнитель, подрядчик. Это позволяет избежать еще одной отрицательной черты некоторых городов—застройки по ведомственному, «цеховому» принципу. Получает завод средства на жилье и возводит свой городок—в удобные для себя сроки, с подходящим для себя набором жилых и общественных зданий, приемлемого, по своему разумению, качества. Так возникают порой городки химиков, текстильщиков, железнодорожников, энергетиков. Но такие городки, как правило, «не стыкуются», и сумма их не дает желаемого результата—города с единым, здоровым хозяйством, с цельным обликом.

В Навои сумели обобщить все или почти все средства, которыми располагали для этой цели энергетики, химики, геологи и другие «цехи». Распорядителем этих средств стал городской Совет,

...Вот я несколько раз повторил: «на краю Кызылкумов». Применительно к городу Навои эти слова надо понимать буквально: здесь можно прямо с песка пустыни шагнуть на тротуар, в тень молодых тополей и чинар. Тротуар только что полит, и, естественно, следует, входя в город, сбить с обуви пыль.

Обычная улица—с нечетной и с четной сторонами. Вот только с нечетной стороны застыли пески, а по другую, четную сторону уже поднялась шеренга семиэтажных домов. Они—словно бело-голубые корабли в кильватерной колонне, которые вот-вот тронутся в песчаное море. Но там, на нечетной стороне, уже сдвигают песок бульдозеры, занес решетчатой рукой свой ковш экскаватор, и спешат грузовозы с блоками фундаментов.

А корабли-семиэтажки уже обжиты, стоит пройти под арку, и трудно поверить, что за спиной остались нестерпимый зной и колючий ветер. Под защитой домов—роща. Она расступается для того лишь, чтобы дать место каскаду маленьких водопадов, или теннисному

вым тупом, перед которым без устали дробит скалу богатырь, открывая путь воде, и поднимают полные кувшины девушки, олицетворяющие три великие реки Средней Азии—Амударью, Сырдарью, Зеравшан, и сторожат предания литые драконы.

Это словно заправка к работам самодеятельных художников, выставленным в картинной галерее дворца. К стихам и песням самодеятельных поэтов и музыкантов. К спектаклям самодеятельных артистов. В этом чудесном дворце стремятся приобщить к прекрасному и утолить жажду творчества. На то и воздвигли дворец—с его светлыми студиями, тихими библиотеками, зрительным залом, на сцене которого ставят и драматические спектакли и оперы.

Из множества условий и посылок был сложен первый генеральный план развития города. И он, разумеется, выходил за рамки градостроительного искусства. А если говорить точнее, градостроительство стало одним из главных разделов плана социально-экономического развития города на краю Кызылкумов.

Владислав ТРЕТЬЯК,
заслуженный мастер спорта,
член ЦК ВЛКСМ

ХОККЕЙ БЕЗ КАН

Каждый раз, когда мы, армейские хоккеисты, возвратившись из очередной поездки, приходим в родной Дворец спорта на Ленинградском проспекте, дежурный вручает мне довольно увесистую пачку разноцветных конвертов. Я пробегаю глазами обратные адреса: Ленинград, Новосибирск, Харьков... А вот письмо с иностранным штемпелем: Стокгольм, Швеция. Вот еще: Чехословакия, Канада, Финляндия, США... Писем в последние годы приходит все больше и больше. Адрес на некоторых конвертах предельно лаконичен: «Москва, Третьяку». И письма находят меня.

Я связываю это с растущей популярностью хоккея, чему, безусловно, способствовали серии наших встреч с канадскими профессионалами. Хоккей во многих странах стал одним из самых любимых видов спорта, а хоккеисты — самыми известными спортсменами.

Дома я распечатываю конверты и знакомлюсь со своей почтой, хотя, должен сказать, содержание многих писем знаю наперед. Молодые люди, мечтающие стать хорошими хоккеистами, спрашивают о том, как выработать реакцию, выдержку, как постичь все тайны спортивного мастерства. Меня просят рассказать о том, как я пришел в хоккей, как учился в школе, как сумел стать вратарем сборной СССР. Этим вопросам о моих первых шагах на большом льду, пожалуй, больше всего.

Итак, как я стал вратарем...

Летом 1967 года в команде ЦСКА было три голкипера — Виктор Толмачев, Николай Толстиков и Владимир Полуфанов. Старшему тренеру Анатолию Владимировичу Тарасову потребовался четвертый — для того, чтобы плодотворнее проводить тренировки. Я в то время учился в детской спортивной школе ЦСКА и даже не мечтал о том, чтобы играть в команде Тарасова. Тогда там были такие великие мастера, как Константин Локтев, Александр Альметов, Вениамин Александров, Анатолий Фирсов... Мог ли я, 15-летний мальчишка, думать о том, чтобы быть рядом с ними?

И вот представьте мое состояние, когда в один прекрасный день Тарасов говорит тренеру нашей юношеской команды:

— Пусть мальчик приходит на занятия мастеров. И показывает на меня. Я прямо оцепенел от неожиданности.

Так я стал тренироваться в знаменитой армейской команде, которая много раз становилась чемпионом страны, неоднократно выигрывала кубок СССР и всегда поставляла больше всего игроков в сборную. Как я старался! Во время игр бросался за каждой, даже самой безнадежной шайбой. Наравне со всеми бегал и выполнял все упражнения. Возил своим новым друзьям яблоки из нашего сада. Я начал нарочно косолопать, подражая Евгению Мишакову. В разговоре старался ввертывать любимые словечки своих кумиров. Носил за ними ключики. Хотел во всем быть похожим на них.

Я был горд тем, что живу в пансионате ЦСКА на Песчаной улице, что мне разрешают переодеваться в раздевалке рядом с известными хоккеистами. Дней пятнадцать продолжалось тогда это невыносимое счастье.

— Давай, мальчик, старайся, — одобрительно похлопывал меня по плечу Тарасов. И это звучало как высшая похвала.

Но в середине июля праздник кончился. Команда уехала на юг. Естественно, без меня. Я продолжал выступать за юношеский. Мы стали чемпионами Москвы. В Новосибирске я впервые получил приз лучшего вратаря страны среди юношей. Еще до этого тренеры сборной молодежной команды СССР брали меня вторым голкипером на чемпионат Европы в Хельсинки. Выступление наше было признано неудачным: мы заняли второе место, а ведь взрослая сборная уже успела приучить всех только к победам. Любое другое место, кроме первого, расценивалось как неудача.

Зато через год на молодежном чемпионате в Гармиш-Партенкирхене (ФРГ) мы добились победы! После этого чемпионата я пришел в наш армейский Дворец спорта, и тут меня снова окликнул Тарасов. «Наверное, хочешь поздравить», — подумал я. Но тренер строго посмотрел и спросил:

— А вы, молодой человек, почему не на льду?..

С этого дня вся моя жизнь пошла по-новому. Тарасов поставил перед собой цель: сделать меня лучшим вратарем. («Лучшим в стране?» — спросил я. Анатолий Владимирович с недоумением посмотрел на меня: «В мире! Запомни это раз и навсегда».) И мы начали работать. Сейчас мне порой даже не верится, что я мог выдерживать те колоссальные нагрузки, которые обрушились тогда на мои еще не окрепшие плечи. Три тренировки в день! Какие-то невероятно новые, специально для меня придуманные упражнения. И еще МПК — «максимальное потребление кислорода». Это наше фирменное, армейское упражнение: бешеная беготня по всей площадке. Быстрее, еще быстрее! Ребята говорили с состраданием: «Ну, Владик, ты своей смертью не умрешь. Тебя эти тренировки доконают».

На занятиях десятки шайб почти одновременно летели в мои ворота, и все шайбы я старался отбить. Все! Я играл в матчах едва ли не каждый день: вчера за юношескую команду, сегодня за молодежную, завтра за взрослую. А стоило пропустить хоть один гол, как Тарасов на следующий день спрашивал: «Что случилось? Ну-ка, давай разберемся». Если виноват был я, то неминуемо следовало наказание, все уходило домой, а я делал, скажем, пятьсот выпадов или сто кувырок через голову. Я мог бы их и не делать, ведь никто этого не видел, все тренеры тоже уходили домой. Но мне и в голову не приходило сделать хоть на один выпад или кувырок меньше. Я верил Тарасову, верил каждому его слову. Наказание также следовало, если я пропустил шайбу на тренировке. Смысл, я надеюсь, ясен: мой наставник хотел, чтобы я не был безразличен к пропущенным голам, чтобы каждую шайбу в сетке я воспринимал как ЧП.

Тренер постоянно внушал мне, что я ничего из себя не представляю, что мои удачи — это удачи всей нашей команды. И тут я безоговорочно верил ему. И думаю сейчас, что если бы было иначе, то ничего путного из меня не получилось бы. Тарасову я обязан многим. Он был для меня как второй отец, этот удивительный человек, которого канадские профессионалы называют «патриархом русского хоккея». Кстати, канадцы сейчас неспроста усиленно штудируют хоккейные учебники, написанные А. В. Тарасовым. Как прилежные школяры, они впитывают мысли советского тренера. Фанатично преданный хоккею, переполненный смелыми, порой самыми фантастическими идеями, Анатолий Владимирович буквально заражал всех нас своей кипучей энергией, заставлял делать невозможное. Он удивлял каждый день новым упражнением, оригинальной мыслью, невиданной комбинацией.

— Ты думаешь, играть в хоккей сложно? — спросил меня Тарасов в самом начале нашей совместной работы.

— Конечно, — ответил я. — Особенно, если играть хорошо.

— Ошибаешься! Запомни: играть легко. Тренироваться тяжело! Сможешь 1350 часов в год тренироваться? — Тут он повысил голос. — Сможешь тренироваться через «не могу», чтобы тебя поташнивало от нагрузки? Сможешь — тогда добьешься чего-нибудь!

— 1350? — не поверил я.

— Да! — сказал, как отрубил, Тарасов.

Но на занятиях он умел создать такое настроение, что мы шутя одолевали самые чудовищные нагрузки. «Тренироваться вздох», — требовал от спортсменов наставник. А о том, какие были нагрузки, вы можете судить по следующему факту: приезжавшие в ЦСКА на стажировку хоккеисты других клубов после двух-трех занятий поспешно собирали чемоданы и, держась за сердце, отбывали домой. «Не по Сеньке шапка», — смеялись мы. Однажды в ЦСКА приехал поднабраться опыта знаменитый шведский хоккеист Сведберг, но и его хватило ненадолго.

— Мы, шведы, еще не доросли до таких тренировок, — смущаясь, объяснил гость свой преждевременный отъезд.

Никогда мне не забыть уроков Тарасова. Теперь, по прошествии многих лет, я отчетливо понимаю: он учил нас не хоккею — он учил жизни.

— Валерка! — вдруг озадачил Анатолий Владимирович игрока в разгар тренировки. — Скажи мне, пожалуйста, когда ты владеешь шайбой, кто является хозяином положения?

— Ну, как же, — простодушно отвечал хоккеист, — я и есть хозяин.

— Неправильно! — торжествовал Тарасов. — Ты слуга партнеру. Ты играешь в коллективе и живешь прежде всего интересами товарищей. Выброси в мусорный ящик свое тщеславие. Умей радоваться успехам товарищей. Будь щедр!

Он учил нас стойкости и благородству, учил трудиться, как это умел делать сам. У Анатолия Владимировича было такое выражение: «Илти в спортивную шахту», — что, по сути, означало — тренироваться по-тарасовски.

Мы работали не вслепую. Вдохновение было для тренера всего лишь одним из двигателей, а сама работа основывалась на твердых принципах, выработанных Тарасовым за долгие годы. Он хорошо представлял себе, каким должен быть идеальный вратарь. Однажды мне довелось услышать по этому поводу рассказ самого Анатолия Владимировича. Приведу его здесь, как запомнил:

«Впервые я познакомился с вратарем международного класса в 1948 году. Им был чехословацкий хоккеист Богумил Модрый. Незадолго до этого он как раз получил приз лучшего голкипера на мировом первенстве в Санкт-Морице. Наши классные по тем временам вратари были небольшого роста и, возможно, поэтому было мало представлений, что стражам ворот и положено быть невысокими. А тут вдруг — верзила под два метра, ручищи, как лопаты.

Он пришел в хоккей через хоккей и, обладая безусловной одаренностью, выбился в ряд лучших — все естественно и логично... для него, для Модрого, и для того времени. Но мы-то, русские, должны были обогнать и чехов, и шведов, и канадцев — другой задачи перед нами не ставилось.

Не буду, однако, забегать вперед. Я внимательно присматривался ко всем выдающимся вратарям, с которыми меня сводила жизнь. Вот Хари Меллупс. Меня покорила в рижанине серьезность, умение анализировать свою игру, критически относиться к ней. Григорий Мкртчян отличался стремлением к поиску, он в любой момент был готов пойти на эксперимент. Необыкновенным трудолюбием выделялся Николай Пучков, бесстрашный и к тому же чрезвычайно самолюбивый человек: зубы сцепит, и никак ему не забьешь. Приятно было работать с Виктором Коноваленко — он являл собою абсолютное спокойствие, надежность, мужество. Коноваленко всегда уважительно относился к соперникам: я не помню, чтобы, пропустив в свои ворота гол, он махал на кого-то ключиком или утверждал, что шайба забита неправильно, только и скажет автору гола: «Перехитрил, перехитрил...»

Позже я познакомился с Жаком Плантом. Этот легендарный канадский хоккеист доказал, что эффективность игры вратаря резко возрастает, если действовать не в воротах, а на больших пространствах. Помню, в 1967 году сборная СССР встречалась с юниорами знаменитой профессиональной команды «Монреаль канадиенс». Раз четыре наши форварды выходили один на один с монреальским вратарем, и какие форварды! Александров, Локтев, Альметов, Майоров!.. Но все их усилия были бесплодны. Потому что ворота юниорской команды закрывал Плант. Это по его «вине» мы проиграли тогда со счетом — 1:2. Четыре выхода. Чистых! Один на один! И... вратарь Плант победил всю нашу команду. После матча юные монреальские хоккеисты унесли его на руках.

Плант работал на откате: он выскакивал далеко навстречу противнику, владеющему шайбой, и, уменьшив тем самым угол для попадания, начинал откатываться назад. Ага, подумал я, этот прием надо и нам взять на вооружение. Меня также поразило в канадце безошибочное умение анализировать соперника, его изумительная интуиция.

Постепенно в моем сознании формировалась модель идеального вратаря. Я «лепил» ее, стараясь не заимствовать автоматически достоинств других выдающихся голкиперов. Каждый подходящий прием подвергался усовершенствованиям, критически рассматривались даже самые, казалось бы, незыблемые постулаты вратарской школы.

Я решил, что абсолютно необходимо повысить общую культуру игры вратаря, укрепить его авторитет в команде, выработать у голкипера высоко развитое чувство интуиции, умение быстро и четко анализировать действия соперников. Страж ворот должен не на словах, а на деле стать центральной фигурой в команде.

Вот тут-то мне и попался на глаза долговзрослый мальчишка Владик Третьяк. Я сразу вспомнил Модрого: они были похожи — тот же рост, те же ручищи.

Этот парень как раз был тем, кого я искал. Мы начали работать».

...Однажды тренер озадачил меня вопросом: — С какой скоростью летит шайба, брошенная, ну, скажем, Фирсовым?

— Сто километров в час,— не очень уверенно ответил я.

— Сто двадцать,— поправил Тарасов.— Но знаешь ли ты, что на шайбу, выстреленную с такой скоростью вблизи ворот, отреагировать невозможно?

— При упорной тренировке...

— Невозможно!

— Но ведь Плант берет такие шайбы...

— И Коноваленко берет. Но тут уже не в их реакции дело.

— Опыт,— догадался я, еще не ведая, куда клонит учитель.

— Это слишком общо—опыт. Думай!

Я, откровенно говоря, был растерян. Что же получается? Зачем совершенствовать свою реакцию, если ее все равно не хватит, чтобы успешно соперничать с лучшими форвардами? Выходит, тренируйся не тренируйся, а в любом случае ты, вратарь, обречен на неудачу... Тарасов, насладившись моим замешательством, сказал:

— Знаешь, что поможет тебе разорвать этот заколдованный круг? Интуиция! Ты должен научиться читать мысли. Да, да! Еще до того, как соперник бросит шайбу, ты должен знать, куда будет сделан бросок. Ты должен предугадывать, как в следующий момент станет развиваться атака, кому нападающий отдаст пас, когда последует бросок по воротам... Ты должен все знать про нападающих! Все знать про защитников! Знать про хоккей больше любого хоккеиста!

Понимаете, куда клонил Тарасов? Если сейчас со стороны кажется, что шайбы сами летят в мою ловушку, не заблуждайтесь: я вовсе не фокусник, мне помогает выработанная за долгие годы интуиция—то, о чем когда-то говорил Тарасов.

Раньше, насколько я знаю, когда команда обсуждала вопросы тактики, когда тренер давал установку на матч, когда вспыхивали какие-то споры, вратари сидели и помалкивали. Их мнением интересовались редко, еще реже с ним считались. Тарасов в конце 60-х годов этот порядок поломал. Я с самого начала стал принимать самое живое участие во всех делах команды. Когда Анатолий Владимирович перед матчем приглашал к себе для беседы поочередно все пятерки, я шел на эти совещания с каждым звеном. Внимательно слушал товарищей, не стеснялся высказывать свое мнение, а ребята не забывали поинтересоваться моим. Бывало, подвергал идею безжалостной критике, и прославленные ветераны, интим из которых я годился по возрасту в сыновья, уважительно слушали вратаря-мальчишку. Согласитесь, эта деталь ярко характеризует климат в нашей команде.

С самого начала тренер приучал меня творчески относиться к своей роли, он хотел, чтобы я работал в первую очередь головой, а уж потом—руками и ногами. По вечерам на базе в Архангельском Тарасов, бывало, приглашал меня к себе в комнату. Такие вечерние приглашения обычно ничего хорошего не сулили: все знают, как крут наш тренер, он мог даже за маленькое прегрешение наказать так, что будешь помнить всю жизнь. Поэтому, честно признаюсь, я всегда шел к нему с некоторой опаской. (Да и кто из армейцев про себя такого не скажет?)

— Владька, не кажется ли тебе, что ты стал пропускать нижние шайбы чаще, чем следует? Давай-ка подумаем, что да как.

И вот сидим, думаем. А утром на тренировке Тарасов не преминет спросить:

— Ты новые упражнения придумал?

И попробуй я только не придумать...

...Осенью 1969 года наша команда приняла участие в турнире на приз газеты «Советский спорт». Сначала я сыграл в матче с «Трактором». Вышло

довольно удачно—3:2 в нашу пользу. Следующий матч был с чемпионом страны—«Спартак». Я был уверен, что теперь-то наверняка в ворота поставят нашего основного вратаря—Колю Толстикова. Но за несколько часов до матча Тарасов объявляет: «Играть будет Третьяк». Вот это да! У меня колени затряслись.

Матч начался бурными атаками форвардов «Спартака». Но, кажется, удача в тот вечер была не на их стороне. Все шайбы летели прямо на меня. Зрители горячо аплодировали каждый раз, когда мне удавалось отразить даже легкий бросок. Они явно боялись за мальчишку, который защищал армейские ворота. Мы выиграли с преимуществом в пять шайб, и я был самым счастливым человеком на свете. Вечером по телевидению сказали, что Третьяк—главный герой матча ЦСКА—«Спартак». Но я все равно не верил.

Потом снова были тяжелые тренировки и игры. Я изо всех сил старался доказать, что успех в матче со «Спартак» не случаен, что я и в самом деле—вратарь. Доказать это было не так просто: многих смущал мой возраст. В мировой практике еще не было 17-летних вратарей.

Перед началом традиционного турнира на приз газеты «Известия», который собирает лучшие любительские сборные мира, А. В. Тарасов предложил тренерскому совету Федерации хоккея СССР включить меня в сборную. Его не поддержали: «Молод еще Третьяк, разве можно на такого мальчишку надеяться?..» Тарасов настаивал на своем.

Так осенью 1969 года я попал в сборную СССР. Конечно, не следует думать, что на этом мое хоккейное образование закончилось. Нет, вовсе нет. Я и теперь продолжаю непрерывно учиться хоккею. Игра с каждым разом открывается мне какой-то новой гранью. А жизнь исправно (спасибо ей за это!) преподносит поучительные ситуации, треплет штормами, дразнит соблазнами, улыбается победами и хмурится поражениями...

Я никогда не стеснялся перенимать все лучшее, что видел у других. Опытные хоккеисты, которые меня окружали, как правило, щедро делились своими знаниями, секретами своего мастерства, они не смотрели на новичка сверху вниз. Жак Плант как-то сказал мне, что он всю жизнь учился через ошибки, помочь ему было некому. Я же в этом смысле могу считать себя счастливым. Мне всегда везло на хороших людей, хороших наставников.

Ну, представьте себе, к примеру, такую ситуацию. Основной вратарь сборной СССР 60-х годов Виктор Коноваленко семь раз был чемпионом мира, дважды—олимпийским чемпионом. В свои тридцать лет авторитет имел огромный. И вот Виктору говорят, что дублером у него будет какой-то мальчишка. Как, по-вашему, что должен подумать в такой ситуации прославленный ветеран? Как он должен отнестись к своему новому партнеру? Коноваленко же при первой встрече оглядел меня с ног до головы, потом, как равному, пожал руку и произнес: «Ну, ну, не робей». Больше, по-моему, он тогда ничего не сказал, да это и неудивительно: Виктор был чрезвычайно неразговорчив.

Едва познакомившись со мной, Коноваленко стал терпеливо раскрывать секреты вратарского искусства. Прославленный ветеран заботливо поднимал на ноги безусого мальчишку. Он спешил передать мне все, что знал, что успел постичь за годы своей славной карьеры, и наука эта для меня оказалась поистине бесценной.

Коренастый, плотный, неповоротливый с виду, Виктор мгновенно преобразился, стоило ему занять место в воротах. Он обладал молниеносной реакцией, храбростью, у него была прекрасная интуиция. И никогда его не покидало хладнокровие—вот что особенно важно. Только по какому-то

обидному недоразумению Виктора ни разу не признали лучшим голкипером мировых первенств. Ни один страж ворот в любительском хоккее не имел столько побед, сколько было у него.

В 1970 году я впервые участвовал во взрослом мировом чемпионате, который проходил в Стокгольме. Основным вратарем был Виктор Коноваленко. Играл он великолепно. Я бы тогда без колебаний присудил Виктору звание лучшего вратаря. Особенно запомнился один эпизод из матча со шведами. Шел второй период. Мы проигрывали со счетом—1:2. Вот кто-то из шведских хоккеистов рвется к нашим воротам, но слишком далеко отпускает шайбу. Виктор в отчаянном броске падает и пытается выбить ее. А швед не может погасить скорость и мчится вперед. Его конек врезается в лицо вратаря. Коноваленко увезли в больницу, а в ворота встал я. И пропустил две довольно легких шайбы. Видно, очень волновался... Мы уступили в этом матче со счетом—2:4.

На следующий день все газеты писали, что русский вратарь должен надолго забыть о хоккее. «Сделано 14 рентгеновских снимков. Они показывают: у Коноваленко серьезно повреждена переносица, кроме того, он получил тяжелые травмы головы. Один из лучших игроков сборной СССР прикован к постели».

Когда обыватель переваривал всю эту информацию, Виктор... старательно тренировался на льду «Юханесхофа». Вечером советская сборная вышла на свой очередной матч с финнами, и Коноваленко занял привычное место в воротах. Правда, в третьем периоде его заменил я, но на табло к тому времени уже, кажется, значилось 10:0 в нашу пользу. Изумлению шведов не было предела. Еще через день газеты сообщили: «Персонал больницы потрясен мужеством русского вратаря».

Урок? Да еще какой!

Мужество, отвага, стойкость—эти качества всегда привлекали и будут привлекать меня. Возможно, потому, что они очень нужны вратарю, без них вратарь, каким бы талантливым он ни обладал, просто немислим. Я часто задумываюсь над природой мужества, а случаи, связанные с проявлением столь прекрасного свойства человеческого духа, особенно те случаи, свидетелем которых мне доводилось быть, не забуду никогда.

...Рагулина у нас в ЦСКА все уважительно звали по имени-отчеству—Александр Павлович. Он 10 раз завоевывал звание чемпиона мира. Был самым надежным защитником мирового любительского хоккея. Вратарям хорошо игралось за его могучей спиной. На Рагулина можно было положиться в любых ситуациях. Помню, на заре моей спортивной карьеры мы встречались с ленинградскими хоккеистами. Матч был, как говорят, рядовым, он ничего особенного для нас не значил, к тому же мы крупно вели в счете, 7:1, по-моему... Один из ленинградцев, оказавшись в удобном положении, неожиданно и сильно бросил по моим воротам. Ситуация была такова, что спасти нас от гола мог только Рагулин, прикрыв собой путь шайбе. И он без колебаний сделал это, причем шайба едва не разбила ему лицо. После матча я подошел к защитнику:

— Пальч, зачем ты рисковал, все равно ведь выигрывали?

— А я тогда не думал, выигрываем мы или проигрываем. Важно было ворота прикрыть.

— Но ведь ты мог получить травму...

— Знаешь, Владик,— перебил он меня,—если ты будешь каждый раз взвешивать, когда надо рисковать, а когда не надо—ничего путного у тебя не выйдет. Надо всегда! А отвернешься от шайбы один раз, другой, и, глядишь, ты уже растерял всю свою храбрость.

Теперь-то я твердо знаю: настоящее мужество имеет под собой прочную нравственную основу. Стойкость и отвага для меня неразрывно связаны с такими понятиями, как патриотизм, верность традициям, честь флага, благородство, уважение к сопернику.

Все свои лучшие качества наша сборная недавно сполна проявила, сражаясь на льду Нью-Йоркского «Мэдисон сквер гарден» с командой «всех звезд» НХЛ. Помните, как развивались события? В первом матче мы уступили профессионалам (2:4), зато в двух остальных заставили хозяев сложить оружие (5:4, 6:0). Прекрасно показали себя и ветераны и молодежь команды. Как всегда, умело и расчетливо руководил сборной ее старший тренер Виктор Васильевич Тихонов, человек, который всегда в творческом поиске, всегда самозабвенно отдается хоккею. Он умеет работать 24 часа в сутки и заражает своим энтузиазмом других.

Матчи в Нью-Йорке еще раз подтвердили силу советского хоккея, развеяв миф о непобедимости канадских профессионалов.

А впереди уже новый серьезный и трудный экзамен. Апрель зовет на лед Лужников сильнейшие сборные мира.

Альберт ЛИХАНОВ
Фото автора

Никак не верилось, что дома, в Москве, сорокаградусные морозы, ночами гулко стреляют деревья, пар пышет изо рта у прохожего, а без шубы на улице — ни, ни. В Токио тоже была зима, но это только так считалось: едва выбравшись из самолета, мы скинули пальто и всю декабрьскую неделю, которую пришлось провести в Японии, ходили в пиджаках, любуясь роскошными сиреневыми цветами каких-то приземистых деревьев и солнцем, не жалевшим тепла.

Итак, Япония. И писано про нее, и читано, и слышано бесчисленно. Словечко «самурай» в мальчишеские годы, меченные тяжелой голодухой, многочасовыми стояниями в очередях, фронтовыми похоронками, было чем-то вроде ругательства, и в кровь расквашивали носы своим врагам те, кого обзывали сгоряча этой кличкой.

Но безмерно великодушен наш народ. Война минула двумя гигантскими взрывами над этой дальней страной, и слова «Хиросима» и «Нагасаки» приняли мы как собственную боль, а легенда про множество бумажных журавликов, из которых надо сплести длинное ожерелье, чтобы осталась жить, спаслась японская девочка, облученная сметающей энергией бомбы, откликнулась состраданием поперед всего в российских городах и весях.

Что делить народам, живущим на одной земле? Не достойней ли почитать друг друга, помогать в сложный час, восхищаться умением соседа сделать то и то и никогда не ссориться? Чем больше настрадался народ, тем ближе и дороже ему такие думы.

А восхищаться в Японии есть чем. Поразительной японской деликатностью: даже отказывая тебе в чем-нибудь, непременно улыбнутся. Техничкой: известно, что японцы лидируют в мире по многим и многим отраслям, особенно в радио- и телевизионной технике. Удивительной приспособляемостью: небогатая ресурсами страна использует почти все, что дарует ей природа; нас, к примеру, угощали супом из ракушек. Ну и, конечно, красотой: четвертая встреча трудящейся молодежи Японии и СССР, на которую приехала делегация КМО, происходила в городе Мисима, в гостинице Фудзи Нихайцу. Когда мы приехали туда, Фудзияма скинула облака даже со своей верхушки, и открылась сказочная

картина, от которой трудно отвести глаза.

Древний монастырь в Никко, точно сошедший со старинных японских гравюр, сорокаметровый водопад в горах, дикие обезьяны, которые осадили придорожный склон, скоростные японские автострады, то бегущие под землю, то крутыми дугами взлетающие над домами, крохотные, совсем игрушечные домики, микроскопические рисовые поля, залитые водой, книжный магазин, заваленный горами книг в ярких, нарядных обложках, бульон с сусальным золотом — удивили нас и таким, объяснив, что золото весьма полезно организму, — отели, где гостю положены не только ключ от номера, но и японский халат, и тапочки, и зубная щетка с пастой, и даже бритва разового пользования, не говоря уж о такой же, на раз, шапочке, в которой можно принять душ...

В короткой поездке всегда все калейдоскопично, смешано. Разобравшись попристальней, можно, конечно, понять, что гостиничные удобства небесплатны, а золотой суп — признак гостеприимства наших хозяев, которым, я думаю, самим-то в быту вряд ли приходится угощаться сусальным золотом. Да и не главное все это.

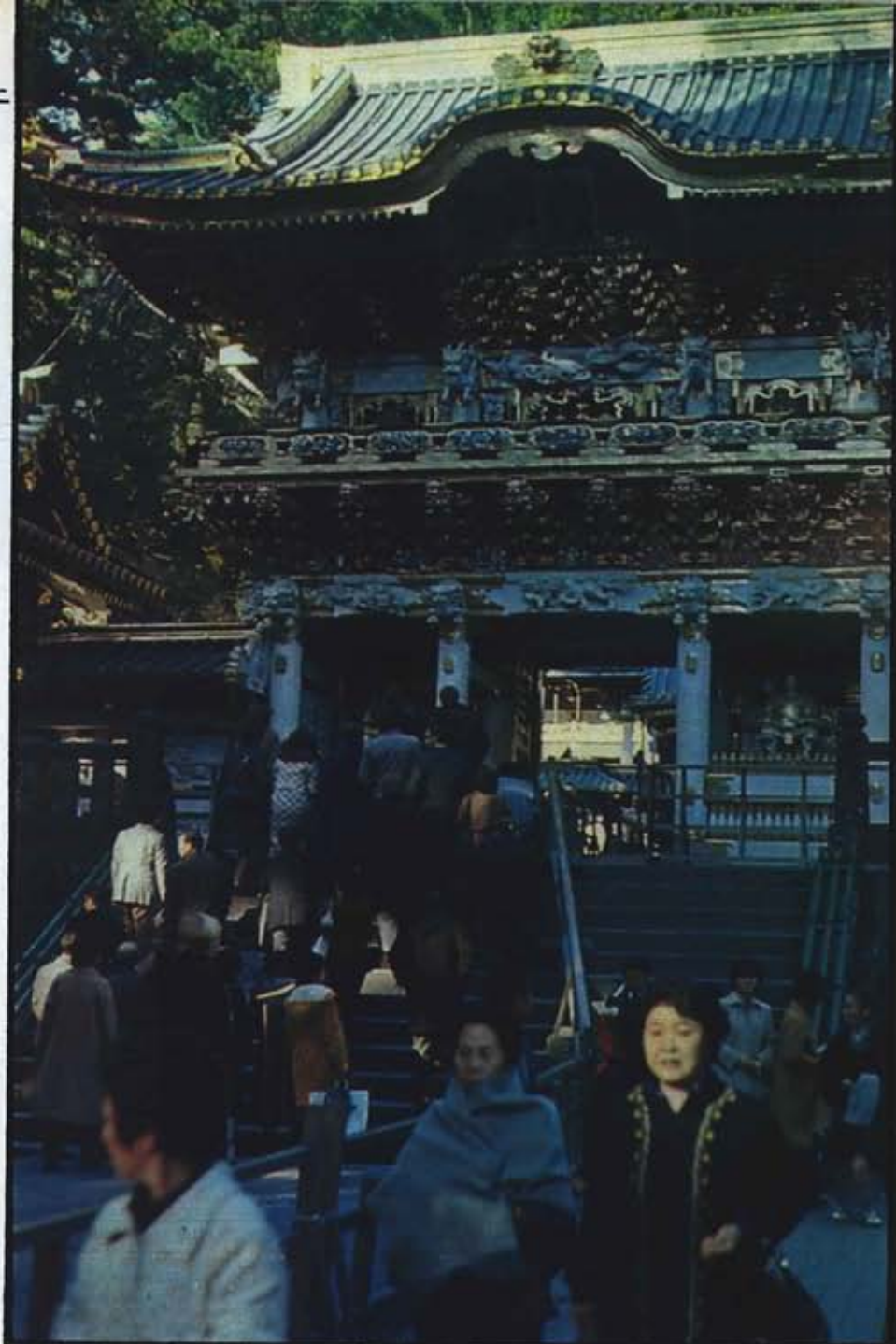
Главное — понять людскую заботу. То, чем живы они.

А жив человек повсюду не хлебом единым. Впрочем, все начинается с него, с забот о нем.

Наши хозяева — молодежный и женский отделы Сохио, крупнейшего профсоюза Японии, и молодежный и женский отделы Тюрицу Рорен — нейтральных профсоюзов Японии. Встреча, уже четвертая по счету — они проходят по очереди у нас и в Японии, — а разговор все один: о борьбе японцев, а особенно трудящейся молодежи, за свои права, о новом весеннем наступлении.

Про весеннее наступление японских профсоюзов у нас знает, пожалуй, каждый. В самую далекую деревеньку приносит экран телевизора кадры: повязав на лоб ленты с лозунгами, крепко взяв друг друга за локти, длинной змеей выстраиваются протестующие. В дни весенних выступлений активно работают комитеты, объединяющие действия всех профсоюзов, все манифестации, все демонстрации. Дождавшись тепла, рабочий класс требует выполнения совершенно конкретных условий, которые вырабатывают задолго до выступлений со всем тщанием и с глубокой серьезностью.

Такедо-сан, Охара-сан и Ямагути-сан. Сан означает уважаемый. Уважаемые Такедо, Охара и Ямагути — заведующий общим отделом Сохио, ответственный секретарь молодежного бюро этих профсоюзов и руководитель совета свя-

ЗИММОЮ ИЛИ ЖЕЛТЫЙ

**ЭЛЕКТРИК. ОДИН ИЗ ТЕХ,
КТО ПРЕДСТАВЛЯЕТ
РАБОЧИЙ КЛАСС СТРАНЫ.**

В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДКЕ.

ТИПИЧНАЯ УЛОЧКА.

**ВОДОПАД — МЕСТО ПАЛОМНИЧЕСТВА
ТУРИСТОВ.**

**ДРЕВНЕЕ И НЫНЕШНЕЕ.
СТАРИННЫЙ МОНАСТЫРЬ
В НИККЕ И ТОРГОВАЯ
УЛИЦА ГИНЗА
В ТОКИО.**

зи нейтральных профсоюзов. Они—наши главные хозяева. Они мотивируют главное.

А главное состоит вот в чем. Профсоюзы ведут борьбу за выдвигание целой системы требований. Не одного, не двух, а комплекса.

К примеру, Сохио. В нем 4 миллиона 600 тысяч человек. Из них молодежи от 15 до 30 лет—1 миллион 100 тысяч.

У предпринимателя на молодежь особые виды. Среди молодых меньше квалифицированных кадров, поэтому ей меньше платят, заставляют выполнять сверхурочную работу. В Японии такая статистика... Тридцать процентов выпускников школы попадают в вузы, как правило, платные, а поэтому и студентами становятся дети состоятельных родителей. Семьдесят процентов ребят ищут работу. Эти семьдесят процентов вынуждены решать сами свои житейские проблемы: где жить,—а жить приходится вдали от родителей, но поближе к месту работы,—на что жить.

В японском искусстве, особенно в кино, когда речь заходит о вчерашних школьниках, обычны печальные мотивы. Разочарование, одиночество—это в семнадцать-восемнадцать лет!—рухнувшие надежды и самоубийства. Да, самоубийства молодых людей, вчерашних школьников, становятся обычной темой японских газет и трагической обычностью японской жизни.

Профсоюзы помогают молодым. Хотя бы избавиться от одиночества—разве это так мало? Почувствовать локоть товарища, объединиться в общем деле, в борьбе.

Бороться одному невыносимо, вместе можно чего-то добиться. Но вырваться из паутины забот так сложно.

Эйити Огава 30 лет, он работает в ЦК профсоюза почтовиков. Он рассказывает о том, что по закону в прежние времена не признавалось право на забастовку лишь руководителей почтовых ведомств. В 1978 году Верховный суд принял решение о запрещении забастовок всем работникам почт. В тот, прошлый год профсоюз выполнил это решение, но весной семьдесят девятого, сказал мне Огава-сан, почтовики примут участие в общем наступлении. Кроме других требований, появится еще одно: требование права на забастовку.

А теперь—про паутину забот. Вот что он рассказал про себя. Женат, двое детей, пять лет девочке, три—мальчи-

ку. Девочка ходит в детский сад, за это они с женой платят 12 тысяч иен. Жена окончила университет, получила философское образование, но сидит дома, собирает шариковые ручки да приглаждает за сыном. И работать никак не может. Почему?

Да потому, что 12 тысяч иен они платят за то, что девочка ходит в детский сад с девяти утра до половины второго, а если ее оставлять там до половины шестого, цена такому детсадику—40 тысяч иен. А за двоих детишек—умножим на два—80 тысяч. Если ребенка меньше года, цена возрастает до 50 тысяч. Так что отдай молодая семья в садик обоих детей, она просто напросто концов с концами не сведет. Коли же в семье трое детей, жене работать и вовсе не возможно, потому что будь она и семи пядей во лбу, больше 100 тысяч иен ни на какой работе не заработает. Вот такие дела. Вообще женщин, у которых есть дети, везде увольняют в первую очередь.

Яmano-сан, заведующая женским отделом Сохио, кажется, знает о женской проблеме абсолютно все. В Японии, по ее словам, 12,8 миллиона работающих женщин, их средний возраст—34,3 года, средний стаж—5,5 года. Замужем—65,1 процента женщин, а в профсоюзах состоит 3,37 миллиона человек.

Кажется, суховато, одни цифры, но подумайте в каждую—что стоит за ней? Яmano-сан точна, а оттого особенно убедительна. Значит, из 12,8 миллиона работающих—в профсоюзах только 3,37 миллиона, а это всего 27 процентов. Четверть с небольшим объединилась для борьбы. Остальные... Остальные защищают сами себя, если, конечно, могут. И снова цифры. В промышленности работают 3,79 миллиона женщин, в сфере обслуживания—3,5, в торговле—3,2. Всего в этих отраслях—83 процента тех женщин, кто трудится. И зарплата их равна 55,8 процента зарплаты мужчин, выполняющих тот же труд.

Яmano-сан сказала: это сравнение особенно разительно в пожилом возрасте. Жизнь прожита, и хорошо видно, чего добился мужчина, а чего женщина. Женщина кончает тем же, с чего начала. И еще одно словечко связано тут с женским трудом. Конечно же, не в словечке дело, а в явлении. «Подтаймеры». Те, кто подменяет больных или ушедших в отпуск. В «подтаймерах» особенно много женщин, они считаются работающими, включаются в статистику, а какая же это работа, если к тому же права «подтаймеров» не защищаются никакими законами?

Во время нашей встречи мы задали вопрос: объединяется ли в своей борьбе молодежь с людьми пожилыми?

О ВЕСНЕ, ШАРИК СУДЬБЫ

**ДЕКАБРЬ В ЯПОНИИ:
ЦВЕТУТ ДЕРЕВЬЯ.**

**ЖИВОПИСНЫ ЯПОНСКИЕ
ПЕЙЗАЖИ.
СТЕНЫ ДРЕВНИХ
МОНАСТЫРЕЙ
УКРАШЕНЫ ШЕДЕВРАМИ
МАСТЕРОВ-УМЕЛЬЦЕВ.**

Вот какую историю нам рассказали. В профсоюзе государственных железных дорог—430 тысяч человек. Тех, кому больше 45 лет,—200 тысяч. Человек, которому исполнилось 58 лет, должен покинуть работу. Так что эти 200 тысяч постепенно уходят. Казалось бы, администрация должна заменять их молодыми. Не тут-то было. Усиливается интенсификация, делают все возможное, чтобы молодежь не могла использовать свой 20-дневный отпуск.

В нашем представлении слова «рационализация производства» носят самый положительный смысл, а в Японии, на встрече с товарищами, мы справа и слева слышали, что рационализация повернута против рабочего—она просто вытесняет его, новая техника становится врагом человека, лишая его куска хлеба.

Молодые рабочие того самого профсоюза государственных железных дорог боятся, что они не доработают до роковой черты в 58 лет. Молодежный отдел этого профсоюза объединяет свои усилия со «стариками», призывает их не уходить с работы, изучает, чем занят человек в 58 лет, ушедший с железной дороги. И это особенно печально—ведь в 58 лет люди ищут другую работу, а не выходят на пенсию.

Это у государственных железнодорожников. А вот что в медицине.

На встрече выступала девушка-медсестра. Она рассказала о лозунге, который существует в Японии. Лозунг этот звучит так: «За здоровое тело народа».

А вот что за ним. Каждый человек должен беречь свое здоровье сам. Не подумайте, что это какой-то профилактический лозунг. Дескать, обливайся водой по утрам, делай зарядку. Нет. Суть этого лозунга такова: чтобы сохранить свое здоровье, надо побольше платить. Ведь медицинское оборудование, техника стоят дорого. Про лекарства не говорим—лекарство особая статья, а вот оборудование, технику, образование врача, которое, кстати, стоит очень дорого, большой должен оплачивать при своем визите к доктору.

В медицине, как и на железной дороге, человека бьет рационализация, интенсификация. В больницах меньше персонала. По нормам на шестьдесят больных требуются две медсестры, а сейчас более чем в половине больниц—только одна. Каждая медсестра при этом должна отработать еще десять ночных дежурств в месяц.

Еще одна подробность—по ночам только некоторые больницы принимают людей, оказывают им помощь. Бывали случаи, люди умирали, пока добирались до ночной больницы. «Скорую помощь» имеют лишь очень немногие из больниц—единой системы, такой, как у нас, там нет.

Еще один парадокс. Тридцать процентов от взноса пациента врач получает за свой труд, семьдесят—за лекарства, которые он выписывает, и поэтому очень многие врачи стремятся прописать больному побольше лекарств. Эти дополнительные, и большие, проценты врач получает от компании, производящей медикаменты.

Поэтому многие японцы терпят, когда у них что-то болит, не идут к врачу, хотя надо бы, лозунг «За здоровое тело народа» абсолютно конкретен для каждого кругленькими счетами, которые надо оплачивать из собственного кошелька.

Забот у тех, кто зарабатывает себе на жизнь собственными руками, в Японии хоть отбавляй. Вроде бы богатая страна, экономически—среди сильнейших в мире. Но так уж устроен капитализм, что процветание экономики еще вовсе не означает процветание трудового народа, тех, кто отдает этой экономике свои руки.

Зато совсем другому может служить развитая экономика.

Наша встреча проходила в декабре, а в августе Япония подписала договор о мире и дружбе с Китаем. Как известно, в договоре присутствует пункт о «противодействии гегемонии третьей страны».

Дэн Сяопин тотчас пояснил, что под «противодействием» подразумевается борьба против Советского Союза. В этой борьбе Пекину нужны союзники, и экономически мощная Япония вполне подходит для такого союза.

Разговаривая с молодыми японцами, мы не встретили ни одного человека, который хотя бы словом намекнул на поддержку «противодействия». Больше того, антивоенные настроения очень сильны, очевидны.

Но это ведь и не секрет—народ Японии выступает против войн, слишком памятных всем и Хиросима, и Нагасаки, и радиоактивные дожди. А вот в верхах—свои игры.

Мировая война закончилась тем, что Японии запрещено владеть вооруженными силами, отвергнуто право этой страны на ведение войны. Вместо армии—здесь ограниченные «силы самообороны». Лишенные возможности расширить «силы самообороны», их радетели стремятся резко улучшить качество вооружения. Каждый год нарастают темпы военных расходов. В нынешнем, 1979-м, по размерам военных расходов Япония сравнялась с Англией, заняв восьмое место в мире. Это значит, имея все тот же лимит вооруженных сил в 260 тысяч человек, Япония оснащает их современной боевой техникой. В Азии это самая мощная армия среди армий капиталистических стран.

А это тоже «с руки» Китаю. Вообще заключение японо-китайского договора как бы развязало руки тем, кто мечтает о Японии, вооруженной до зубов.

В дни, когда проходила наша встреча, на сессии Генеральной Ассамблеи ООН японское правительство проголосовало против резолюции о размещении ядерного оружия на территориях государств, где его сейчас нет. В японском парламенте было заявлено, что страна «может обладать ядерным оружием и при ныне действующей Конституции».

Компартия, Социалистическая партия, демократические силы Японии выступают против этих намерений. Бурю гнева вызвали атомные расчеты правительства. В весенней борьбе, о которой мы говорили еще зимой, экономические и политические требования встанут рядом.

Такедо-сан, и Охара-сан, и Ямагути-сан, и все-все-все, с кем мы говорили на встрече, не забывали пояснить нам: экономика и политика переплелись между собой.

В одном кафе на обеде я обратил внимание на необычный цилиндр, стоявший на столе. Оказалось, это гадалый аппарат. Любезные хозяева спросили месяц и число, когда я родился, сдвинули знак Девы с отметкой на цилиндре, опустили сто иен, нажали рычажок, и мне на ладонь упал крохотный желтый шарик. Шарик моей судьбы...

Похоже, японцы обожают это: узнать свою судьбу на ближайший год, предвидеть, что ждет их впереди. Не думаю, что это нечто особое. Просто хочется знать, чтобы не застала врасплох беда, чтобы знать, как встретить радость. У японцев много милых правил...

Ну, а про это—про желтый шарик судьбы,—что ж, у каждого свое. И все же у всех общее.

Два атомных гриба над Хиросимой и Нагасаки стали общей бедой для всех японцев, да и не только для них. Беда может быть общей. Радость обычно бывает отдельной, личной.

Но если речь идет о мире, это общее—для всех.

Открытое письмо министру связи СССР товарищу Талызину Н. В.

Уважаемый Николай Владимирович!

Еще совсем недавно мало кто знал об Уренгое. Тем более о поселке Новый Уренгой, который возник всего лишь три года назад почти у самого полярного круга Тюменщины. Теперь слово «Уренгой» произносят на многих языках мира. И связывают его с месторождениями газа. Добыча его растет с каждым годом. Новый Уренгой на виду у всей страны. Сюда тянется линия электропередач, прокладывается железная дорога, летом по реке идут грузы. Но сегодня к нам «только самолетом можно долететь».

В освоении нового месторождения принимает участие вся страна. Здесь действует Всесоюзный ударный отряд имени XVIII съезда ВЛКСМ, в составе которого трудятся посланцы из разных областей страны. Ежедневно пятнадцать—двадцать человек прибывают к нам на работу. Растет поселок, строится... Многого пока у нас не хватает. И вопросов в «Большой земле» немало. Мы написали «Большая земля» не случайно. Потому что чувствуем себя кое в чем оторванными от нее. Судите сами, уважаемый Николай Владимирович, Московское радио прослушивается с трудом. Телепередачи наши приемники не берут. Центральные периодические издания мы получаем спустя две-три недели после их выхода. Даже окружная газета «Красный север» из Салехарда приходит в поселок через неделю. Письма из центральных областей страны идут более месяца. Три месяца назад в Новом Уренгое начал работать радиопункт. Но ведь поселок почти не радиофицирован.

Есть у нас в поселке узел связи. Точнее, отделение Надымского городского. Штаты рассчитаны на обслуживание 2,5 тысячи жителей, а их уже свыше 10 тысяч. Приходится иметь дело более чем с четырьмя тоннами почтовых перевозок ежедневно. И это при отсутствии ведомственного транспорта. Все это, естественно, влияет на сроки доставки почты. Но главные причины в другом. В слабом взаимодействии служб связи и авиаперевозок. В аэропорт «Ягельное», который находится близ Нового Уренгоя, регулярно (исключая дни неветренной погоды) прибывают рейсовые самолеты. Так же и вылетают. И пассажирские и транспортные. Но рейсовые самолеты не берут почту. И скапливается почта. Порой за десять дней. Пытались мы разобраться и в сортировке корреспонденции. Здесь тоже немало недостатков. Из Москвы, например, почта, адресованная в Н. Уренгой, направляется то в Тюмень, то в Надым, то в Салехард. Зигзаги в тысячи километров. Две-три перевалки. Побывавшая, как говорится, на семи ветрах почта приходит к нам со всеми отметинами: драная, разбитая, грязная...

Вовремя полученная весточка от родных, свежий номер газеты и журнала—увы!—это для новоуренгойцев пока лишь голубая мечта. Мы радовались вместе с космонавтами, когда автоматический транспортный корабль доставлял им на орбитальную станцию вместе с грузом и почту. С космосом налажена связь. Но ведь с Уренгоем эту проблему, наверно, решить проще?

ПЕТР ДАНИЛЬЧЕНКО, председатель Совета народных депутатов поселка Новый Уренгой

СЕРГЕЙ БЕЛЕНКО, секретарь парткома треста «Уренгойгазпромстрой»

ПЕТР РЫБИН, начальник штаба Всесоюзной ударной стройки на обустройстве Уренгойского газового месторождения.

ДРУЖИТЕЛИ

Игорь ЛЕОНТЬЕВ

Фото Юрия УСТИНОВА

Клоун Юра Куклачев очень похож на маму. Похож настолько, что однажды, когда Валентина Федоровна пришла в новый цирк на Ленинских горах, то пожилая, ко всяким неожиданностям привыкшая на службе вахтерша не удержалась, всплеснула руками:

— Юрка-а!.. Прямо так, в платье через всю Москву и приехал?

Внешне Юра очень похож на свою маму. Но в том, что он стал артистом цирка, «виноват» отец Юры, Дмитрий Семенович. По специальности он шофер, часто ездил в дальние рейсы и, возвратившись домой, всякий раз дарил сыну купленную в дороге книгу сказок... До сих пор цела у Юры эта «сказочная» библиотека. Да что там цела: к десяткам книжек, привезенных когда-то отцом, прибавилось нынче множество тех, что сумел во время гастролей достать сам. Чего здесь теперь только нет: русские сказки, грузинские, французские, тайландские... К ним обращается молодой клоун, чтобы постигнуть природу народной фантазии и народного юмора. А ведь именно они отличают лучшие цирковые номера Куклачева, именно они придают своеобразие творческому его стилю, в основе которого, конечно же, лежит древнее искусство российских скоморохов... Но это разговор уже о нынешнем дне. А тогда, в счастливые времена детства, сказки поддерживали в мальчишке уверенность, что все на свете возможно, надо только хорошенько этого захотеть. Всячески поддерживал в сыне эту уверенность и отец. А может быть, сам в это свято верил?.. Однажды, во всяком случае, когда они рядом сидели в цирке и маленький Юра, не сводя взгляда со своего тезки Никулина, горячо шепнул отцу, что тоже хочет стать клоуном, отец лишь плечами пожал: «А что нам стоит дом построить?»

Взял сына за руку, и в перерыве они встали и пошли за кулисы — посоветоваться со знаменитым клоуном, с чего начинать. Правда, в тот раз они его не нашли — с Никулиным Куклачев встретился, когда уже был студентом циркового училища. Но не в том суть. Разве это не прекрасно — заблудиться за кулисами и часа полтора потом — пока служители, наконец, не хватились — вольно бродить по цирковым закоулкам и во все глаза смотреть на то, чего никогда не увидят люди, прочитавшие мало сказок...

Сам Юра Куклачев считает, что судьба его решилась в тот день, когда они с отцом отправились за кулисы. Дмитрий Семенович, правда, и по сей день предпочитает зрительный зал, — пусть это будет просторный ам-

фитеатр нового московского цирка или не очень удобные ряды в одном из старых областных центров. Может быть, кроме всего прочего, сказывается многолетняя привычка к дальним рейсам — он побывал во всех городах, где гастролеровал сын.

Как-то раз в Витебске, когда Юра, провожая отца на самолет, спешил к выходу на посадку с авиационным билетом в руке, его схватил за руку незнакомый человек: «Стоп — ты куда это?!» И Куклачев — с ним такое бывает — поддался искушению, сделал удивленные глаза: «Как куда? Домой — хватит!» Нарочно попробовал вывернуться движением, предполагавшим, что некоторую свою вину он, конечно, сознает, и человек в ответ перехватил его покрепче, а другой рукой торопливо стал шарить по карманам: «Домой что собрал, ишь ты, артист! А это что?.. Видишь, сколько билетов в цирк — восемь штук! Всю родню поглядеть на него собрал, а он — домой!.. Завтра как хошь, понял, а сёдня только попробуй улететь!..»

Вокруг них собралась толпа. Поймали в аэропорту клоуна, который хотел тайком удрать с гастролей, — чем не представление?

Дмитрию Семеновичу это дало основание рассказывать потом родным, что Юру с гастролей не отпускают, а для самого Юры это маленькое событие послужило поводом в который раз поразмышлять о природе смешного.

В самом деле, не в цирке же во время представления оно возникает — ежеминутно, ежесекундно рождается в толпе на улице, в переполненном троллейбусе, на полупустом стадионе... Надо только уметь увидеть это смешное и услышать. Юрий Куклачев не скрывает, что подсматривать смешное, помогать ему явиться на свет — это его любимое занятие. Правда, не всегда благодарное. Бывает, подмигнул в трамвае трехлетнему карапузу, а молоденькая его мама тут же гордо приподнимает подбородок и станет за окно глядеть: а то приставать начнет. Перед сытым бульдогом на улице сделал шаг в сторону и, приподнимаясь на цыпочках, спиной прижался к забору — дородная дама окидывает тебя презрительным взглядом: трус несчастный.

Интересная все-таки штука: как мы воспринимаем друг друга. Давно, конечно, известно, что волшебников теперь нет. Нынче можно не опасаться, что старушка, которой ты отдал ногу в очереди, вдруг обернется прекрасной феей. Какая фея — ей за внуком в детсад спешить надо... Все так, но неужели не осталось никакой надежды на то, что случайный прохожий — если и не старый волшебник,

то, во всяком случае, начинающий фокусник?..

Был у Куклачева случай, когда по дороге на «Мосфильм» он попросил таксиста поспешить, и тот поинтересовался, ехидно прищурившись: «Сниматься, что ли, торопишься?» «Пока не сниматься — пробоваться». «И кого же ты играть будешь?» «А угадай-ка!» «Бандита какого-нибудь?.. Разбойника?» «А если клоуна?..» «Клоуна?!. Что не дано, то не дано...»

Таксист, усмехнувшись, отвернулся, не разговаривал больше и головы не поворачивал, даже деньги взял и сдачу протянул потом — все не глядя, только на полной щеке играла ухмылочка...

Был случай другой: когда в троллейбусе Куклачев пробовал отшутиться от подвыпившей компании, а она шутку не понимала, и не понимал, как это иногда случается, весь троллейбус: еще, мол, и шутит. Но тут на остановке вошла в салон красивая молодая женщина, увидела Куклачева и вдруг восторженно воскликнула: «О, паяццо!..» Естественно, что в этой ситуации радость Юры была, что называется, неподдельной. И в ответ на широкую улыбку женщины горячо расцеловала его. Этих, подвыпивших, вытолкали из троллейбуса стремительно: чтобы, не дай бог, симпатичная иностранка чего не заметила. А она все пыталась рассказать, что на Кубе любит русского клоуна, что на телевидении есть даже еженедельная программа, в которой обязательно показывают «паяццо Ю-ра» с его очаровательными кошками, а слушатели поддакивали, покачивали головами и украдкой друг на друга виновато поглядывали: своего, родного чуть было не дали в обиду — надо же!

И еще один случай — пожалуй, классический. Как-то Куклачев опаздывал на представление и «входить в образ» начал уже в метро. Неподалеку от себя увидел неприступно-мрачного человека, и раз и другой попробовал ему дружелюбно улыбнуться, но тот еще больше помрачнел и отвернулся — перед этим лишь смерил Куклачева с головы до ног подозрительным взглядом.

Буквально через несколько минут Юра уже вышел на манеж и вдруг в одном из ближних рядов увидел того самого попутчика, которому перед этим он тщетно пытался поднять настроение в вагоне метро. Теперь об этом заботиться было уже не надо: клоун еще не успел и пальцем пошевелить, а человек уже помирал со смеху...

Вот ведь, выходит, какое дело: чего это нам улыбаться по дороге в цирк? Пришел туда, нашел свое место, сел — это другая музыка. Тут уж ты

КУКЛАЧЕВ И ЕГО «ПАРТНЕР» ОТВЕЧАЮТ НА ВОПРОСЫ ЮНЫХ ЗРИТЕЛЕЙ.

меня за рупь за пятьдесят посмеши вволю — за этим я сюда и приехал...

Кому-то может показаться, что в такой постановке вопроса есть свой резон. И что клоуну Куклачеву надо бы объявить выговор по административной линии: за использование не по назначению внутренних резервов производства. Но в том-то и штука, что в данном случае происходит обратное: не расходует он эти самые внутренние резервы — тщательно копит. Ведь клоуну, как, может быть, никому другому, необходим богатейший психологический опыт. Собрать его приходится по крупицам. И понимающую улыбку и недоверчивый взгляд — все сюда.

Бывает, с незнакомым человеком перекинулся ты мимоходом парой ничего не значащих фраз, или просто один из вас другому дружески подмигнул, и тебе вдруг покажется, что добра в мире в этот миг стало хоть на капельку больше... А если ты подмигиваешь сразу нескольким тысячам и каждый отзывается тебе искренней улыбкой? Только надо это уметь — чтобы отозвались. Чтобы между тобою и зрителями пронеслась эта божественная искорка, после которой устанавливается атмосфера человеческого взаимопонимания. Устанавливается контакт.

У Юры Куклачева есть пантомима с воздушными шарами: клоун влюбился в кого-то из первого ряда, хочет подарить шар, но из-за собственной неловкости давит их один за другим. И все-таки его мгновенно вспыхнувшее чувство так велико, что он решает объясниться...

Эту пантомиму исполняют многие. И почти все перелезают через барьер и падают в объятия сидящей в первом ряду пожилой, с громадным бюстом красотки.

Куклачев делает иначе. Стремительно поднявшись на барьер, он вдруг виновато опускает руки и в нерешительности замирает. И тут, бывает, его чувствительная «возлюбленная» — вовсе никакая не «подсадка», а купившая билет за свои трудовые обычные зрительница — сама бросается к нему, сама растроганно обнимает.

Юрий Куклачев не только блестящий мастер пантомимы, он и хороший акробат и эксцентрик. Но, может быть, больше других зрители оценили его номера, в которых участвуют кошки. Не грех предположить, что дело тут в том особом положении, которое, несмотря на давний дружественный союз с человеком, оставила за собой

КЛОУН ДОЛЖЕН РАССМЕШИТЬ.

**И, НАКОНЕЦ,
КЛОУН ДОЛЖЕН ВЛАДЕТЬ
ВСЕМИ ТАЙНАМИ
ЦИРКОВОГО МАСТЕРСТВА.**

кошка. С собакой, например, с той все ясно, репутация у нее совершенно определенная: «верный друг». Собака не только в огонь и в воду за вами пойдет. Надо — пойдет на цирковую арену. Кошка же, как известно, «сама по себе». Дорогу знает лучше собаки, но с донесением ее не пошлешь. И одно дело для нее — тихим вечером в собственное удовольствие поиграть с бабушкиным клубком, совсем другое — показаться перед публикой: кошка дрессировке, как правило, не поддается.

И вдруг этот смешной номер: «Кот и повар». Клоун в белом фартуке и в высоком колпаке вносит на манеж чугунок, ставит его, потирает в предвку-

шении руки, приподнимает крышку. Однако жаркое съедено — в чугуне сидит объевшийся кот. Повар и раз и другой достает его, опускает на пол, но кот упорно возвращается, залезает в чугунок. Наконец ему надоедают попытки освободить чугунок, и кот прыгает повару на грудь. Тот в страхе сбрасывает кота, однако не тут-то было: кот яростно бросается на него снова и снова...

Конечно, несколько лет назад, когда впервые увидел свою кошку спящей на кухне в пустом чугунке, Куклачев еще не представлял себе, что из этого выйдет. Он только попросил не трогать пока чугунок, оставить там, где стоит, — кошка укладывается спать в нем и до сих пор.

Устойчивая привычка к определенному месту — это лишь одна из особенностей, которые подметил у кошки молодой дрессировщик. О своих подопечных — а их теперь живет у него дома около десятка — Куклачев знает нынче много. И еще больше, конечно не знает. Подобно всем, кто по-настоящему любит кошек и не ленится наблюдать за ними, Юра искренне убежден, что кошка — животное загадочное, наделенное почти фантастическими способностями, тайну которых человеку еще предстоит открыть. А пока...

Пока Куклачева в письмах часто спрашивают, не мучает ли он, чего доброго, своих кошек. Спешу засвидетельствовать, что все, если хотите, наоборот.

Как-то случайно у нас зашел разговор об одном дефицитном лекарстве, быстро заживляющем раны, и Юра сказал, что дома у него есть тубик. Я поинтересовался сочувственно: что, мол, та же самая болезнь, что и у моего знакомого?

— Да нет, — рассмеялся Юра. — У меня — кошки, а это хуже...

Тогда, правда, я же совсем хорошо представлял себе, что это значит. Ведь не тигр все-таки. Обыкновенная кошка. Но вот перед представлением мы

попросили Куклачева сфотографироваться со своими любимцами. Одна из них устроилась на его левом плече, другая — на правом, третья уселась на голове, а остальных он взял на руки, попробовал приподнять на уровень груди. И тут вдруг раздался звук, будто в раскаленные угли плеснули водой, и между «артистами» произошла драка — такая отчаянная и такая стремительная, какой не увидишь и в полутемном подъезде старого городского дома.

Попрыгали на пол, разбежались по углам, стихли... Мы с фотокорреспондентом с ужасом смотрели на «поле боя».

До выхода Куклачева оставались считанные минуты, а холодные примочки никак не помогли и не спасала пудра. Неудивительно, если зрителям с ближних рядов показалось, что грим у клоуна странный: почему-то в полосу... Правда, надо отдать должное кошкам: на манеже в тот вечер они вели себя безукоризненно. Что там ни говори, цирковая школа брала свое: мало ли чего, в самом деле, не случается у актрис за кулисами?

Среди множества писем, которые получает Куклачев, есть и другие: с бескорыстным предложением подарить артисту любимого кота или кошку, которые, конечно же, наделены особым талантом и тоже смогут выступать в цирке. Здесь так и хочется сказать, что, читая такие письма, Юра Куклачев невольно поглядывает на тех своих Мурок, что бродят, потягиваясь, по небольшой его московской квартире: кому бы, в свою очередь, подарить хотя бы одну-две?.. Но вообще, конечно, дело не в этом. В том опять же, что кошка, как правило, проявляет свои таланты только в привычных условиях. И тут уж ничего не поделаешь, если вместо всемирной славы вашего Васюку ждет лишь скромное звание участника самостоятельности. Вот разгадает Юра Куклачев тайну, которая окружает его подопечных, — может, тогда... Впрочем, сам он не намерен довольствоваться прозвищем «Кошачий клоун». Сейчас Юра учится уже на третьем курсе режиссерского факультета ГИТИСа, и многие преподаватели считают, что его призвание — театр. Поживем — увидим. А пока вместе со своим верным и неизменным помощником — женой Леной, которая выступает вместе с ним в роли мальчика-униформиста, — Юрий Куклачев мечтает о постановке новых цирковых реприз. Таких, которые заставили бы зрителя не только от души посмеяться, но и над чем-то взгрустнуть и над многим задуматься.

Те, кто видел Куклачева на манеже, наверное, не раз ощущали цемпящую нотку бесконечной любви к человеку, которая возникает вдруг среди беззаботного смеха над людскими слабостями. Это тоже одна из особенностей творческого почерка молодого клоуна, и сам он хорошо понимает, что обязан развивать ее, потому что в ней заложено, может быть, самое главное...

В старину говорили, что приезд в город одного фокусника в чем-то равнозначен приезду ста лекарей. Это так. И навряд ли стоит в очередной раз доказывать, что дело это — вызывать улыбку — прекрасное. Но только ли ради веселья в былые времена пел на Руси свои куплеты народный потешник-скоморох?.. Разве не говорил он людям горькой, как почти всякое лекарство, правды об их пороках? Источник этой правды — ощущение родства со всеми людьми, что знакомы тебе и незнакомы, но до сердечной боли дороги, потому что они — соотечественники твои, твои современники.

Потому и вглядывается в лица прохожих или случайных попутчиков молодой клоун Юрий Куклачев. Потому улыбается им и, бывае, подмигивает.

Увидите его — улыбнитесь в ответ. Не увидите — улыбнитесь друг другу.

КЛОУН ДОЛЖЕН ЗАИНТЕРЕСОВАТЬ.

...И ДЕТИ ВОСПИТЫВАЮТ НАС

Лена НИКИТИНА,
Борис НИКИТИН

Воспитание считается делом очень трудным, сложным, требующим много сил, времени, терпения, умения, знаний и настоящей самоотверженности. А вот родители семерых детей Б. П. и Л. А. Никитины из подмосковного поселка Болшево думают иначе: жизнь с детьми—это очень интересно! Это увлекательнейшая область творчества, действенный стимул развития самих родителей.

Лена Алексеевна работает в библиотеке, Борис Павлович—в научно-исследовательском институте трудового обучения и профессиональной ориентации Академии педагогических наук.

Семья Никитиных давно привлекает к себе внимание общественности и у нас в стране и за рубежом. Система воспитания, сложившаяся в этой семье, далеко отошла от многих принятых традиций и методов. Супруги Никитины стоят за раннее и разностороннее развитие детей, за раннее пробуждение в них всех главных человеческих способностей—физических, эмоциональных, нравственных, волевых, умственных, эстетических. Дома дети ходят в легкой одежде (у дошкольников дома одни трусики), высказывают зимой босиком на снег. Перекладывая в коляске у трехмесячного младенца, и целая комната, напоминающая спортивный зал, и спортплощадка во дворе, и домашняя мастерская с различными инструментами и приборами для детей и взрос-

лых—все это оборудовано руками Бориса Павловича.

В этой семье в два года дети знают много букв и цифр, с трех-четырёх лет начинают уже читать книги, считают, пишут, рисуют, знакомятся с картой, чертежом, здесь разработаны оригинальные, развивающие игры, позволяющие дошкольникам заниматься настоящей творческой деятельностью.

Родители стараются не изолировать детей от жизни взрослых, а приобщить их к разным видам деятельности в общем труде со старшими. При этом они поощряют не послушание и покорность, а самостоятельность, инициативу, творчество. Дети могут не соглашаться со взрослыми, иметь собственное мнение.

Их отличает интерес ко многим видам деятельности, любознательность, кипучая энергия, жизнерадостность. Даже период подросткового возраста проходит у них без особых осложнений и без обычных конфликтов со взрослыми.

Дети Никитиных почти избежали от простудных заболеваний, легко учатся в школе, обгоняя сверстников на два—четыре года.

Об этом Б. и Л. Никитины написали книгу «Мы и наши дети», которая скоро выйдет в издательстве «Молодая гвардия».

Мы предлагаем читателю статью Никитиных, написанную в форме диалога.

ТРУДОВЫЕ ОБЯЗАННОСТИ...

«Хочется» и «надо»

Л. Никитина. Очень хорошо помню, как удивляли нас два прямо противоположных мнения о нас наших близких: Правда, они наблюдали наших ребятшек несколько со стороны, так как вместе с нами постоянно не жили. Дедушка изредка приезжал погостить и каждый раз в той или иной форме осуждал нас: «Вы слишком распускаете своих ребят, все им позволено, никаких обязанностей. Вырастут бездельниками и через несколько лет вам на шею сядут». Бабушка жила в другом доме, мимо которого малышам приходилось ходить то за водой, то за углем и дровами. Она жалела внуков и тоже была нами недовольна: «Да что же вы на них столько дел взвалили, и отдохнуть некогда бедным».

Теперь-то я понимаю, что каждый из них видел в основном одну сторону жизни ребят: дедушке, привыкшему к строгому порядку, не понравилась слишком вольная жизнь детей, которым было предоставлено «слишком много прав». А доброй, мягкосердечной бабушке, привыкшей всю жизнь обслуживать кого-то, казалось несправедливым взваливать на детей «слишком много обязанностей».

А на самом-то деле, наверное, ребячья вольная жизнь уживалась с обязательными делами, которые надо было делать без всяких «хочется—не хочется». И таких дел в доме было много, потому что ни газа, ни водопровода, ни центрального отопления у нас тогда не было. А мы оба работали, и не было никого, кто мог бы нам постоянно помогать в домашних делах. Никого, кроме детей.

Я не хочу сказать, что помощь малышей с самого начала была совершенно необходима. Да и какая от годовалого помощника—одна морока: его старания чаще всего лишь хлопот добавляют. Но зато как раз в это время он хочет помочь, пытается делать все, что делают папа или мама. Как хорошо, что мы поняли это и его помощь приняли, не отвергли. Причем это не

стало педагогическим приемом «приобщения к труду». Было просто любопытно: а как он справится, что он сумеет, будет ли доволен своей работой? И оказалось: вместе работать интересно и весело.

Правда, это благополучное начало не исключило последующие сложности на «трудовом фронте»—может быть, потому, что мы сами не во всем были согласны друг с другом.

Для себя или для других?

Б. Никитин. Безусловно. Я с самого начала считал, что детям можно и нужно поручать гораздо больше домашних дел, чем это допускала мама, которая

предпочитала делать многое сама, не перекладывая на детей даже простые дела.

Л. Никитина. Это верно. Но мне хотелось, чтобы не я перекладывала эти дела на детей, а чтобы дети сняли эти дела с нас сами, по собственной инициативе. А это само собой не получалось. Не сразу мы поняли, что надо говорить не так: «Оля, бери полотенце и помоги мне» или: «Алеша, наколи для меня лучинок на растопку», а так: «Ребята, давайте-ка маме поможем посуду вымыть!» (говорит папа)—или: «Алеша, а что, если на растопку заготовить щепочек—вот папа обрадуется!» (говорит мама). Тогда получается забота не о себе, а о другом!

Мы ошибались, когда просто поручали дело, давали какое-то задание, заставляли выполнять его до конца, но не всегда обращали внимание ребят на то, что работу надо сделать еще и потому, что кому-то нужна помощь, внимание, забота. Работа в таком случае выполнялась не как взятая на себя часть общего дела, а как навязанная извне скучная повинность, от которой хочется увильнуть. И вот уже мы слышим: «А почему я, а не Антон?», «Алеше меньше копать досталось, а он мне не хочет помочь...». Пришлось поломать голову: как же вернуть детям это желание помочь, которое у годовалых проявляется как бы само собой?

Б. Никитин. Выход мы нашли в том, что вместе с ребятами стали делать что-то нужное не только для собственной семьи, но и для других, знакомых и незнакомых людей.

Всей семейной «бригадой», со школьниками и дошкольниками, мы убрали дрова и уголь у бабушки, расчищали беговую дорожку на улице—для всех соседских ребятшек, участвовали в ремонте школьного помещения, ездили строить дом для наших друзей, возили книги в библиотеку—всего не упомянешь. Вот в такой общей работе для других, дружной, веселой, бескорыстной, и рождается не только настоящая действенная забота о людях, но и взаимопомощь, желание выручить друг друга.

Об одном жалею: редко они у нас все-таки были, эти трудовые десанты,—надо было бы проводить их почаще. А то слишком много у современных детей, в том числе и у наших, всяких занятий только для себя: играть, читать, заниматься спортом, решать задачи, делать опыты и т. п.—все для себя! А что они делают для других? И сколько? Сколько затратили сил, времени, старания, какой получили результат—и по количеству и по качеству—все это чрезвычайно важно. Я настаиваю на том, что должен быть оптимальный трудовой нагрузки, чтобы ребенок смог применить и физическую силу, и поработать головой, и испытать свое терпение и настойчивость в преодолении трудностей, и почувствовать радость и гордость, когда получит осязаемый результат. Это, конечно, зависит от организации работы, от ее нужности, полезности, но, честное слово, пять минут работы в день—это еще не работа.

Когда мы стали жить в другом доме, с отоплением, водопроводом, газом, нас опять выручала необходимость: надо было утеплять дом, переделывать сарай, очищать и строить спортплощадку, приводить в порядок сад. Кроме того, было много разных сезонных работ вроде весенней уборки двора или посадки огорода. Обычно в подобных делах участвуют все, от мала до велика. Есть работа и ежедневная: уборка, стирка, посуда—ее делаем по очереди. Если все это

ВСЯ СЕМЬЯ В СБОРЕ.

Снимок из семейного альбома Никитиных.

учесть, то у детей в среднем получается, конечно, не пять минут, но и не более получаса в день. Думаю, этого мало, потому что остается каким-то незаметным этот труд, совсем нетрудным.

А разве должно быть обязательно трудно? Я считаю, это необходимо. Трудные усилия должны быть не игрушечными, а значительными, что называется, до пота, до усталости, той трудовой усталости, которая дает особое гордое удовлетворение: «Я смог, я выдержал, я не хлюпик и не белоручка какой-нибудь». Это гордость и достоинство рабочего человека. И его может и должен испытывать ребенок как можно раньше.

«Ниточка-Никиточка»

Это не теоретические рассуждения—мы все это наблюдали у своих собственных детей, когда организовали нашу «швейную фабрику», которую ребята ласково назвали «Ниточка-Никиточка». Было тогда у нас трудное время. Для дополнительного заработка мама брала надомную работу—шила фартуки, а мы ей все помогали (старшему тогда было одиннадцать лет). Работали от одного до двух часов ежедневно, каждый по своей «специальности»: кто скалывал булавками детали, кто нитки обрезал, кто складывал, кто был «няней» в детском саду (играл с маленьким тогда Ванюшей). Два года работала наша «Ниточка-Никиточка». Наполовину это была, конечно, игра «в фабрику», но работали всерьез, с рабочим местом, четким ритмом, с ответственностью за качество. Это было чудесное время, которое мы все вспоминаем с удовольствием. А почему? Слаженная дружная работа давала видимый результат: стопка готовых—нами сделанных!—фартучков (за месяц 400—500 сложенных по строгому стандарту и связанных аккуратными лачками по 20 штук). Час-полтора довольно кропотливой, однообразной работы, казалось бы, должны были утомить ребят, но нет: они прониклись каким-то особым рабочим достоинством из-за своей необходимости, нужности «фабрике». Как-то у Анючки болел пальчик—занозила она его. Мы хотели освободить ее от работы, а она: «А кто же будет кармашки пришивать?»—и работала со всеми до конца «смены».

Просто удивительно, как наши непоседы преобразились за работой, становились сосредоточенными, внимательными, серьезными, даже какими-то чуть-чуть важными. Участие в общем труде, осознание зависимости всех от каждого помогло им ощутить, что жизнь состоит не только из приятного «хочу», но и сурового и ответственного «НАДО».

А как по-разному проявлялись их характеры: один не давал покоя своими рационализаторскими предложениями, другой норовил вначале выдать большое количество за счет качества, третий проявил необычайную аккуратность, даже изящество в своей «операции», а четвертый оказался универсалом—освоил все «профессии» и всегда был готов помочь в случае «прорыва».

Особенно поразила нас, взрослых, та быстрота, с которой ребяташки осваивали рабочие операции и целые «профессии». Не проходило и недели, как Анюта, только что перешедшая на «подвертывание подола фартука», уже не отставала от взрослого, а еще через неделю она уже успевала подвернуть два фартука, пока взрослый делал один. Десятилетнему Антону уже через две недели после начала работы «фабрики» в «трудовую книжку» (была такая у каждого работника) мы записали новую профессию—«швея-мотористка». Он не только блестяще подшивал карманы, бретели и пояса на своей электрической машине «Тула», но мог ее настроить, заправить шпульку, отрегулировать шаг строчки, натяжение нити.

Все вопросы на «фабрике» мы решали на общем собрании, и нам, взрослым, нередко приходилось поражаться толковым и справедливым суждениям ребятшек и о распределении обязанностей, и о «технологии производства», и о рабочей дисциплине, и о справедливости в «начислении зарплаты».

На свои, трудовые...

Да, у нас была зарплата—каждый получал ее в конце месяца и торжественно расписывался в «ведомости», где указывалась «квалификация» работника, количество рабочих часов и сумма: от 23 копеек у четырехлетней Юли, до трех-четырёх рублей у швей-мотористок—мамы и десятилетнего Антона.

С самого начала нас поразило отношение детей к этим заработанным ими деньгам. Это были совсем не те, даровые, деньги, которые иногда давали им мы или бабушки (купи, мол, что хочется) и которые никогда не залеживались в кармане. Их не терпелось скорее истратить на мороженое, на шоколадку или на какую-нибудь свистульку, о которой через полчаса после покупки уже забывали или даже ломали без особого сожаления.

А эти—трудовые!—даже в голову не приходило

истратить так легкомысленно и глупо. Они много раз пересчитывались, аккуратно складывались и тратились только на нужные вещи, которыми можно пользоваться долго: авторучку, перочинный нож, компас, записную книжку. Особое удовольствие детям доставляло то, что можно на свои деньги (никого не надо просить!) купить подарок или угостить всех чем-нибудь вкусным в праздничный день.

А однажды случилось вот что. Не хватало у нас до получки денег. «Как и быть, прямо не знаю»,—огорченно призналась мама, когда все мы вечером сидели за своим большим «производственным» столом. И вдруг протянулась к ней маленькая ручка с крепко зажатым кулачком: «На, мама, возьми мои деньги». На раскрывшейся Юлиной ладошке лежали 23 копейки—вся ее зарплата. И следом тотчас же: «И мой! И мои возьми!»—Мама едва удержалась от слез. На следующий день мы ели Юлин хлеб, и пили Ванино молоко, и говорили им спасибо! А они сияли от гордости и счастья.

Наверное, каждый из нас вспоминает с гордостью тот момент, когда вручил матери первую в своей жизни зарплату. Но это бывает обычно лишь в 16—18 лет. Мы доставили нашим детям эту высокую человеческую радость намного раньше.

...И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Для чего человек живет?

Л. Никитина. Об этом рассказать чрезвычайно трудно—уж очень все это сложно, противоречиво, запутанно. Но и не рассказывать не могу, потому что знаю теперь: главное в жизни с детьми—налаживание человеческих отношений. Самое удивительное сейчас для меня заключается в том, что мы, как и многие родители, сначала не очень-то задумывались над этой важнейшей стороной воспитания. Ошеломленные неожиданно открывшимися огромными возможностями раннего детского возраста, мы увлеклись проблемой, какого уровня может достичь ребенок в своем физическом и интеллектуальном развитии. А вот для чего он употребит все свои развитые способности, каков он будет среди людей—об этом мы первые два-три года жизни с детьми не очень-то задумывались. Считали: самое главное—ум и здоровье, а остальное само собой приложится.

Б. Никитин. Я и сейчас склонен думать, что от уровня развития творческих сторон интеллекта зависит в основном и нравственная основа человека.

Л. Никитина. А мне думается, что она зависит больше от направленности этих способностей, от точки приложения их в жизни. Чем больше человек хочет отдать людям, тем он нравственнее, независимо от того, сколько он отдает.

Б. Никитин. Что значит—отдать? Это ведь тоже с умом делать надо: кому отдать? Зачем отдать? Развитой, творческий ум—вот гарантия правильной ориентации во всех сферах жизни человека, в том числе и в нравственных ценностях.

Л. Никитина. Да, но можно превосходно понимать, что такое хорошо и что такое плохо, а тем не менее руководствоваться в жизни совсем не этим пониманием. Разве мы не встречали в жизни очень умных людей, судящих обо всем весьма глубоко и тонко, а в практической жизни, в реальном общении с людьми «неумелых», беспомощных или даже деспотичных и бездушных?

Совершенно убеждена, что, например, школьная жизнь ребенка зависит не только от его здоровья и умственного развития, но и от того, каков он будет в ребячьем коллективе: отзывчив или эгоистичен, общителен или замкнут, сможет остаться самим собой в разных, подчас очень сложных ситуациях и в то же время не станет ли обособляться, страдая от одиночества. Это все зависит от того, каков у него был опыт общения с самыми разными людьми до школы: было ли ему о ком заботиться, с кем поспорить, перед кем отстоять себя, научился ли он жалеть, сочувствовать, понимать других и почувствовать ли ни с чем не сравнимую радость сделать что-то для людей, радость отдачи, радость ощущения нужности людям!

Б. Никитин. Как трудно мы шли к пониманию всех этих, в общем-то азбучных истин! На этом пути нам помогло то, что у нас была большая семья, где детишки естественно вступали в разнообразнейшие связи со взрослыми и между собой (помощь, забота, подражание, отстаивание, обида, жалость), а нам, тоже естественно, приходилось регулировать эти отношения, налаживать их, и при этом меняться самим и менять многие свои педагогические и житейские предрассудки. Больше всего нелепых ошибок делали мы, конечно, в самом начале, когда родился Первый, Удивительный, Неповторимый и Единственный. Единственный. Хорошо, что он недолго оставался таковым—уже появление второго ребенка многое

поставило на свои места, а к тому времени, когда родилась дочка—третий малыш в семье,—мы уже основательно поутратили свою родительскую самонадеянность и начали учиться... у своих детей.

И дети нас учат

Л. Никитина. Когда нашему первенцу было года полтора, мы, например, обучали его самостоятельности таким образом: если малыш попадал в трудное положение (шлепнулся, или застрял где-нибудь, или что-то не мог достать), мы «не обращали на это внимания», не помогали ему, несмотря на все его слезы и вопли,—пусть сам учится выбираться из трудностей. Мы останавливали бабушку, жалующую внука и стремящуюся ему помочь, сердились, если кто-нибудь советовал что-то предпринять, чтобы прекратить крик. И в общем-то добивались успеха: малыш сам действительно выбирался из затруднения. И все было бы хорошо, если бы не такая «деталь», на которую мы как-то не обращали внимания: во время очередного «урока» страдали больше всех окружающие. Сами того не подозревая, мы учили малыша... не считаться с остальными. И не только этому. Когда стал подрастать второй сын, мы и с ним делали так же. И вот однажды я увидела такую картину: младший плачет от ушиба и испуга, а его трехлетний старший брат даже не взглянет в его сторону—точь-в-точь как мы, взрослые. Но мы-то не смотрели на него специально: пусть сам справится с бедой,—а тут было просто равнодушие, безразличие к слезам братишки. Это неприятно поразило меня. Тогда-то я и взглянула на себя, на нашу «воспитательную меру» со стороны и поняла, почему она подчас раздражает окружающих.

Подобные детские «уроки» навели нас на серьезные размышления об отношениях между детьми и взрослыми: о контроле и доверии, о поощрении и наказании, о послушании и капризах. Один из этих уроков мне запомнился на всю жизнь. Я расскажу о нем подробно, потому что именно он заставил меня по-новому отнестись к очень сложной проблеме—проблеме наказаний.

Это было лет пятнадцать назад. Однажды мы ужинали несколько позже, чем обычно. Младший сыннишка—ему было тогда меньше года—сидел у меня на коленях и кукурил: уже хотел спать (это я сейчас поняла), а тогда не понимала). Взяв со стола ложку, он потянул было ее в рот, но уронил на пол и заплакал. Я спустила его с колен и сказала: «Подними ложку!» Он заплакал еще громче. Логика моих последующих рассуждений была такова: «Ах, так: ты роняешь, не поднимаяшь да еще и ревеешь—тебя следует за это наказывать, чтоб запомнил и не повторил в следующий раз». Вслух же я говорю: — Не плачь, подними ложку, тогда я тебя возьму на ручки.

Малыш шлепается на пол, отпихивает ложку в сторону и заливаясь плачем пуще прежнего. «А... ты еще и не слушаешься! Ну, разумеется, этого оставить нельзя,—думаю я,—надо обязательно настаивать на своем, а то в следующий раз он...» Такова привычная (и убедительная!) формула взрослых. И я настаиваю, да еще грозным тоном:

— Немедленно подними ложку, иначе...

Малыш катается по полу и ревет взахлеб, причем рев этот не капризный, а иной, скорее жалобный какой-то... Я теряюсь, мне его жалко, хочется его поднять, успокоить (сейчас-то я бы так и сделала)—ведь он просто хотел спать. К тому же за столом все перестали есть—какая уж тут еда. Но тогда... я твердо стою на своем, памятуя: нельзя потакать капризам—раз, и нельзя допускать, чтобы твое требование не выполнялось,—два. А рев не прекращается. В смятении я почти кричу:

— Ну, тогда не нужен ты мне такой!—и выбегаю из кухни.

Останавливаюсь посреди комнаты и сама вот-вот расплачусь—от бессилия, от жалости, оттого, что происходит что-то не то, а я не знаю, как надо... Из кухни доносится яростный рев—теперь уже не жалобный, а отчаянный, протестующий. Когда это кончится?! Проходит пятиминутная вечность... Наконец, слышу: рев в кухне стихает, раздается тяжелое шарканье. Из-за двери на четвереньках (это он-то, к тому времени уже умеющий хорошо ходить!) появляется мой несчастный сын, зареванный, всхлипывающий... Я еще держусь, не бросаюсь ему навстречу, и он, изнемогая, ползет ко мне и, обхватив мои колени, начинает горько так, жалобно всхлипывать. Тут—наконец-то!—полетели в тартарары все мои «твердые установки»; я опускаюсь к нему на пол, и мы плачем оба, крепко обняв друг друга. Это слезы облегчения и радости: мы опять рядом, вместе. А минуты через две-три он спит, всхлипывая изредка во сне и долго не отпуская мою руку. Да я и сама не могла никак с ним расстаться. Я смотрела на его осунувшееся личико с размазанными по щекам слезами и впервые в жизни вдруг почувствовала огромную вину перед крохотным человеком. Ведь я была так

несправедлива к нему! Он искал у меня понимания и помощи, а получил—за простую оплошность—самое жестокое наказание: от него отказалась мама. Он протестовал, как мог, а я... даже не пыталась его понять, шла в своих действиях от каких-то затверженных правил, а не от ребенка и его состояния... Пожалуй, с этого самого «урока» и началась моя материнская учеба, не прекращающаяся по сей день: я учусь понимать своих детей!

Сложная это оказалась наука. Нет возможности здесь рассказать о многих ошибках и промахах, которые допускали мы, взрослые, в общении с детьми. Нелегко было отказываться от убеждения, что мы правы уже потому, что мы взрослые, а они должны нам беспрекословно подчиняться только потому, что они дети. Еще труднее было в неудачах научиться не сваливать вину на ребят и на внешние обстоятельства, а посмотреть сначала на себя: что ты делаешь не так? И представьте себе, почти всегда причину обнаруживаешь в собственной неумелости, нетактичности, непродуманности слов и действий, недальновидности. Вот еще пример.

Кто кого наказал?

То, что я расскажу, произошло не когда-то давно, а всего года два назад. Ах, в какую великолепную педагогическую калашу села я тогда при всем своем немалом опыте и «теоретической подкованности»! Правда, я сумела-таки из нее вырваться (опыт даром не пропад), но ведь попала же!

Дело было так. Моя пятилетняя дочь, в общем-то ласковая и покладистая девочка, после одного моего вроде бы невинного замечания вдруг подскокила ко мне со сжатыми кулачками, топнула ногой и, сверкая глазенками, отчаянно выпалила мне в лицо: «Ты дура! Дура! Дура!»—и громко, безудержно разрыдалась. Я ошолбелась. Я не слышала от детей ничего подобного. Даже не нашлась, что сделать и сказать, покраснела до слез и выскочила на крылечко. В комнате начался переполох: старшие сестры, слышавшие наш разговор, накинулись на малышку с упреками:

— Как ты могла! За что ты маму так обидела? Ты плохая.

— Да, я плохая,—слышу я тонюсенький, всхлипывающий голосок,—а зачем мама сама меня обидела? А-а-а...

Поначалу я была словно оглушена и не могла ничего сообразить. Потом, как мне ни было горько, я все-таки попыталась раскрутить события в обратной последовательности: что могло привести дочку к такой нелепой, дикой выходке? После чего она так обозлилась? Я всего-навсего сказала, правда, весьма раздраженным тоном: «Ну, тогда ты не пойдешь со мной на работу!» А почему я так сказала? Вспомнила: она расшалилась с братишкой и на мою просьбу: «Кончайте, ребята, пора спать»,—ответила весело: «А мне не хо-о-чется!» А перед этим?... И тут я поняла: что же я наделала!

Всего за пять—десять минут до скандала состоялся очень серьезный разговор между мною и всеми младшими, во время которого мы договорились, что завтра все они пойдут в библиотеку и помогут мне перенести старые журналы, а потом каждый выберет себе любую книжку, чтобы взять домой почитать. Возбужденные предстоящим удовольствием (пойти со мной в библиотеку для них всегда очень приятно), гордые доверием (они же пойдут помогать!), малыши, вместо того, чтобы побыстрее улечься спать, разыгрались, расшалились... А было уже так поздно, и у меня на вечер оставалось еще столько дел... «Ах, когда же вы только уговоритесь?»—думаю я и все больше и больше «завожусь». Раздражение—плохой советчик, и я, забыв о только что состоявшемся договоре, уже не понимаю, почему ребята так возбуждены и... вот, пожалуйста! «Ты не пойдешь завтра со мной на работу!»

Да это же настоящее самодурство: хочу—казню, хочу—миловую. И все это ни с того ни с сего, когда человек не только не чувствует никакой вины, но даже, наоборот, ощущает себя счастливым и гордым. Какая пощечина самолюбию и достоинству! И обиднее всего, что от мамы...

Милая моя девочка, а ведь твой внезапный бунт—не нелепая дикая выходка, а настоящий протест против несправедливости... Какая же действительно дура. Стоп. Но маме сказать «дура»—это же невозможно, это немисливо просто. Что же делать? Теперь, разобравшись во всем, я уже могу искать выход. Отступают растерянность и обида, я даже улыбаюсь сквозь слезы: «Как же это я вприсак-то попала, ай-яй-яй!» Ну, а там, где улыбка, там и скорый конец всем конфликтам, это я уже давно знаю. Но до вдоха облегчения еще далеко: дочурка плачет неутешно, я тоже всхлипываю на своем крылечке. Но обе уже чувствуем себя не столько обиженными, сколько виноватыми. Общим уже хочется примирения, но... Как же начать? Я не выдерживаю первая, зову ее тихонько по имени, она приходит ко мне, и мы,

переменяя слова всхлипами и вытиранием носов, признаемся друг другу в том, что обе поступили очень, очень, очень плохо и что постараемся больше так не делать...

— Мам,—вдруг говорит моя маленькая и заглядывает мне в глаза,—мам, давай мы это никогда, никогда не будем вспоминать.

Меня поразила эта мудрая интуиция ребенка. В самом деле: кто старое помянет, тому глаз вон. Как же нам было хорошо после протомчавшей бури сидеть вдвоем на крылечке и видеть и слышать, как вечер превращается в ночь, и все стихает, стихает кругом, словно успокаивается перед сном...

Кто-нибудь из внимательных читателей может здесь уличить меня в недобросовестности: «Ведь вы же договорились не вспоминать эту неприятную историю, а сами нарушили договор. Некрасиво получается...» Еще бы! Я почувствовала бы себя настоящим предателем, если бы не получила согласия дочки на этот откровенный рассказ. Она, узнав о моем намерении, сначала бурно запротестовала: «Нет, мамочка, не надо, не надо!» Я заколебалась, но потом все же попыталась ее убедить:

— Ты знаешь, мне ведь самой стыдно рассказывать об этом, но мне так хочется, чтобы многие взрослые поняли, как это плохо—обижать малышей и как это хорошо—понять друг друга и никогда-никогда не повторять своих ужасных ошибок. Я тебя не буду называть по имени в этом рассказе. И обязательно прочту, что у меня получится. Если тебе покажется что-нибудь не так, ты меня поправишь, ладно?

Дочурка, притихшая и серьезная, молча сидела у меня на коленях—думала. Я совсем было уже решила отказаться от своей затеи и вспомнить для примера что-нибудь другое (но другое-то помнилось не так ярко, вот беда!), как вдруг она обняла меня за шею и шепнула мне в ухо: «Ну, ладно, мамочка, надо так надо...»

Теперь хочу спросить: скажите, уважаемый читатель, кто кого наказал в этой грустной истории? Трудно ответить, правда?

После подобных взаимных уроков мне все чаще и чаще поневоле думалось: а почему, собственно, мы, взрослые, так уверены в своем праве карать и миловать, поощрять и наказывать? Опасно этим правом пользоваться неумелому, неопытному, а еще опаснее—жестокости, холодности. Как легко и пересолить, и недосолить, и вообще сделать совсем не то. А вот попытка разобраться в себе и ребенке, в мотивах и причинах его поступков и в собственном поведении никогда к плохому не приведет. Тут даже ошибка на пользу пойдет—многому научит, потому что будет пережито и осознано. Вот так и накаливается опыт, который позволяет поступать не как принято, а как единственно можно и нужно в данный момент.

Вот, допустим, правильно ли, что я первая пошла на примирение с дочкой, не заставила ее сначала извиниться передо мной? Может быть, мне следовало бы подождать? Мой опыт подсказал мне иное: если виноваты оба (а чаще всего так и бывает), именно взрослому надо первому идти навстречу. Добиваться от ребенка, чтобы тот извинился, в то время когда он чувствует вину и за взрослым,—жестко. Для него такой шаг к примирению всегда связан с унижением, а для взрослого—с великодушием. Огромная разница! Ведь на стороне взрослого сила и власть, пользоваться ими для унижения слабого—низость. Это вызывает не раскаяние, а озлобленность и затаенную обиду.

Как же все это сложно! И можно ли сложность и тонкость взаимных отношений уложить в примитивную одностороннюю схему наказаний и поощрений, то есть каких-то специальных мер, направленных в одну сторону: от взрослого к детям? Да еще от взрослых, которые сами, как известно, далеки от совершенства. Разве не так? Нужно взаимовлияние всех в семье, взаимопонимание, взаимодействие. Тогда меняются к лучшему и дети и взрослые.

Б. Никитин. Я долгое время о нравственных проблемах как-то не очень задумывался—других забот хватало. К тому же воспитание этических отношений в семье получалось лучше у мамы, чем у меня.

Л. Никитина. К сожалению, мужчины нередко предпочитают во все эти тонкости не вникать и вообще возиться с детьми не любят. И очень многое теряют, не только лишая себя удивительных радостей, которые дает общение с детворой, но и прямо-таки подготавливая все трудности подросткового возраста, когда наладить контакты с выросшими детьми становится почти невозможно.

Б. Никитин. Это верно. Мне всегда было хорошо с малышами, этими любопытными, ласковыми, непоседливыми мурзилками, играть с которыми, делать что-то, просто ощущать их рядом—для меня огромное удовольствие и отрада. Но вот стали они подрастать—и я сам почувствовал, что эти самые психологические тонкости не мешало бы знать и мне. Но теперь постигать их трудно. Как нелегко, например, признать себя виноватым, неправым. Прямо все существо протестует: он—какой-то мальчишка!—со

мною не соглашается да еще и смеется. Ни на что не похоже! А потом остынешь, подумаешь: ведь сам его учил не подчиняться слепо, находить решения самостоятельно, иметь собственное мнение—чем же ты недоволен? Ну и сильно же у нас, взрослых, это чувство превосходства по отношению к детям, непоколебимой уверенности в своей правоте. Любое возражение кажется наивным и бессмысленным—что он понимает, что знает, чтобы возражать?!

А вот когда допустишь, что он может знать то, о чем ты и не слыхал, что у него ум непосредственной, живой, прислушаешься к его мнению и удивляешься: «А ведь молодец! Получше меня сообразил!» Честное слово, очень приятно, оказывается, поучиться чему-то у своего сына, даже маленького. Это прямо-таки поднимает обоих в глазах друг друга и... даже в собственных глазах.

Л. Никитина. Мне не хотелось бы, чтобы нас поняли так, что все в семье должны быть «на равных правах»: отец—«свой парень», мать—«закадычная подружка», все «учат друг друга». Нет, такая «демократия», по-моему, противоестественна и вредна. Ребенок, вступая в наш сложный противоречивый мир, должен приобрести четкий нравственный ориентир: это можно, а это нельзя, это важно, а то неважно, это хорошо, а это плохо—из всего этого и складывается та система нравственных ценностей, которой человек будет руководствоваться во всех жизненных ситуациях, от будничных до исключительных, критических. И этот ориентир, этот нравственный компас даем ребенку мы, взрослые, живущие с ним рядом. Конечно, многое добавится в характер человека в течение его дальнейшей жизни, общении с разными людьми, его собственной деятельности, и все-таки эти новые влияния будут накладываться на то, что уже есть в нем, на тот фундамент, который заложен в нем с детства. Заложен нами, взрослыми. И ни на кого эту ответственность свалить нельзя. Вот и получается, что при всем взаимоважении и взаимовлиянии в семье ребенок остается ведомым, а родитель—ведущим, а не наоборот.

Как же много надо, чтобы быть этим ведущим долгие годы!

Наш родительский авторитет—да и не только родительский—зависит не от возраста, не от служебного положения, не от каких-то там ухищрений, педагогических (и буквальных!) «кнутов» и «пряников», а от того, какие мы люди: справедливы ли? Честны ли? Умелы, требовательны, добры? Благородна ли цель нашей жизни? Чисты ли средства ее достижения?

Сказала и вдруг подумала, что в этих красивых словах может таиться неправда. Почему неправда? Разве уважение к человеку, его авторитет не зависят от того, каков этот человек? Зависит! Почему же неправда? Исподволь начинает тревожить мысль: если бы все было так, как я сказала, тогда уважением и авторитетом пользовались бы лишь самые лучшие люди земли. Но как часто можно увидеть совсем другое. Иногда люди сотворяют себе кумира из того, кто не всегда достоин даже простого уважения. Бывает и так: люди, обладающие весьма невысокими нравственными качествами, но умеющие быть требовательными и играть на слабостях человеческих, подчиняют себе людей, вызывая их неподдельное уважение. И здесь как раз существует множество способов тех самых «кнутов» и «пряников», с помощью которых «стадо» подчиняется «пастуху». Разве главари воровских шаек не пользуются авторитетом у своей братии? Еще каким! Причем не обязательно завоеванным с помощью запугивания и страха. Все гораздо сложнее...

А если посмотреть с такой стороны: кто у кого пользуется уважением? Ого, какое богатое поле для наблюдений и размышлений! Для одних важны: ум, честность, увлеченность, глубина знаний, мастерство, доброта, бескорыщность, верность, своеобразие личности. А для других: влияние, связи, изворотливость, известность, обеспеченность, соответствие моде и принятому стандарту... Разделение это, разумеется, схематично и неполно, но не в этом дело. Важно другое: почему одними ценится одно, другими—другое? И заметное это уже с очень раннего возраста—воспитатели и учителя это хорошо знают. Ну, конечно, это зависит от того, что ценится в семье, в которой растет ребенок. Именно семья ориентирует ребенка в жизни с самого начала. Не словами, разумеется, а общим настроением, семейным укладом, отношением к людям и их делам, собственным участием в жизни окружающих.

Вот говорят: с кем поведешься, от того и наберешься. А с кем поведешься? Разве это не зависит от самого человека? Читаешь, например: «Мне посчастливилось встретиться с замечательными людьми, они помогли мне стать человеком». Думаю: не в счастливым случае тут дело, хорошие люди встречаются всем, но не все их видят. Научить подрастающего человека не пройти мимо настоящего, не увлечься ложным, недостойным человека—вот задача необычайной важности.

Роберт Монтгомери сидел за столом в мрачном унынии. Перед ним лежала раскрытая конторская книга, вся испещренная длинными рецептами доктора Олдакра. Тут же стоял широкий деревянный ящик, разбитый на ячейки с наклеенными на них ярлычками, коробка с пробками, несколько палочек сургуча и ряд пустых пузырьков, выстроившихся в ожидании, когда их наполнят лекарствами. Но работать Роберту совсем не хотелось, и он молча продолжал сидеть, сжав голову руками и бессильно опустив могучие плечи. Сквозь грязноватое окно приемной виднелись стены зданий из потемневшего кирпича и шифера, над которыми, словно гигантские колонны, подпиравшие низко нависшие черные тучи, вздымались высокие заводские трубы. Шесть дней в неделю эти трубы извергали клубы дыма, но сейчас они бездействовали — день был воскресный. Грязный, противный туман стлался над землей, разграбленной и опустошенной человеческой алчностью. Впереди, на много миль вокруг, не виднелось ничего, что радовало бы глаз и могло хоть чем-то развеять впаду в отчаяние души. Однако не это печальное зрелище привело в уныние ассистента доктора Олдакра.

Горе его было более глубоким и более личным. Приближался учебный год. Роберту предстояло вернуться в университет и, закончив последний курс, получить диплом. Но — увы! — надо платить за учебу, а денег нет, и где их взять — неизвестно. Шестидесят фунтов — и диплом врача в кармане, но раздобыть эту сумму у него столько же шансов, сколько найти миллион.

Удрученный ассистент очнулся от этих мрачных размышлений, когда в лабораторию заглянул сам доктор Олдакр — гладко выбритый представительный мужчина с чопорными манерами и благоговейно-строгим выражением лица. Сей господин, преуспевающий исключительно благодаря поддержке местного духовенства, всегда старался делать так, чтобы ни словом, ни делом не повредить своей репутации. Он держался с величайшим достоинством и требовал того же от своих ассистентов. В наружности его и речи всегда чувствовался некоторый оттенок благоволения и доброжелательности.

В голову отчаявшегося студента внезапно пришла мысль: что, если проверить, действительно ли доктор такой филантроп, каким представляется?

— Прошу прощения, доктор Олдакр, — сказал он, приподнимаясь со стула, — у меня к вам большая просьба.

Лицо доктора резко изменилось и приобрело малообещающее выражение. Он поджал губы и опустил глаза.

— Слушаю вас, мистер Монтгомери!

— Сэр, вам, конечно, известно, что мне остался всего год, чтобы окончить университет...

— Да, вы говорили об этом.

— И вы, конечно, понимаете, сэр, как это важно для меня.

— Разумеется.

— Доктор Олдакр, плата за учебу составляет примерно шестьдесят фунтов...

— Извините, мистер Монтгомери, но меня ждут дела.

— Одну секунду, сэр!.. Я надеялся, что... если я напишу расписку с обещанием вернуть деньги с процентами, вы... может быть, ссудили бы мне их?.. Я верну вам их, сэр... Честное слово! Или отработаю по окончании, если вас это больше устроит.

Губы доктора выгнулись в тонкую нитку, в глазах сверкало негодование.

— Мистер Монтгомери, ваша просьба просто бессмысленна! Вы меня удивляете. Вам известно, сэр, сколько студентов-медиков в Англии? У многих из них нет средств платить за учебу, так что же, по-вашему, я всех их должен ссужать деньгами? Или же я должен сделать исключение только для вас? Нет, мистер Монтгомери, я очень огорчен и раздосадован. Вы поставили меня в неловкое положение, вынудив отказать вам.

И, четко повернувшись на пятках, он вышел из лаборатории с видом оскорбленного достоинства.

Студент горестно усмехнулся и занялся приготовлением заказанных на утро лекарств. Что за жалкая, ничтожная работа! Ее мог бы выполнить любой заморыш, а не такой здоровяк, как он. Но что поделаешь, она дает ему стол и фунт стерлингов в неделю, а этого вполне достаточно, чтобы спокойно прожить лето и поднакопить немного денег на зиму. Но плата за учебу! Откуда взять столько денег? Разве их накопишь при такой скудной зарплате?! Доктор Олдакр... Так он не захотел дать займа... Монтгомери не видел выхода и не знал, где и как заработать требуемую сумму. Парень он не без способностей, но способности — товар не из ходовых. Хватает у него и силенки, но кто ее купит?

Однако неисповедимы пути божи. Роберт не знал, что час его спасения близок.

Всеми поколениями советских читателей любим умный, невозмутимый и обаятельный сыщик Шерлок Холмс, родившийся благодаря таланту выдающегося английского писателя Артура Конан-Дойля. Но далеко не всем известно его «спортивное» творчество. Наши читатели познакомятся с ним впервые: «Смена» начинает печатать рассказ «Мастер из Кроксли».

В 1929 году, за год до смерти, Конан-Дойль издал пухлый — в тысячу с лишним страниц — том, в который вошли рассказы, не связанные с именем любимого писателем персонажа. Среди них — «Мастер из Кроксли».

Интересно высказывание А. И. Куприна об этом рассказе: «Любителей сильных ощущений я отсылаю к прекрасному... рассказу Конан-Дойля «Мастер из Кроксли». Прочитав его, он в известной степени может представить себе, какое отвратительное и героическое, постыдное и прекрасное занятие бокс». Замечено абсолютно верно — Конан-Дойль мастерски показал непристойную, грязную изнанку профессионального спорта, безраздельно контролируемого денежными мешками. В ярко выписанном трио устроителей пари он прозорливо увидел прообразы отвратительных, безжалостных спортивных меценатов.

Но не только о боксе рассказ Конан-Дойля, хотя описание многочисленных раундов — просто-таки урок спортивного репортажа. «Мастер из Кроксли» — страстное обличение многочисленных язв буржуазной Англии, великолепный образец мастерского владения иронией. Писатель беспощадно высмеивает святош, которые «беспорочной» своей деятельностью и порождает пороки.

И, наконец, «Мастер из Кроксли» — рассказ романтический, утверждающий победу сильного духа над тяготами и несправедливостями жизни.

Артур КОНАН-ДОЙЛЬ

РАССКАЗ

Перевод Зои ЕРМОЛАЕВОЙ
и Николая КОЛПАКОВА

МАСТЕР ИЗ КРОКСЛИ

— Эй, ты! — раздался у дверей чей-то громкий раздраженный голос.

Монтгомери поднял голову. У входа стоял молодой шахтер, высокий, плечистый, с могучей, как у быка, шеей, в праздничном костюме из твида и ярком галстуке. Вид у него был довольно свирепый.

— Эй, ты! — повторил он. — Почему до сих пор не прислал лекарства, как тебе приказал хозяин, а? Монтгомери привык к грубоватым манерам северных рабочих. Вначале это бесило его, потом он пообтерся и перестал обращать внимание. Но здесь было совсем другое. Тут было оскорбление, грубое, наглое!

— Фамилия! — спросил он холодно в ответ.

— Бартон. Смотри, как бы тебе не пришлось крепко запомнить ее! Живо сваргань лекарство моей жене, слышишь? А не то пожалеешь.

Монтгомери облегченно улыбнулся. Вот она, благословенная отдушину, сквозь которую можно излить накипевшую горечь. Наглость была столь велика, оскорбление столь очевидно, что никаких колебаний, дающих возможность человеку сдерживать свои чувства, у него не осталось. Он спокойно запечатал очередную пузырек с лекарством, приклеил сигнатурку и поставил его на полку.

— Послушайте! — сказал он, обернувшись к шахтеру. — Ваше лекарство будет сделано и послано вам, когда до него дойдет очередь. И запомните: посторонним в лабораторию вход воспрещен. Если хотите ждать, ждите в приемной.

— Слушай, парень, — сказал шахтер, — ты приговоришь лекарство вот прямо тут, пока я здесь, а не то смотри, оно тебе самому понадобится.

— Я бы не советовал вам сориться со мной, — проговорил Монтгомери жестким, отрывистым тоном человека, который еле себя сдерживает. — Потихонечку на поворотах, а то нарветесь... Ах, так?! Тогда получайте!

Удары последовали почти одновременно: свирепый свист просвистел над ухом Роберта, а прямой драйв пришелся углекопу прямо в челюсть.

Счастье оказалось на стороне ассистента. Молниеносный апперкот и техника, с которой его нанесли, сразу же подсказали Роберту, что он имеет дело не с новичком. Но если Роберт недооценивал своего противника, то и тот недооценил его возможностей и, раскрывшись, подставил себя под роковой удар.

Шахтер с треском ударился головой об угол шкафа и рухнул как подкошенный. Его кривые ноги неловко подогнулись, руки раскинулись, а по кафельному полу тоненькой струйкой потекла кровь.

— Ну, что? Достаточно? — спросил Роберт, тяжело дыша.

Ответа не последовало: шахтер лежал без сознания. Только тут Монтгомери осознал весь ужас своего положения и стал таким же бледным, как и его противник. Доктор Олдакр — этот святоша с его благоговейными знакомствами, а тут вдруг кулачная расправа с одним из пациентов; если о драке узнают, то Монтгомери наверняка придется расстаться со своим местом. Положим, место незавидное, но где найдешь другое без рекомендации, а доктор Олдакр ни за что не даст ее после этого. Без денег на учебу и без работы, — что станет с ним? Ведь это же полный крах.

Может быть, все-таки удастся избежать огласки? Роберт подхватил бесчувственное тело, вытащил его на середину комнаты и выжал на голову шахтера мокрую губку. Тот очнулся и со стоном поднялся.

— Черт тебя побери! — проворчал он, стряхивая капли воды со своего пиджака. — Галстук мне испортил.

— Вы извините, что я вас так сильно ударил, — сказал Монтгомери примирительно.

— Сильно ударил... Да такими ударами только мух убивают. Не ты, а вот этот проклятый шкаф расшиб мне башку. Тебе, милок, здорово повезло. Теперь можешь везде хвастать, что с одного удара нокаутировал меня. А сейчас, будь любезен, спроворь-ка лекарство моей жене, да я пойду.

Монтгомери без долгих слов исполнил эту просьбу.

— Советую вам немного посидеть и отдохнуть, — сказал он шахтеру, — вы еще слишком слабы.

— Некогда, жена ждет, — возразил тот и, пошатываясь, вышел из аптеки.

Провожая его взглядом, Роберт видел, как он нетвердой походкой двинулся вниз по улице, потом встретил какого-то приятеля и зашагал с ним под руку. «Малый он, видно, отходчивый», — подумал Монтгомери и успокоился, решив, что доктор вряд ли узнает о драке. Он вытер с пола кровь, привел в порядок аптеку и, радуясь, что дешево отделался, вновь уселся за прерванную работу.

Однако весь день смутное чувство тревоги не покидало его. Особенно оно усилилось и даже переросло в страх, когда уже под вечер ему сказали, что какие-то три джентльмена ожидают его в приемной. «Судебный следователь, полиция или разъяренные родственники потерпевшего», — разом мелькнуло в его испуганном воображении. С натянутыми, как струна, нервами и с окаменевшим лицом он вышел к посетителям.

Перед ним предстало чрезвычайно своеобразное трио. Он знал в лицо каждого в отдельности, но что их привело сюда вместе и, главное, что им нужно от него—этого он никак не мог себе представить.

Первый был Сорли Уилсон—единственный сын владельца крупнейшей каменноугольных копей «Нонпарель». Этот двадцатилетний франт, наследник огромного состояния и заядлый спортсмен, приехал на пасхальные каникулы из Кембриджа, где учился в Магдаленском колледже. Он примостился на краю стола и, задумчиво покручивая кончики нафабранных черных усов, разглядывал Монтоммери.

Рядом с Уилсоном сидел Пэрвис—трактирщик, владелец самой большой пивной и известный в округе букмекер. Это был грубоватый мальчик, и его гладко выбритая медно-красная физиономия составляла резкий контраст с лишенным всякой растительности, блескующим, как слоновою костью, черепом. Положив толстые красные руки на колени и подавшись вперед, он тоже молча разглядывал молодого ассистента хитрыми бледно-голубыми глазами, оттененными рыжими ресницами.

С не меньшим вниманием разглядывал Монтоммери и третий посетитель—Фоссет, объездчик лошадей. Он сидел, откинувшись назад, вытянув длинные поджарые ноги в кожаных крагах, и рукояткой хлыста постукивал по своим слегка выступающим вперед зубам; каждая черточка его худощавого лица выражала тревогу и озабоченность. Трактирщик, приехавший щеголь и объездчик—все трое равно молчали, были равно серьезны и равно чем-то озабочены. Монтоммери недоуменно переводил взгляд с одного на другого.

— В чем дело, господа?—спросил он, но ответа не получил.

Положение становилось затруднительным. — Нет, не то!—наконец произнес объездчик.— Не подойдет. Ни в коем случае!..

— Ну-ка, повернись, паренек, дай-ка мы тебя рассмотрим получше,—обратился к нему трактирщик.

Монтоммери решил повиноваться. В конце концов он, безусловно, узнает, в чем дело, надо только набраться терпения. Он начал медленно поворачиваться, словно у портного на примерке.

— Не то!.. Нет, не то!..—повторил объездчик.— Да Мастер его соплей перешибет.

— Чуть!—воскликнул юнец из Кембриджа.— Вы, Фоссет, если хотите, можете выйти из игры, а я это дело доведу до конца, даже если мне придется действовать в одиночку. И подстраховы-

ваться не стану. Мне нравится, как он сложен. Гораздо больше, чем Тэд Бартон.

— Мистер Уилсон, вспомните, какие у Бартона плечи.

— Ну, плечи—это еще не все. Вы мне дайте энергию, темперамент, породу. Вот что нужно для победы.

— Ваша правда, сэр, ваша правда!—произнес толстый красноротый трактирщик сладким, маслянистым голосом.— Это как со щенками. Возьмите настоящего чистокровного и выведите его, да он побьет любую дворняжку, самую здоровую, из кожи вылезет, а побьет.

— В нем добрых десяти фунтов недостает,—продолжал ворчать объездчик.

— Во всяком случае, он полусреднего веса.

— Сто тридцать фунтов—вот его вес.

— Ну, нет! Если взвесить, то, пожалуй, все сто пятьдесят потянет.

— Но ведь и Мастер немногим больше весит.

— Сто семьдесят пять.

— Так это у него теперь стало, когда он зажил спокойно и растолстел, а скинь с него жир, и, я уверен, в нем будет чуть больше, чем в этом паренке. Мистер Монтоммери, сколько вы весите?

Это был первый вопрос, непосредственно обращенный к ассистенту. Он стоял среди них, словно лошадь среди барышников, и не знал, сердиться ли ему или смеяться.

— Вы мне? Ровно одиннадцать стоунов¹,—ответил он.

— Я же говорил, он полусреднего веса.

— А если вас потренировать с недельку, тогда сколько?—спросил трактирщик.

— Я и так каждый день тренируюсь.

— Ну, он, безусловно, в форме, если можно так выразиться,—заметил объездчик.— Но обычная тренировка—это совсем не то, что с тренером. При всем моем уважении к вашему мнению, мистер Уилсон, держу пари, что с него сойдет не менее полстоуна веса за это время.

Юный кембриджец взял ассистента одной рукой за плечо, другой за кисть и, резко согнув его руку в локте, пощупал бицепс. Тот, круглый и твердый, как крикетный шар, перекатился под его пальцами.

— Ну-ка, потрогайте!—сказал он с восхищением.

Трактирщик и объездчик оцупали бицепс. Их лица выразили почтение.

— Ничего себе... Малый что надо,—проворчал Пэрвис.

— Джентльмены,—сказал Монтоммери,— вы должны признать, что я был достаточно терпелив. Я выслушал ваше мнение о моих внешних данных. Будьте добры, потрудитесь теперь объяснить, в чем дело?

Все снова уселись с важным и деловым видом.

— Сделать это просто, мистер Монтоммери,—сказал трактирщик заискивающе,—но прежде, чем что-нибудь говорить, нам надо основательно подумать, следует ли, так сказать, вообще говорить. Мистер Уилсон считает, что следует, а вот Фоссет думает иначе. А у него такие же права, как и у нас, он также участвует в пари и к тому же член организационного комитета.

— По-моему, он немного жидковат,—сказал объездчик, по-прежнему постукивая металлической рукояткой хлыста по своим слегка выступающим зубам.— Но кто знает, может быть, он и выстоит... Парень он крепкий, скроен ладно, так что если вы, мистер Уилсон, намерены поставить на него...

— Без всяких «если».

— А вы, Пэрвис?

— Я не из тех, кто отступает, Фоссет.

— Ну что ж, в таком случае рассчитывайте и на мой пай.

— Я был уверен, что вы не отступите от своего слова,—заметил Пэрвис.— Еще не случалось, чтобы Исаак Фоссет нарушил компанию. Так, значит, мы втроем собираем сотню фунтов на приз и организуем встречу—если, конечно, этот молодой человек ничего не имеет против.

— Мистер Монтоммери, вы извините нас за весь этот вздор,—сказал студент из Кембриджа добродушно.— Я понимаю, мы начали не с того конца, но это легко поправить и... надеюсь, вы скоро с нами согласитесь. Помните парня, которого нокаутировали сегодня утром? Знаете, кто он? Это Бартон, знаменитый Тэд Бартон.

— Уверю вас, сэр, вы можете гордиться тем, что нокаутировали его в первом же раунде,—вмешался в разговор трактирщик.— Даже сам Морис—чемпион весом в десять стоунов и шесть фунтов—изрядно повозился, прежде чем уложить Бартона бай-бай. Вы чисто сработали, сэр, и, думаю, при желании сработаете еще лучше.

— Я никогда не слышал о Тэде Бартоне и узнал о

нем только сегодня,—сказал ассистент доктора Олдакра.

— Так вот, Бартон—это форменный бандит,—сказал объездчик.— Очень хорошо, что вы его проучили, а то он совсем распустился. Чуть что—так ругаться, а затем и руки в ход. Да и выражения-то выбирает все такие, за которые в суде берут по пять шиллингов за слово. Теперь он поостережется совать свои кулачища в нос каждому встречному-поперечному. Впрочем, это к делу не относится...

Монтоммери смотрел на них в замешательстве.

— Ради бога, господа, скажите мне наконец, что вы от меня хотите?

— Мы хотим, чтобы вы выступили на ринге против Сайласа Крэгза, более известного как Мастер из Кроксли.

— С какой стати?

— А с такой, что в следующую субботу с ним должен был драться Тэд Бартон. Он наш чемпион по боксу и выступает за зешние каменноугольные копи, а Мастер выступает за чугунолитейный завод в Кроксли. Мы выставяем своего боксера против Мастера на пари. Приз—сто фунтов. Но вы нашего чемпиона вывели из строя: на что он теперь годится с двухдвоймовой дырой в черепе? Остается одно—кто его вывел из строя, тот и должен его заменить. Если вы уложили Тэда Бартона, значит, можете уложить и Мастера из Кроксли. Если откажетесь, то мы прямо не знаем, что делать. Здесь больше нет никого, кто мог бы выступить против Крэгза. Условия такие: двадцать раундов, перчатки весом в две унции, квинсберийские правила, и если вы выстоите до конца, то победа присуждается по очкам.

Предложение было столь нелепо, что в голове у Монтоммери все спуталось. Но вдруг его осенило.

Сто фунтов!.. Деньги, которые ему так нужны, чтобы получить диплом врача, будут в его руках, если только эти руки окажутся достаточно сильными, чтобы взять их. Только сегодня утром он с горечью думал, что для его физической силы нет применения, а тут оказывается, он может своими кулаками заработать за один час столько, сколько мозгами не заработает и за год.

Все же он колебался.

— Как же я буду выступать за каменноугольные копи,—спросил он,—когда не имею к ним никакого отношения?

— Как не имеете?—воскликнул старый Пэрвис.— В условиях ясно сказано: «Всякий, кто хоть как-то связан с каменноугольными копиями»... Доктор Олдакр—врач каменноугольного клуба, вы его помощник. Что еще нужно?

— Тут полный порядок,—заверил юнец из Кембриджа.— Ох, и выучите же вы нас, мистер Монтоммери. Мы сели в такую галошу, просто беда! Вам, может, неудобно брать деньги? Тогда в случае победы мы преподнесем вам какой-нибудь ценный подарок: скажем, часы, кубок или что-либо иное. Вы лишили нас чемпиона, поэтому мы вправе требовать от вас возмещения убытков.

— Дайте мне немного подумать, джентльмены. Уж очень все это неожиданно. Да и доктор, боюсь, не разрешит мне уйти с работы... Да, да... наверняка не разрешит.

— Он и знать ничего не будет. Во всяком случае, до боя. Согласно условиям, мы можем не говорить, кто будет нашим боксером. Лишь бы он в день встречи весил сколько положено, а остальное никого не касается.

Монтоммери решился:

— Джентльмены!—сказал он.— Я согласен.

Трио вскочило на ноги. Трактирщик схватил его за правую руку, объездчик за левую, а юный кембриджец хлопнул по спине.

— Молодец, молодец!—прохрипел трактирщик.— Ну, мил человек, если ты побьешь его, то в один день из заурядного докторишки превратишься в самого известного человека во всей округе, вплоть до Бредфорда. Да если ты побьешь Мастера из Кроксли, то в моих «Четырех кулах» до конца твоих дней тебе будет обеспечено даровое пиво.

— Ей-богу, сэр,—говорил юный Уилсон,—если вы выиграете, то вся местная клиентура окажется в вашем кармане, если вы, конечно, захотите здесь остаться работать. Вы знаете флигель в моем саду?

— Тот, что у дороги?

— Да, я его переоборудовал в спортзал для Тэда Бартона. Там вы найдете все, что нужно: биты, боксерскую грушу, планки, гантели, гири и тому подобное. Вам потребуется партнер для тренировок. Обычно вместе с Бартоном работал Огилви, но нам кажется, что для вас он будет слабоват. Может быть, Бартон? На вас он в общем-то не в обиде, да и вообще он парень неплохой, хотя и любит задира чужих. Он рад будет тренироваться с вами, назначьте только время.

— Благодарю вас, о времени я сообщу,—ответил Монтоммери.

¹ Стоун равен 14 английским фунтам (6,34 кг.).

Три организатора матча, довольные, отправились по своим делам.

Роберт еще немного задержался в приемной, размышляя о случившемся. Боксом он начал заниматься в университете, где его тренировал человек, бывший в свое время чемпионом в среднем весе. Правда, тренер давно уже пережил свою славу и стал медлителем, в движениях его появилась некоторая скованность, но он все еще оставался опасным противником. Однако в конце концов Монтгомери стал побивать собственного учителя. На университетских соревнованиях он даже получил медаль, и его тренер любил повторять, что никогда не имел более способного ученика, чем Роберт. Он стал усиленно уговаривать его принять участие в чемпионате боксеров-любителей, но Роберт не испытывал особого желания отличиться на этом поприще. Все же один раз он дрался в ярмарочном балагане с Хэммером Танстелом — боксером-профессионалом и выдержал три жарких раунда. Правда, он потерпел поражение, но заставил-таки своего противника попотеть. Вот и весь его послужной список боксера. Хватит ли у него умения, чтобы выступить против Мастера из Кроксли?.. Впрочем, какое это имеет значение? Если он победит, то получит деньги, которые ему нужны позарез, если нет — что ж, получит хорошую трепку, только и всего. Такое наказание он примет, не дрогнув, в этом он уверен. Даже если победить имеется один шанс из ста, и то стоит попытаться счастья.

Его размышления прервал доктор Олдакр, только что вернувшийся из церкви, — в руках он держал огромный молитвенник.

— Мистер Монтгомери, я замечаю, что вы совсем не ходите в церковь, — сказал он холодно.

— Да все некогда, сэр. Дела.

— Жаль, жаль. Мне бы очень хотелось, чтобы мои люди служили примером для других. Здесь в округе так мало образованных людей, что на нас ложится особая ответственность. Если мы сами не на высоте, то как можно требовать этого от бедных рабочих? Страшно даже подумать, что прихожан нашей церкви больше занимает предстоящий кулачный бой, чем их религиозные обязанности.

— Кулачный бой, сэр? — спросил виновато Монтгомери.

— Я полагаю, это самое подходящее название для готовящейся драки. Один из моих пациентов сказал мне, что все только о ней и говорят. Какой-то местный хулиган, кстати сказать, тоже наш пациент, будет драться в перчатках с боксером из Кроксли. Я не понимаю, как власти не вмешаются и не остановят столь безнравственное представление! Ведь выступления кулачных бойцов за деньги запрещены законом!

— Но вы же сказали, что бой будет в перчатках.

— А, что там! Мне сообщили, что двухушечные перчатки — это всего-навсего уловка, чтобы обойти закон и воспрепятствовать вмешательству полиции. Драться-то они все равно будут за деньги. Прямо в голову не укладывается — не правда ли? — что подобные вещи творятся всего в нескольких милях от нашего мирного домашнего очага. Вот почему вы должны понять, мистер Монтгомери, что, пока существуют факторы, противодействующие нашему влиянию, мы должны быть особенно требовательны к себе.

Проповедь доктора Олдакра произвела бы должный эффект, если бы Монтгомери не имел возможности, причем не раз и не два, убедиться на собственном опыте, что стоят его слова. Всегда легче оправдать свои грехи, указывая пальцем на чужие. Совесть у Монтгомери была чиста. Он понимал, что из всех лиц, имеющих отношение к кулачным боям — антрепренеров, держателей пари, зрителей, — боксер занимает наиболее честную и благородную позицию. Выносливость и храбрость — это добродетели, а не пороки, и грубость в конце концов лучше изнеженности.

На углу улицы была маленькая табачная лавочка, куда Монтгомери обычно заходил за дубровкой, попутно получая у продавца, словоохотливого малого, знающего все, что творится в округе, массу сведений о местных делах. В тот же день после чая Роберт завернул в лавочку и в разговоре словно невзначай спросил у продавца, слышал ли тот когда-нибудь о Мастере из Кроксли.

— Слышал ли я о нем?! — чуть не задохнулся от изумления маленький продавец. — Да это же самый известный человек во всей округе! В Западном Райдинге имя его знают так же хорошо, как имя победителя дерби. Бог ты мой!..

Лавочник на минуту прервал свою речь и принялся рыться в ворохе старых газет.

— Сейчас вокруг него опять подняли шум: говорят, он будет драться на ринге с нашим Тэдом Бартоном. Поэтому газета «Кроксли Геральд» опубликовала его биографию... Ага! Вот она! Вы можете сами прочесть тут все...

Газета отвела Мастеру из Кроксли целую полосу, в центре поместила его портрет — грубую гравюру на дереве: голова и торс в открытой вязаной майке. Судя по портрету, лицо Мастера, злое и волевое, было лицом развратника: гладко выбритое, с густыми бровями, свирепым оскалом, тяжелой, как у бульдога, челюстью, маленькими злыми глазами и обрюзглыми толстыми щеками. Могучая шея переходила в монолитные плечи, которые под рукой местного художника вышли прямо гигантскими. Над портретом стояла надпись: «Сайлас Крэгз», а ниже: «Мастер из Кроксли».

— Вы тут узнаете о нем все, — повторил лавочник. — О, он бедовый парень, этот Мастер, и мы гордимся тем, что он живет в нашем округе. Если бы он не сломал ногу, то давно бы чемпионом Англии стал.

— Сломал ногу, говорите?

— Да, причем она плохо срослась. Его даже за глаза называют раскорякой. Ноги у него подкачали, но зато руки... О, если бы к этим рукам еще ходили хорошие, я бы посмотрел, кто стал чемпионом Англии!

— Разрешите мне взять газету с собой? — попросил Монтгомери. Он сунул газету в карман и отправился домой.

Статья была не особенно утешительной для него. В ней приводилась полная биография Мастера, перечислялись его многочисленные победы и совсем немногие поражения.

«Сайлас Крэгз, более известный в спортивных кругах как Мастер из Кроксли, — писал местный биограф. — родился в 1857 году, так что в настоящее время ему почти сорок лет...»

«Черт возьми, мне-то двадцать три», — подумал Монтгомери и несколько приободрился.

«...Еще с юных лет, — продолжал читать он, — проявились его удивительные способности к боксу, и он, побив многих своих соперников, стал признанным чемпионом округа и заслужил тот почетный титул Мастера, который продолжает носить и по сей день... Стремясь к славе, он нашел себе покровителя и в мае 1880 года впервые встретился на ринге с Джеком Бартоном из Бирмингема. Матч проводился в старом Лотеровском спортивном клубе. Крэгз, весивший тогда десять стоунов и два фунта, великолепно провел все пятнадцать потрясающих по своей стремительности раундов и, выиграв по очкам, получил приз Централных графств Англии. Затем, победив подряд Джеймса Данка из Розерхита, Камеруна из Глазго и юношу по имени Ферни, он настолько возомнил о себе, что вызвал на бой Эрнста Виллокса, бывшего в то время чемпионом Северной Англии в среднем весе, и в упорном бою победил последнего, нокаутировав его в десятом раунде.

Казалось, еще немного — и юный йоркширец станет первой перчаткой страны, но судьба сыграла с ним злую шутку, и он вышел в тираж самым неожиданным образом.

Однажды его лягнула лошадь — он получил перелом ноги и целый год провалялся в постели. Кости срослись неправильно, и, вернувшись на ринг, он убедился, что значительно утратил свою былую подвижность. Именно это и только это обстоятельство явилось причиной того, что в седьмом раунде он потерпел поражение от Виллокса, того самого Виллокса, которого год назад нокаутировал, потом его победил Джеймс Шоу из Лондона, хотя впоследствии он признавал, что Крэгз был самым сильным противником, с которым ему довелось встречаться.

Однако неудачи не сломили духа Сайласа Крэгза; учитывая свой физический недостаток, он выработал новый стиль боя и вновь стал побеждать своих противников.

В 1891 году, когда он вел победоносный бой с Джимом Тейлером, австралийским боксером среднего веса, судейская коллегия обвинила его в применении запрещенных приемов. С этого времени он почти ни разу не выступал на ринге, если не считая тех встреч, которые организовали местные любители, желающие понять разницу между дракой в пивной и классическим боксом. На днях несколько таких любителей объявились на каменноугольных копях Уилсона. Они обещают собрать на приз сто фунтов и выставить своего боксера против Мастера. О том, кто этот боксер, ходят различные слухи, но наиболее часто упоминается имя Бартона. Однако ставки — семь против одного за Сайласа Крэгза — служат прекрасным доказательством тому, на чьей стороне публика.

Монтгомери прочел статью дважды и серьезно призадумался. Да, нелегко ему будет: ведь драться придется не с каким-нибудь местным дилетантом, а с первоклассным или почти первоклассным боксером. Правда, кое-что говорит и в его пользу, и этим он, конечно, должен воспользоваться. Во-первых, возраст — двадцать три против сорока. Старая боксерская поговорка гласит: «Моло-

дость свое возьмет». Однако анналы ринга знают массу исключений из этого правила. Старый, опытный боксер, хладнокровный и мужественный, знающий все уловки, всегда сумеет задать трепку любому молокососу, даже если будет старше последнего на десять — пятнадцать лет. Поэтому полагаться на молодость особенно не следует. Правда, есть еще одно важное преимущество — Мастер хром. И, наконец, вполне можно рассчитывать, что Мастер, уверенный в своей победе, будет менее тщательно готовиться к предстоящему матчу, поскольку вряд ли захочет менять свои привычки перед встречей на ринге с каким-то любителем. А подобное всегда может случиться с человеком его лет и установившихся взглядов. Монтгомери молил судьбу, чтоб так именно и оказалось. Но пусть будет даже не так, пусть его противник самый лучший из всех, кто когда-либо ступал на ринг, говорил себе Монтгомери, что из того? Ведь он-то сам понимает, что нужно делать. Он должен очень тщательно, не упустив ничего, подготовиться к матчу и сделать все, что требуется от него самого. Роберт достаточно хорошо знал о той существующей в боксе, да и в любом другом виде спорта, разнице между любителем и профессионалом. Спокойствие, сила удара, а самое главное, умение терпеливо переносить чужой удар — все это имеет очень большое значение. Натренированные, упругие, словно гуттаперчевые брюшные мускулы закаленного боксера, не дрогнув, воспримут такой удар, от которого другой человек будет валяться на полу, корчась от боли. Этого, разумеется, за неделю не добьешься, однако все, что можно сделать за неделю, необходимо сделать.

Данные у Роберта были хорошие. Ростом он был пять футов и одиннадцать дюймов. А такой рост, как говорят старые боксеры, вполне достаточно для любого двуногого. Гибкий и худощавый, он обладал ловкостью пантеры и невероятной выносливостью. Мускулы у него были железные, хотя основная его сила заключалась не в мускулах, а в той высшей нервной энергии, которую не измерит рулеткой. Нос у него был с горбинкой, а глаза большие и широко расставленные, таких глаз у трусов не бывает. Ко всему прочему, ему придавало силы сознание, что от исхода боя зависит его будущность.

На утро следующего дня три члена организационного комитета, придя в спортзал, только руки потирали от удовольствия, видя, что Монтгомери вытворит с боксерской грушей. Фоссет — объездчик, который только перед этим послал телеграмму, чтобы поставить для страховки на обоих боксеров, немедленно отменил свой приказ и поставил на Монтгомери еще пятьдесят фунтов по ставке семь к одному.

Труднее всего было выкроить время для тренировок так, чтобы об этом не узнал доктор. Работа занимала большую часть дня, но визиты к больным приходилось делать пешком, причем на довольно значительные расстояния, что само по себе явилось неплохой тренировкой. Остальное время Монтгомери работал с боксерской грушей: утром и вечером по часу занимался с гантелями и гирилами и два раза в день боксировал с Тэдом Бартоном, стремясь получить от этой стремительной драчливой машины о двух руках как можно больше. Бартона приводили в восторг смекалка и быстрота реакции Роберта. Но в силе его ударов он сомневался. В основу собственного стиля боя он положил сокрушительный удар и требовал того же от других.

— Бог ты мой, да разве это удар для человека весом в одиннадцать стоунов! — кричал он. — Ты бей так, чтобы Мастер хоть почувствовал, что с ним дерутся. Ага, вот это лучше, милоч... так... так... Вот это здорово! — добавил он, когда Роберт свирепым ударом отбросил его чуть ли не через весь ринг в правый угол. — Вот это я понимаю. Так ты, может, и победишь!

Когда Монтгомери серией мощных ударов загнал его в угол, Бартон от удовольствия даже рассмеялся:

— Э, милоч, да ты делаешь успехи! Чуть было не сбил меня с катушек! Ну-ка еще разок, так... еще разочек...

Единственное, что не ускользнуло от доктора, — это диета, которую начал соблюдать Монтгомери.

— Извините меня за замечание, мистер Монтгомери, — сказал как-то Олдакр, — но я вижу, вы стали чересчур привередливы к пище. Такая блажь вряд ли должна поощряться в ваши годы. Почему, например, вы едите и первое и второе с гренками, а не с простым хлебом?

— Просто мне так больше нравится, сэр.

— Но ведь это создает дополнительную работу кухарке. Вот я замечаю, вы и картофеля совсем не употребляете...

— Да, сэр. Я решил, что так будет лучше для моего здоровья.

— Ну знаете ли. Так вы и пиво больше не пьете?

— Нет, сэр.
— Должен сказать, мистер Монтгомери, я против подобных капризов. Подумайте только, сэр, сколько на свете живет людей, для которых эта картошка и это пиво подчас недоступное лакомство.
— Не сомневаюсь, сэр. Но тем не менее предпочитаю обходиться без них.
Они были за столом одни, и Роберт решил, что сейчас самое время отпроситься с работы на день состязания.
— Доктор Олдакр,— обратился он к своему патрону,— я был бы вам весьма признателен, если бы вы в ближайшую субботу отпустили меня с работы.
— Это не совсем удобно, мистер Монтгомери. Суббота — горячий день.
— В пятницу я сделаю в два раза больше, и все будет в порядке. Притом к вечеру я уже вернусь.
— Боюсь, что из этого ничего не выйдет.
Положение становилось затруднительным. Если его не отпустят, придется уйти без разрешения.
— Доктор Олдакр, помните, когда я поступал к вам, мы договорились, что раз в месяц у меня будет выходной день. Я еще ни разу не пользовался этим правом, но сейчас есть причины, которые вынуждают меня просить в субботу выходной.
Доктор сдался весьма и весьма неохотно.
— Разумеется,— кисло сказал он,— если вы настаиваете на своих формальных правах, то нечего и говорить, хотя, на мой взгляд, это показывает ваше безразличие к моим личным интересам и интересам дела. Вы продолжаете настаивать?
— Да, сэр.
Доктор Олдакр кипел от злости, но Монтгомери был слишком ценный помощник — спокойный, способный, трудолюбивый, и доктору совсем не хотелось терять его. Взять хотя бы случай, когда тот просил денег взаймы. Ведь дать их ему — значило пойти против собственных интересов, ибо никакого желания, чтобы Монтгомери окончил университет, у доктора не было. Наоборот, он только того и желал, чтобы Роберт вечно оставался у него в помощниках и работал тем усерднее, чем ниже была его зарплата.
В настойчивости юноши, в спокойной решимости, слышавшейся в его голосе, когда он заявил о своих правах, было что-то такое, что возбудило любопытство доктора.
— Я не хочу вмешиваться в ваши дела, мистер Монтгомери, но скажите, уж не собираетесь ли вы провести субботу в Лидсе?
— Нет, сэр.
— Тогда на лоне природы?
— Да, сэр.
— Вы поступаете весьма разумно. Спокойный отдых на лоне природы облагораживает человека. И куда вы думаете направиться?
— В сторону Кроксли.
— О, там, за чугунолитейным заводом, прекрасные места. Что может быть лучше, чем греться на солнце, лежа на мягкой мураве с какой-нибудь поучительной книгой? Советую вам посетить развалины храма святой Бригитты — очень интересный памятник раннего нормандского периода. Кстати замечу, тут есть одно препятствие. Ведь, как я уже говорил, в субботу в Кроксли состоится кулачный бой. Соберутся хулиганы, от которых можно ждать чего угодно.
— Благодарю вас, сэр, за предостережение, я постараюсь избежать встреч с ними,— ответил Монтгомери.
В пятницу вечером, накануне боя, в спортзале собрались Уилсон, Пэрвис и Фоссет; они пришли еще раз взглянуть на своего боксера. Роберт в это время делал небольшую разминку. Он был в великокопной спортивной форме: весь дышал здоровьем, мускулы так и играли, глаза горели энергией и уверенностью. Тройка ходила вокруг него и радовалась.
— Хорош! — воскликнул Уилсон. — Ей-богу, Монтгомери, тренировки пошли вам на пользу. Вы здорово окрепли, и видно, что вы готовы драться не на жизнь, а на смерть.
— Сил, конечно, в нем прибавилось,— сказал трактирщик,— только вот в поясе он, по-моему, немного жидковат.
— Каков вес сегодня?
— Десять стоунов одиннадцать фунтов,— ответил помощник доктора.
— Хм... Только три фунта спустил за неделю,— заметил обезданчик.— Верно он тогда сказал — он и впрямь был в форме. Да... Материалец что надо, да только хватит ли его? — говоря это, он задумчиво тыкал прямо в ребра Монтгомери, словно перед ним стояла одна из его лошадей.
— Я слышал, что Мастер и после тренировки весит сто шестьдесят фунтов.
— Но он, небось, не прочь скинуть парочку-другую из них,— возразил Пэрвис.— Мне говорили, что он никак не может отказаться от пива, и если бы не эта рыжая стерва, что ходит с ним, ему бы это ни в

жизнь не удалось. На днях она чуть глаза не выпарапала официанту из «Чекверса», когда тот принес Мастеру галлон пива. Говорят, эта особа и любовница его и партнер во время тренировки. Бедная-то жена все глаза выплакала. Эй, пацан, тебе чего здесь надо?
В проеме распахнутой двери спортзала стоял незнакомый паренек лет пятнадцати, грязный и черный от масла и копоти. Он шагнул было в желтый круг света, отбрасываемый керосиновой лампой, но Тэд Бартон схватил его за шиворот:
— Куда, щенок, лезешь? Здесь чужим не место. Ну-ка мотай отсюда, нам шпиков не надо.
— Мне нужно кое-что сказать мистеру Уилсону.
Юный кембриджец выступил вперед.
— Слушай, мальш. В чем дело?
— Я насчет завтрашнего боя, мистер Уилсон. Хочу рассказать вашему парню кое-что о Мастере.
— Послушай, мальчик, нам некогда слушать всякие басни. О Мастере мы и так все знаем.
— То-то и оно, что не все. Никто не знает, кроме меня и моей матери. Поэтому мы и решили рассказать вашему боксеру: уж очень нам хочется, чтоб он как следует надавал этому Мастеру.
— Вон чего ты хочешь! Что ж! Мы тоже этого хотим. Так что же ты нам хотел рассказать?
— Это ваш боксер, сэр?
— Предположим. Что дальше?
— Тогда я ему скажу! Мастер слеп на один глаз. Д-да!
— Ерунда!
— Нет, не ерунда. Он не совсем слеп, а почти. Он скрывает это, но мы-то с матерью знаем. Нападай на него с левой стороны — и он с тобой ничего не сделает. И смотри за ним, когда он опустит правую руку. Это он готовит коронный удар — апперкот правой. Им Мастер обычно кончает бой, так говорят у нас на заводе. Это страшный удар! Берегись его!
— Спасибо, мальчик. Насчет слепоты — это стоящая штука,— сказал Уилсон.— Но откуда ты все это знаешь, а? Сам-то ты кто?
— Я его сын, сэр.
Уилсон присвистнул.
— Так кто же тебя послал к нам?
— Мать послала. Ну, мне пора.
— Пстой, стой. Возьми-ка эти полкроны, мальш.
— Не-е, не надо. Я пришел сюда не из-за денег. Я пришел...
— Из-за любви,— подсказал трактирщик.
— Нет, из-за ненависти! — сказал мальчик и растворился в ночной темноте.
— Сдается мне, что рыжая-то стерва причинила Мастеру больше вреда, чем пользы,— сказал трактирщик.— Ну, мистер Монтгомери, на сегодня хватит. Лучшая тренировка перед боем — это сон этак минуток на шестьсот. Надеюсь, завтра к этому времени вы вернетесь сюда целым и невредимым с сотней фунтов в кармане. Спокойной ночи.
На чугунолитейном заводе и угольных копях работу закончили в час дня — в три начинался бой. С доменных печей Кроксли, уилсонских каменноугольных копей, хертенской шахты, фабрик Додра, сталеплавильных заводов Ливерворса — отовсюду двинулись на матч рабочие; каждый шел в сопровождении собственного фокстерьера или овчарки. Задавленные тяжелым трудом, полудуревшие от изнурительной работы, согбенные от долгого пребывания в низких штреках и штольнях или полуслепшие за годы, проведенные у раскаленного добела жидкого металла, эти люди скрашивали свою суровую и подчас бесприветную жизнь спортом. Спорт был их единственной отрадой, только он хоть немного отвлекал их мысли от жалкой действительности, пробуждал в них какие-то надежды и стремления за пределами того черного заколдованного круга, в котором они пребывали. Наука, литература и искусство — все это находилось за пределами их возможностей, зато бега, футбольные матчи, крикет, бокс были им вполне понятны и доступны. Тут они могли с уверенностью спорить о событиях спортивной жизни, делать прогнозы и предположения на будущее.
Стоял теплый майский день с переменной погодой: то светило солнце, то лил дождь. Роберт все утро провел в аптеке — готовил лекарства.
— Мистер Монтгомери, погода, видимо, так и не установится? — заметил доктор.— Я склонен думать, что вам стоит отложить свою прогулку до лучших времен.
— Боюсь, что мне придется сегодня идти, сэр.
— Хи, а мне тут как раз прислали записку: миссис Поттер, знаете, та, что живет на другом конце Энглтона, хочет повидаться со мной. Будет крайне неудобно оставить дом на столь долгое время без присмотра.
— Извините, сэр, но мне нужно уйти,— упрямо заявил ассистент.
Видя, что спорить бесполезно, доктор сел в коля-

ску и уехал в отвратительнейшем настроении. Как только коляска скрылась из виду, Монтгомери вздохнул с облегчением. Он тут же поднялся в свою комнату и уложил в саквояж трусы, майку, тапочки и спортивный пояс. Спустившись, он застал в приемной мистера Уилсона.
— Я слышал, доктор уехал? — спросил тот.
— Да, и кажется, на целый день.
— Впрочем, я полагаю, это не имеет значения,— заметил Уилсон.— Все равно к вечеру ему все станет известно.
— В том-то и дело, а для меня, мистер Уилсон, это не шутка. Конечно, если я выиграю, тогда все в порядке. Нет нужды скрывать, что сотня фунтов существенно меняет дело. Но если я проиграю, тогда я потеряю свое место, потому что, как вы сами сказали, скрыть от доктора ничего не удастся.
— Не беспокойтесь! Мы о вас позаботимся. Меня только удивляет, как это доктор ничего до сих пор не знает. Ведь в округе только и говорят о том, что драться с Мастером будете вы. Мы из-за этого даже слегка повздорили с Эрметейдом, главным меценатом Мастера. Он стал было доказывать, что вы не имеете права выступать за наш спортклуб, пока сам Мастер не заявит, что будет драться с вами и ему наплевать, имеет ли право или нет. Но поскольку Эрметейдж вложил в это дело деньги, он, если бы захотел, мог устроить нам какую-нибудь неприятность, поэтому мне пришлось разъяснить ему, что вы удовлетворяете всем условиям пари, и ему в конце концов пришлось согласиться, что тут полный порядок. Они там рассчитывают на легкую победу.
— Ну что же, я приложу все силы, чтобы доказать обратное,— сказал Роберт.
Они завтракали вместе. Трапеза прошла молча и несколько напряженно: Монтгомери не переставал думать о предстоящем бое, Уилсон же о том, сколько денег он просадит в случае поражения.
Парокопный экипаж Уилсона ожидал их у крыльца. В ушах впряженных в коляску лошадей торчали бело-голубые розетки — спортивные цвета уилсонских каменноугольных копей, известные многим по футбольным матчам.
Несколько сот рабочих с женами и детьми столпились у ворот аллеи, ведущей к аптеке. Они шумно приветствовали экипаж. Ассистент доктора Олдакра все происходящее казалось сказочным сном — в его жизни это было самое необыкновенное и захватывающее приключение, тем более необыкновенное и захватывающее, что это именно вокруг него разгорелись человеческие страсти. Откинувшись на подушку, Монтгомери сидел в закрытой коляске и видел, как изо всех окон и дверей шахтерских домиков люди махали ему носовыми платками, выкрикивали приветствия. Уилсон прикол отом на лацкан бело-голубую розетку, и теперь каждый знал, кто будет драться в предстоящем бою.
«Счастливого пути, сэр!», «Желаем удачи!» — неслось со всех сторон. Монтгомери чувствовал, что он напоминает какого-то малоромантического героя, спешащего на грубый рыцарский турнир, хотя в то же время во всем происходящем был и какой-то элемент благородства. Ведь он отправляется на бой и будет драться не только за себя, но и за других — за своих болельщиков. Он может пасть в бою из-за неумения или нехватки сил, но в глубине души он поклялся, что это произойдет не из-за недостатка мужества или отваги.
Они проехали мимо Фосгета, взбравшегося в эту минуту на свою высоченную двуколку. Он помахал им кнутом и плюхнулся в коляску.
Затем они нагнали Пэрвиса, красного, как помидор, трактирщика с его супругой, восседавшей в праздничной шляпке и нарядке, и наконец врезались в людской поток. По мере приближения к Кроксли их украшенный розетками парокопный экипаж превратился в ядро кометы, с теряющимся вдаль блестящим хвостом. По обе стороны дороги катились шахтерские повозки — грубые и ветхие рессорные двуколки, потемневшие от времени и непогоды, переполненные шумными, сквернословящими, но добродушными болельщиками. Эта буйная процессия растянулась по дороге чуть ли не на четверть мили. Слышались брань, щелканье кнутов, свист, крики и топот копыт. Всадники, пешеходы, повозки — все смешалось в одну кучу и двигалось в сторону Кроксли. Вдобавок ко всему этому, цокая копытами и бряцая оружием, на дорогу вступил кавалерийский эскадрон территориальной конницы, проводивший в этих местах свои ежегодные учения. Он двинулся позади экипажа Уилсона, как бы составив почетный эскорт. Сквозь поднявшееся облако пыли Монтгомери видел медные каски, яркие мундиры, покачивающихся головами боевых коней, веселые, загорелые лица кавалеристов. Теперь больше, чем когда-либо, все походило на сон.

Окончание следует.

Рисунок
Андрея БИЛЬЖО

Рисунок
Владимира СПЕЛЬНИКОВА

Рисунок Александра МОРЕВА

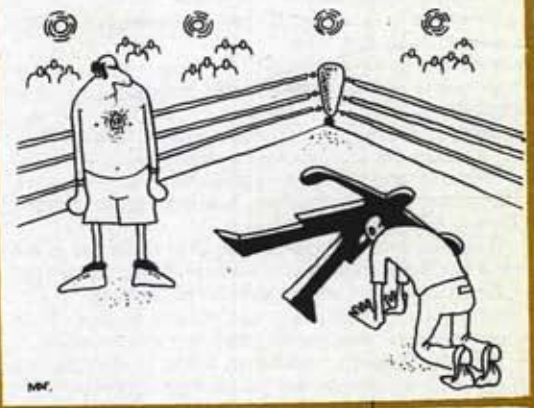

Рисунок
Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО

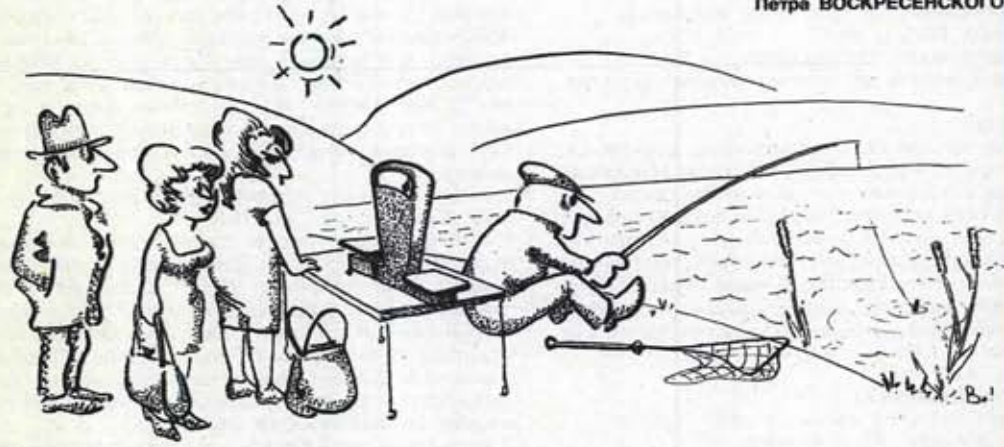
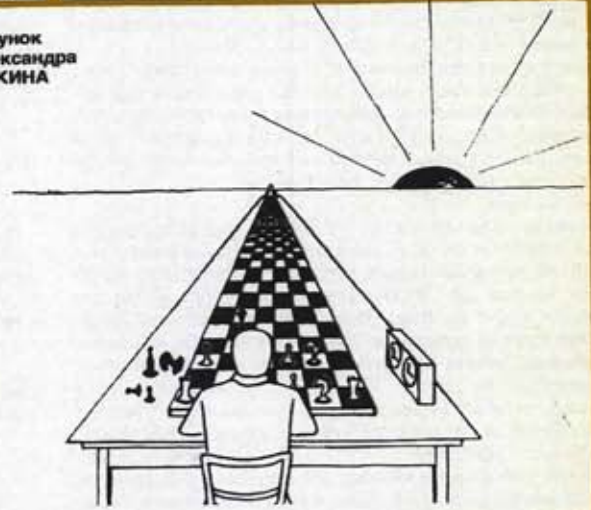

Рисунок
Александра
ЯШКИНА

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ XX ОЛИМПИАДЫ

XX шахматная олимпиада «Смены» оказалась одной из самых массовых (в ней, включая турниры новичков, участвовало более 34 тысяч любителей шахмат из многих районов нашей страны и из-за рубежа).

По итогам олимпиады 12170 че-

ловек впервые получили спортивные разряды или повысили свою шахматную классификацию.

6 победителей, 25 других отличившихся участников этого массового заочного соревнования и большая группа активных организаторов турниров награждены специальными дипломами, а также шахматной литературой или фотоснимками выдающихся советских гроссмейстеров.

Редакция «Смены» искренне

поздравляет лауреатов финишировавшей олимпиады, новый отряд шахматистов-разрядников и благодарит всех, кто вышел на старт и проявил интерес к этому традиционному читательскому шахматному соревнованию.

Вот имена шести победителей XX олимпиады, пришедших к финишу с одинаковым результатом — каждому из них жюри присудило по 111 баллов из 120 возможных. Это — Григорий Иризаев, слесарь завода двигателей КамАЗа из Набережных Челнов, Наталья Карелина, техник-чертежник и студентка политехнического института Караганды, Василий Королев, монтер связи междугородной телефонной станции Саратова, Елена Малиночка, дизелист электростанции острова Айон Чукотского национального округа Магаданской области, Игорь Подрезенко, инженер-гидрогеолог из Днепропетровска, и Роберт Слякаев, электрик Андижанского механического завода из Узбекистана.

По предложению жюри редакция отмечает также олимпиадные достижения участников, набравших от 106 до 109 баллов. В эту группу входят электромонтер Сергей Антонов (г. Кашира), офицер воздушно-десантных войск Николай Бантыш, студентка университета Вера Гаврилина (г. Горький), аппаратчик Фергат Гатиятуллин (г. Заравшан, Бухарская область), врач Каратай Дузелов (пос. Джалабаш, Кызыл-Ординская область), столяр Рашль Зинатуллин (г. Уфа), школьник Александр Калинин (пос. Ватулинка, Московская область), секретарь парткома совхоза Юрий Колязинов (пос. Моровино, Ленинградская область), газосварщик Сергей Куликов (г. Петрозаводск), директор средней школы Евгений Ломов (пос. Ладва, Карельская АССР), меха-

ник таксомоторного парка Леонид Майков (г. Йошкар-Ола), токарь Владимир Матросов (г. Тольятти), председатель Исполкома сельсовета Гурам Мжаванадзе (село Рохи, Грузинская ССР), старший продавец Ирина Никитина (г. Ленинград), электрослесарь Иван Орешков (г. Барановичи), кандидат экономических наук Христофор Паркшейн (г. Москва), инженер-регуляторщик Ирина Пустолякова (г. Ижевск), мастер электростанции Аркадий Сняжков (г. Салехард, Тюменская область), инженер-строитель Константин Стоянов (г. Варна, Болгария), сварщик Мавлябек Умаралиев (г. Фрунзе), инженер Наиля Халыпова (г. Казань), старший техник Татьяна Харламова (г. Томск), музыкант Виктор Чехлыстов (г. Барнаул), обжигальщик эмали Валерий Шумский (г. Фастов, Киевская область) и слесарь Леонид Юрлов (г. Орел).

Ниже следуют краткие ответы на композиции и фрагменты из заданий этой олимпиады.

Первый тур — 1. Фh3 Кр:d7 2. Лd4X; 1. ... С:h4 2. gh Лf3 3. ef gf++ 4. Крf1 Фg2+. **Второй тур** — 1. Фа1 Крe2 2. Лg2X; 1. ... Кc5 2. dc Cg4+ 3. hg Ф:g4+ 4. Крd2 Ф:g2 5. Л:f2 Л:f2+ 6. Крd3 Фf1+ 7. Крe4 Лd2 8. Фd5 Фg2+ 9. Крf4 Лf2+. **Третий тур** — 1. e8C Крe6 2. f8C Крf5 3. Cd7X; 1. ... Cd6 2. Cf4 Ф:f4 3. Л:e4 Ф:e4 4. de Ch2+ 5. Кр:h2 Л:d1 6. Л:d1 Крe7 7. f4 Лb8 8. Лd2 Лb3=. **Четвертый тур** — 1. Лd8 Cc4 2. Kb6+ cb 3. Фe5X; 1. ... C:c4 2. bc Лe4 3. Лhf1 Лb8 4. Фc2 Лb1#. **Пятый тур** — 1. f6 Кр:d5 2. e4+ Крc6 3. Фа6X; 1. ... Ф:f2+ 2. Кр:f2 Кg4+ 3. Крf3 e4+ 4. Кр:e4 Кdf6+ 5. Крf3 Ke5+ 6. Крf2 Кf9+ 7. Крg1 Ce3X.

Шестой тур — 1. Крe3 f4+ 2. Крf2 fg+ 3. hgX; 1. Ф:d6 Ф:b2 2. Лd1 Ф:c3+ 3. Cd2 Ф:c4 4. Фd8+

Кр:d8 5. Ca5++ Крe8 6. Лd8X. **Седьмой тур** — 1. Кc6+ Крd6 2. Ка5 Лb2 3. Кc4+ dc 4.0—0+ (но 2. ... Крc5 3. Лb1 Лb4 4. b3 Крb6 5. Ла1 Лb5=); 1. ... Cf3 2. gf Лg5+ 3. Крh1 Фh6 4. Крh2 Лd6 5. Лg1 Ф:h3+ 6. Кр:h3 Лh6X. **Восьмой тур** — 1. h8Ф+ Ф:h8 2. Лf8+ Ф:f8 3. e7+ Фf5 4. С:f5+ Лd7 5. b6 b1Ф 6. С:b1 Л:e7 7. С:g6=; 1. Ке6+ Крf7 2. К6g5+ Крf8 3. Са3 Ф:a3 4. Фе6 Кd8 5. Фf7+ К:f7 6. Ке6+ Крe8 7. Кf6X. **Девятый тур** — 1. Кd5+ Крe4 2. Cf3+ Кр:f3 3. Кd2+ Крg2 4. Кf4+ Крh2 5. Кf3X; 1. ... Лe7 2. Лa8+ Крh7 3. Лh8+ Крh8 4. Фh6+ Ф:h6 — пат (но 1. ... Ф:h5+ 2. Крc1 Кf8+); 1. Ка8 h5 2. Кb6 Cb3 3. Кd7 Cc2 4. Ке5 Ce4 5. Кf7 Cd5 6. Кh6+ Крh7 7. Кf5 Cc4 8. Кd4 Cd5 9. К:c6 C:c6 10. Крf7 Cd5+ 11. Крf8 h4 12. c6 h3 13. c7 h2 14. c8Ф h1Ф 15. g8Ф+ C:g8 16. Фf5+ Крh6 17. Фf6+; 1. Cd1 g4 2. fg C:e3+ 3. Кр:e3 C:g4 4. Ce2 c5 5. Крf2 Ch5 6. Крg2 Крg4 7. Cd1+ Крg5 8. C:h5 Кр:h5 9. Крh3 b6 10. Крg3 Крg5 11. Крf3 Крh4 12. Крf2 Крg4+. **Десятый тур** — 1. g8C C:e2+ 2. C:e2 d1Ф+ 3. C:d1 e2+ 4. Кр:e2 Крg1 5. Cd5 h1Ф 6. C:h1 Кр:h1 7. Крf2 Крh2 8. Cg4 (или 1. Cc2 Cd3 2. Cb3 Cc4 3. Cd1 Cc3 4. g8C); 1. ... Кf8 2. Фh6 Лd7 3. Cd4 Фc7 4. Лf3 Кg6 5. Лb1 Крg8 6. Ф:g7+ Лg7 7. Кh6+ Крh8 8. Лf7 Ф:f7 9. Л:f7 Лg8 10. Лd7 C:d7 11. Кf7X.

Наталья
КАРЕЛИНА

Елена
МАЛИНОЧКА

Григорий
ИРИЗБАЕВ

Игорь
ПОДРЕЗЕНКО

Василий
КОРОЛЕВ

Роберт
СЛЯКАЕВ

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.02.79. Подписано к печати 13.03.79. А 01028. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11;55. Тираж 1150000 экз. Изд. № 776. Заказ № 241. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ТВОЕ НАРА.

Стихи Анатолия СОФРОНОВА

Музыка Вадима ГАМАЛИЯ

*Алеут в степи закаты,
Над морем горит заря.
Уходят служить солдаты,
Своим любимым говоря:*

*Ты будешь со мною всюду.
Я в сердце тебя храню.
Где б ни был — я не забуду
Тебя, любимую мою.*

Припев:

Припев.

*А ты забудь про грусть-кручину,
Пусть сердце девичье молчит,
Тот день настанет —
В знакомый ставень
Солдат твой снова постучит.*

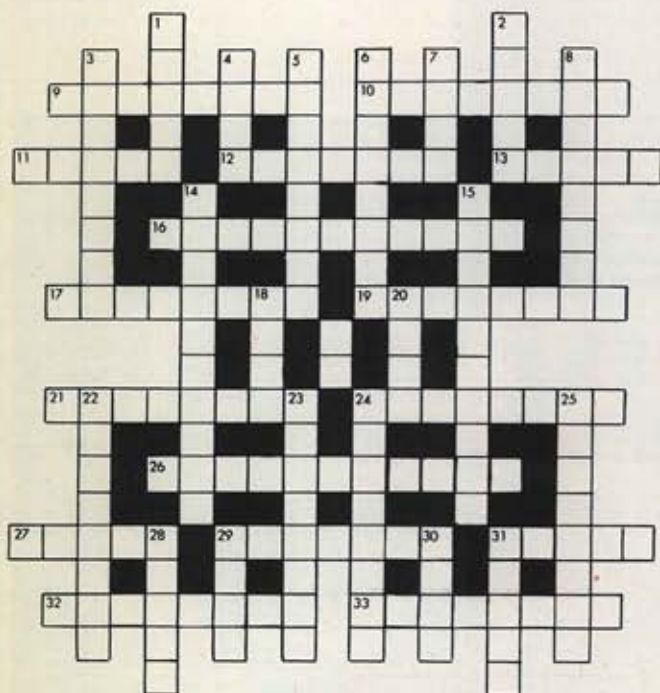
*Солдаты домой вернуться,
Закончив нелегкий путь,
И снова все соберется
В глаза солдатские взглянуть.*

Припев.

ТВОЙ СОЛДАТ

КРОССВОРД

Составил В. Широков,
Москва

По горизонтали:

9. Стихотворение Я. Смелякова. 10. Музыкальное произведение для хора и оркестра. 11. Строительный материал. 12. Повесть Ч. Айтматова. 13. Промысловая морская рыба. 16. Фильм, снятый кинорежиссером С. А. Герасимовым. 17. Разновидность синицы. 19. Композитор, автор первой армянской оперы «Ануш». 21. Вертикальная выработка, пробуренная в горной породе. 24. Духовой музыкальный инструмент. 26. Поэт, автор слов песни «Подмосковные вечера». 27. Способ спортивного плавания. 29. Город в Чувашии. 31. Автор повести «Обелиск». 32. Небольшая транспортная машина. 33. Результат научно-исследовательской деятельности.

По вертикали:

1. Советский летчик-космонавт. 2. Занятие физическими упражнениями. 3. Летчик, получивший одним из первых звание Героя Советского Союза в Великую Отечественную войну. 4. Первоначальный набросок будущего произведения. 5. Актриса, Герой Социалистического Труда. 6. Условная линия соприкосновения неба и земной поверхности. 7. Пьеса А. Арбузова. 8. Один из первых звуковых киножурналов для детей. 14. Песня И. Дунаевского. 15. Автор популярного романа о первом поколении комсомольцев. 18. Грузоподъемная машина. 20. Приток Печоры. 22. Автор поэмы «Пятилетка». 23. Художественный коллектив музыкантов, певцов, танцоров. 24. Герой кинофильма «Баллада о солдате». 25. Оптическая система из линз. 28. Стихотворение В. Маяковского. 29. Образец горной породы, подготовленный для микроскопических исследований. 30. Место конспиративных встреч. 31. Белорусский писатель.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 6

По горизонтали:

3. Бизон. 8. Норейка. 9. Антарес. 10. Аргон. 11. «Зенит». 12. Украина. 15. Новоалександровск. 18. Серна. 19. «Знамя». 22. Самоотверженность. 26. Анданте. 29. Неман. 30. Метан. 31. Тачанка. 32. Индейка. 33. Дунай.

По вертикали:

1. Сопрано. 2. «Нерон». 3. Баллаkleя. 4. Зебра. 5. «Накануне». 6. Ранет. 7. Меринос. 13. Балатон. 14. Грузины. 15. Насос. 16. Смотр. 17. Князь. 20. Авангард. 21. Нептуний. 23. Антенна. 24. «Тачанка». 25. Бакен. 27. Аркан. 28. «Певец».

СВЕТ НАМ ДАРЯЩИЙ

Детство Александра Агабекова прошло в Ленинграде, на Петроградской стороне. Здесь он пережил девятьсот блокадных дней, оставивших память на всю жизнь. Армению узнал только после войны, и она, как дом предков, органично вошла в его жизнь и творчество. Александр часто бывает там, работает, общается с армянскими художниками. Мастерская же художника — в одной из улочек Петроградской стороны, в характерной ленинградской мансарде. На ее стенах подвижная экспозиция: цветные литографии, акварели, рисунки и так называемые «стекла», над которыми увлеченно работает Агабеков.

Круг тем и образов художника широк и многообразен. Тут Армения и Ленинград, русская деревня и жизнь города. Цветные автолитографии складываются в циклы, далекие друг от друга, часто тематически противоположные. Их объединяет отношение художника к жизни, остро и по-своему увидевшего мир. А жизнь раскрывается перед Александром Агабековым как многокрасочное, захватывающее зрелище, из которого художник извлекает поэтические образы.

Александр Агабеков почти всегда возвращается к своим сюжетам в различной технике исполнения: акварель, цветная автолитография, коллаж на стекле. И каждый раз возникает не копия или повторение, а новое произведение, в котором тот же мотив решен ярче, выразительнее.

Дух экспериментаторства, свойственный художнику, привел его в последние годы к своеобразным коллажам на стекле, прообразом которых были кустарные, рыночные картинки на стеклах, с применением золотой и серебряной фольги. Агабеков сразу угадал декоративно-выразительные возможности этой техники, хотя ему и пришлось многое открывать самостоятельно.

ВЕЧЕРОМ.

НА ОГОРОДЕ.

В ПАРИКМАХЕРСКОЙ.

МОСТ.

Он тонко почувствовал специфику и пределы этого стиля, его мажорную лубочность, способность заключить впечатление художника в простую и яркую форму. В «стеклах» художник, не имитируя приемы кустарных работ, создает самостоятельные произведения, которые органично связаны с народным творчеством. Пожалуй, «стекла» Агабекова являются доминантой его произведений, и они, как и многие его работы, свидетельствуют о творческом потенциале Агабекова, изобретательности и умении увидеть источник вдохновения там, где другие проходят мимо.

Евгений КОВТУН,
старший научный сотрудник
Государственного
Русского музея
г. Ленинград

МАЛЕНЬКИЙ ФЛЕЙТИСТ.

